

РОСТИСЛАВ
САМБУК



ЛЕГЕНДАРНАЯ ТРИЛОГИЯ О БОРЬБЕ С ФАШИСТАМИ И УКРАИНСКИМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ

СМЕРШ

**БРОНЗОВЫЙ ЧЕРТ
МАРАФОН ДЛИНОЙ В НЕДЕЛЮ
СЕЙФ**

**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Тайный фронт

Ростислав Самбук

**СМЕРШ: Бронзовый черт.
Марафон длиной в неделю. Сейф**

«Алисторус»

2026

УДК 82-312.4:355-40
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

Самбук Р. Ф.

СМЕРШ: Бронзовый черт. Марафон длиной в неделю. Сейф /
Р. Ф. Самбук — «Алисторус», 2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-434-1

Трилогия Ростислава Самбука «СМЕРШ» посвящена героическому подвигу сотрудников советской военной контрразведки в финальной фазе Великой Отечественной войны. Военные чекисты майор Бобренков и капитан Толкунов сражаются с немецкими диверсантами и украинскими националистами. Повесть «Бронзовый черт» («Фальшивый талисман»): обезвреживание оснащённых новейшим оружием («Panzerknaske» – мини-гранатамет) группы диверсантов, которые должны убить представителя высшего военного командования СССР. Повесть «Марафон длиной в неделю»: раскрытие сети немецкой разведки в Львовской области. Повесть «Сейф»: поиск секретного архива «Цеппелин» – органа германской разведки. Действие разворачивается преимущественно на территориях Западной Украины и Польши, создавая реалистичную картину атмосферы конца войны и демонстрируя мужество советских воинов, готовых бороться до победы.

УДК 82-312.4:355-40
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

ISBN 978-5-00269-434-1

© Самбук Р. Ф., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Бронзовый черт	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	41
Глава 9	44
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	57
Глава 13	58
Глава 14	64
Глава 15	71
Глава 16	76
Глава 17	81
Глава 18	85
Глава 19	89
Глава 20	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ростислав Самбук
СМЕРШ: Бронзовый черт.
Марафон длиной в неделю, Сейф

© Самбук Р. Ф., правообладатели 2026

© Захорошко И. П., перевод, 2026

© Ранцова Е. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *



Ростислав Феодосьевич Самбук

Бронзовый черт

Глава 1

– Хотите чаю? – спросил Рубцов и, не дожидаясь согласия, открыл дверь, и приказал адъютанту: – Два стакана чаю, Володя, только покрепче. И к чаю чего-нибудь, печенья, что ли... – Подошел к закрытой черным репсом карте на стене, раздвинул шторы, постоял, всматриваясь, будто не знал наизусть всех обозначений на ней. Резко повернулся к Воловику, сказал, глядя прямо в глаза полковнику: – Седой сообщает, что немцы готовят какую-то важную операцию. Строго засекреченную, даже Седому не удалось разузнать ничего конкретного. Высадка шпионско-диверсионной группы в районе Сарны, Ковель. Это все, что нам известно. Маловато.

Воловик чуть шевельнулся на неудобном стуле с гнутой спинкой. Ответил четко и сухо:

– Не так уж и мало, Василий Семенович. Сегодня суббота, а высадка планируется на той неделе. У нас есть по крайней мере два дня, чтобы подготовиться. Брать группу придется Карему, опыта ему не занимать...

– Брать? – с сомнением переспросил Рубцов. – Брать-то Карему, но леса... Здесь такие леса... – Снова повернулся к карте, словно хотел там найти ответ на не дававший покоя вопрос.

Так и не найдя его, вынул из сейфа другую карту с цифровыми обозначениями по обе стороны от линии фронта – святая святых фронтового управления контрразведки. К этой карте имели доступ только несколько человек, фактически он, генерал Рубцов, и его заместитель полковник Воловик, ну, еще два-три представителя командования, и все.

Рубцов разложил карту на столе, разглядел ее ладонью, ткнул пальцем в синий треугольник на довольно далеком расстоянии от линии фронта и предложил:

– Может, послать к Седому специального связного? С рацией?

Полковник покачал головой:

– А что это даст? Если бы Седой узнал что-нибудь конкретное, успел бы сообщить. Связь с партизанами у него надежная – информация, которую он передает, поступает к нам, как правило, на следующие сутки.

Генерал сидел, разглядывал карту и думал. Как всегда, изучение карты доставляло ему удовольствие и успокаивало. Все словно на ладони. Кружками обозначены места расположения разведывательных и карательных органов врага. В общем, для всего есть свои обозначения: шпионско-диверсионные школы, конспиративные квартиры, пункты переправы, маршруты проникновения гитлеровских шпионов в расположение наших войск, места выброски парашютистов...

Однако сейчас особый случай, что-то задумали в «Цепелине», возможно, даже не там, а в столице рейха, стало быть, вряд ли будут пользоваться старыми каналами, придумают что-нибудь новое, и большая удача, что дошла хоть такая информация Седого.

– Так я свяжусь с Карим, – предложил Воловик.

– Срочно! – приказал генерал. – Поисковые группы направьте в район Сарны, Ковель. Посты оповещения не должны и муху пропустить. Поддерживать связь с местным активом, докладывать о каждом подозрительном человеке. Да что вам говорить, Иван Филиппович, сами все знаете...

– Я передам Седому, – предложил Воловик, – пусть отложит все и сосредоточит внимание именно на этой операции.

– Да, – согласился Рубцов, – это его первоочередное задание. Хотя, – наморщил лоб, – вдруг немцы забросят группу уже послезавтра, а пока сработает наш канал связи...

– Все равно, – не согласился Воловик, – может случиться и так, что нам не удастся уничтожить шпионов и они вернутся назад. Если это будут диверсанты, сами узнаем, зачем их посылали, но, кажется мне, пахнет другим. Диверсантов забрасывают часто, и, как правило, они попадают к нам в руки, но вот так засекретить, что даже Седой не мог ничего узнать!..

– Да, перед Седым они не таятся, – кивнул Рубцов. – Седого они уже считают своим.

Даже в беседах с глазу на глаз Рубцов с Воловиком давно уже отвыкли называть Седого его настоящим именем – таким законспирированным и ценным разведчиком тот был. Пехотный лейтенант, который чем-то понравился Рубцову года два назад. Именно тогда у генерала родилась идея послать его в тыл врага с заданием попасть в поле зрения абвера и стать немецким агентом. Так в конце концов и произошло.

– Итак, решили! – произнес Рубцов твердо. – Связывайтесь с Карим, может, ему потребуется помощь... Подбросим кого-нибудь из фронтового резерва. Где-то в этих лесах базируется большая бандеровская банда. Возможно, именно на нее ориентируются господа из «Цепелина».

– Это только усложнит нашу задачу, – мрачно ответил Воловик.

Глава 2

«Юнкерс» пошел на посадку, и начальник главного управления имперской безопасности Эрнест Кальтенбруннер выглянул в окно. Ничего интересного. Леса с полянами, кое-где озера и болота... Никаких признаков человеческого жилья, и никто никогда не подумал бы, что где-то здесь, среди этих лесов и озер, расположилась ставка фюрера «Вольфшанце», где принимаются важнейшие решения рейха.

Обергруппенфюрер удовлетворенно хмыкнул. Даже он, точно зная, что пролетает сейчас над «Вольфшанце», ничего не заметил, а это свидетельствовало о безупречной работе служб РСХА, значит, его, Эрнеста Кальтенбруннера. Что ж, в конце концов, так и есть: у них все отшлифовано и отлажено, машина, так сказать, работает безотказно, и, если бы не бездарность фронтового командования, можно было бы сказать, что в третьем рейхе все отлично – жизнь строго регламентирована, каждый знает, что ему надлежит делать, нежелательные элементы и красные бунтовщики уничтожены, последние доживают свой век в концлагерях, вся страна славит фюрера.

На вытянутом жестком, всегда мрачном лице Кальтенбруннера появилось подобие улыбки: приятно, когда народ так славит своего фюрера, значит, верит ему и беспрекословно подчиняется.

«Юнкерс» приземлился. Кальтенбруннер с удовольствием спустился по трапу на землю. Увидев, как спешат к нему люди в черном, сделал шаг навстречу и выбросил вперед руку, отвечая на приветствия. Хорошее настроение не покидало обергруппенфюрера, он даже улыбнулся и двинулся вдоль бетонной полосы, ощущая, как пружинят мускулы. Пахло хвоей, Кальтенбруннеру понравился этот запах, он жадно вдохнул воздух и оглянулся.

Начальник охраны ставки, правильно поняв Кальтенбруннера, ускорил шаг и поравнялся с ним.

– Как? – коротко спросил обергруппенфюрер. Начальник охраны сразу сообразил, что интересуется прибывшего. Ответил уверенно:

– Все в порядке, обергруппенфюрер, настроение заметно улучшилось, и фюрер даже вернулся к своим картинам.

Кальтенбруннер еле удержался, чтобы не пожать плечами. В принципе он не одобрял этого увлечения. Рисовать? Фюреру? Пусть бы уж просто собирал картины, как Геринг, это можно было бы понять: хорошие картины стоят бешеных денег. Но сидеть самому с кистью?..

Машина ждала обергруппенфюрера под густыми соснами, и начальник охраны услужливо открыл дверцу перед ним. На переднем сиденье расположился адъютант. Машина тронулась медленно, хотя могла за несколько секунд набрать сто километров. Но здесь негде было разогнаться – вон уже впереди первый шлагбаум и черные фигуры с автоматами преграждают путь.

Несомненно, унтерштурмфюреру, подошедшему к машине, было известно, кто именно едет в ней, кроме того, он не мог не узнать начальника главного управления имперской безопасности, но тщательно, как и полагалось по инструкции, проверил документы, только после этого вытянулся и приказал поднять шлагбаум.

Возле второго шлагбаума машина съехала на обочину: дальше нужно было идти пешком. И здесь у них проверили документы – еще тщательнее, и гауптштурмфюрер СС предложил Кальтенбруннеру сдать личное оружие.

Начальник РСХА спокойно вытащил из кобуры никелированный офицерский вальтер. Обергруппенфюрер сам установил такой порядок, подписав приказ, в котором никому не делалось исключения, и он безжалостно отправил бы этого подтянутого гауптштурмфюрера на фронт, если бы тот нарушил инструкцию.

- Фюрер ждет вас, – доложил начальник охраны.
- Где? – не поворачивая головы, спросил Кальтенбруннер.
- Прямо по аллее, первый поворот налево.

Гитлер сидел на боковой дорожке, точнее, немного в стороне от нее. На траве стояли мольберт и два стула, на одном из них фюрер разложил краски, на другом примостился сам – углубился в работу и не сразу услышал тихие шаги Кальтенбруннера.

Начальник РСХА шел почти на цыпочках – в конце концов, такое приходилось видеть крайне редко: фюрер в экстазе. Когда до мольберта оставалось несколько шагов, Гитлер встрепенулся и резко повернул голову. Кальтенбруннер успел заметить на его лице испуг, а может, это только показалось ему, ибо фюрер улыбнулся и сделал знак приблизиться.

Кальтенбруннер вытянулся и поднял руку, но Гитлер кивнул ему и снова уткнулся в свою картину. Обергруппенфюрер невольно взглянул на нее – дорожка и кусты на переднем плане ядовито-зеленые, совсем не такие, что растут на самом деле, а на фоне желтоватого неба синяя сосна и фиолетовые тучи над ней.

– Я рад видеть вас, Эрнест, – сказал Гитлер, не поворачивая головы. Наконец вздохнув, отложил кисть и поднялся: – Нравится?

– Очень! – вырвалось у Кальтенбруннера вполне искренне, и Гитлер весело засмеялся.

– А мне не очень!

– Ну что вы, мой фюрер, я бы с удовольствием повесил вашу картину в своей гостиной. – Вот и представился случай и польстить самолюбию фюрера, и невзначай попросить у него картину.

– Она еще не закончена.

– Но когда будет...

– Надеюсь. Я пришлю картину вам, Эрнест, если и впрямь когда-нибудь закончу ее.

– Лучшего подарка у меня никогда не будет.

– Я верю вам, Эрнест. – Гитлер хитро улыбнулся, перевел взгляд на акварель, долго всматривался в нее, наконец, снова посмотрел на обергруппенфюрера и добавил: – Я верю вам, поскольку вы абсолютно не разбираетесь в живописи.

Фюрер взял кисть, что-то подправил на картине, встал и положил руку на плечо Кальтенбруннера:

– Давайте немного походим, Эрнест, а то я засиделся, а врачи рекомендуют прогулки.

Он двинулся по аллее, потягивая левую ногу, ковылял, заложив руки за спину, и казалось, совсем забыл о начальнике имперской безопасности. Но это только так казалось – Гитлер вдруг неожиданно остановился и впился в обергруппенфюрера пристальным взглядом:

– Докладывайте, Эрнест! Выявили новых участников заговора?

– Конечно, мой фюрер.

– Кто?

– Мелочь, не стоит вашего внимания.

– В этом деле нет мелочей.

– Я знаю, и в первые дни мы взяли всех главных участников заговора.

– Как Канарис?

– Так, как вы и хотели, мой фюрер. Камера – голый бетон, без койки и нар, хлеб и вода. Я приказал допросить его, – улыбнулся злорадно, – первая категория допроса. Это только цветочки, мой фюрер.

– Он должен жить! – Гитлер остановился и вперился в Кальтенбруннера холодными глазами. – Он должен жить, пока я сам не посмотрю на него, вам ясно, Эрнест? Пока я сам не увижу страха на лице этой грязной свиньи! Это он виновен в наших поражениях, проклятый шпион и предатель! Я никогда не прощу ему, я хочу увидеть, как он будет медленно умирать

и просить пощады, но никогда ее не дождется, никогда! – Гитлер произнес все это единым духом, уставясь на Кальтенбруннера.

Обергруппенфюреру на мгновение стало жутко, будто это он очутился на месте Канариса, мороз пробежал по коже. Кальтенбруннер пожал плечами, отвел глаза и подтвердил:

– Никогда!

– Но вы ведь не для того прилетели из Берлина, чтобы рассказать мне о самочувствии Канариса? – вдруг улыбнулся Гитлер. – Я слушаю вас, Эрнест, внимательно слушаю, разговоры с вами всегда приносят мне удовольствие. Кроме тех редких случаев, когда у вас неприятные известия.

– На этот раз неприятностей нет.

– Итак, у вас появилась какая-то идея, Эрнест? – сразу оживился Гитлер.

– Да. – Кальтенбруннер решил не говорить, что идея, собственно, принадлежит не ему, а возникла у никому неизвестного гауптштурмфюрера из «Цеппелина».

Гитлер остановился. Стоял, заложив правую руку за спину, перекатываясь с носков на пятки, и заинтересованно смотрел на Кальтенбруннера.

– Ну говорите же! – сказал нетерпеливо.

– Есть возможность произвести диверсию, от которой содрогнется весь мир! – не без пафоса ответил обергруппенфюрер.

Водянистые глаза Гитлера ожили.

– Уточните! – приказал.

– Диверсия против Верховного Командования русских.

Гитлер даже потянулся к обергруппенфюреру, поднялся на носках и опять положил руку на его плечо.

– Неужели?! – воскликнул взволнованно. – Неужели вы в самом деле способны на это, Эрнест?

– Думаю, что да.

Гитлер опустил с носков, сгорбился и махнул рукой.

– Вы способны только обещать... – произнес разочарованно. – Вы обещали мне Тегеран, Эрнест, а что из этого получилось?

Кальтенбруннер ждал такого вопроса и заранее подготовился к нему.

– Там действовали люди Канариса, – ответил твердо. – Русским удалось пронюхать о нашей акции и принять меры. В Тегеране не обошлось без предателя, мой фюрер.

– Что же вы предлагаете сейчас?

– Мы забросим в советский тыл человека с уникальными документами, русские обожают своих героев. У нашего человека будет новейшее оружие, а также взрывчатка...

Гримаса недовольства скривила лицо Гитлера.

– Это только у нас кто-то может безнаказанно носить в портфеле бомбы, русские не настолько глупы, Эрнест, и ваша идея...

– Конечно, мой фюрер, – попробовал вмешаться Кальтенбруннер, – вы, как всегда, правы, но...

– Никаких «но», Эрнест! Вы знаете, какая охрана у Сталина?

– Самую лучшую в мире охрану имеете вы, мой фюрер.

Гитлер пошаркал по гравию дорожки ногой, пострадавшей во время взрыва, и Кальтенбруннер сразу понял намек.

– Такое больше не повторится, проклятые военные, сейчас они поджали хвосты!

– Думаю, что у русского Верховного Командования охрана не хуже и ваши проекты, дорогой Эрнест, не стоят мыльного пузыря.

– Однако мы привлекли самых лучших специалистов рейха. Создано принципиально новое оружие – такого еще не видел мир, – в умелых руках оно безотказно, и мы надеемся на полный успех операции.

– Новое оружие? – заинтересовался Гитлер.

– Принцип «Фау», мой фюрер. Снаряд кумулятивного действия, пробивающий почти пятисантиметровую броню. И все устройство помещается в рукаве пиджака.

– В рукаве? – не поверил Гитлер. Поднял правую руку, вытянул ее и даже пощупал. – И пятисантиметровая броня?

– Да.

– Так что же вы тянете, Эрнест? Почему я должен ждать? Почему должен ждать весь рейх? Злейшие наши враги делают что хотят, скоро их солдаты войдут в Польшу...

– Вот мы и предлагаем, мой фюрер...

– Я принимаю ваше предложение, Эрнест. Вы знаете, какой резонанс приобретет такая диверсия!

– Вам всегда виднее. – Кальтенбруннер почтительно склонил голову.

Но Гитлер, наверное, уже не видел его. Выкрикивал, слегка подавшись вперед, и сам, должно быть, не слышал своих слов:

– Акция против Сталина посеет среди русских панику! А знаете, что такое паника во время войны? Поражение. Мы остановим красных, остановим! Мои генералы, надеюсь, будут чего-нибудь стоять. Но вы не представляете себе, Эрнест, еще одного аспекта этой акции. Ссоры между союзниками, развал коалиции... Черчилль, этот старый лис Альбиона, давно ищет повод, и мы дадим его. Что вам требуется, обергруппенфюрер, для осуществления этого плана государственного значения?

– Ваше согласие, мой фюрер.

– Вы его уже получили. Еще?

– Я хотел только предупредить, что тщательная подготовка акции будет стоить...

– У вас нет денег? Кто-нибудь ограничивает?

– Нет, но...

– Никаких «но». Во что бы это ни обошлось, конечный результат стоит того.

– Сегодня я еще раз убедился в этом.

Гитлер повернулся и поплелся назад, к мольберту.

– Вы хорошо продумали операцию? – спросил, не останавливаясь.

– Сейчас ее обстоятельно отрабатывают.

– Строжайшая конспирация, – предупредил Гитлер как-то утомленно: взрыв эмоций не прошел бесследно. – Крайне ограниченное число лиц должно знать о подлинной цели. Даже Геринг...

– Да, мой фюрер, даже Геринг ничего не будет знать. Кроме вас и непосредственных участников акции в курсе дела будут двое или трое.

– Кто они?

– Скорцени, мой фюрер, и еще...

– Это уже в вашей компетенции, Эрнест.

Они подошли к мольберту, и Гитлер устало опустился на стул. Сказал спокойно:

– Пусть вам повезет, Эрнест. Знайте только, акция должна осуществиться во что бы то ни стало!

– Я понял вас, мой фюрер.

Гитлер взял кисть, долго вглядывался в картину и наконец сделал небрежный мазок.

– Думается, так будет лучше, – сказал, будто и не было только что разговора о диверсии и единственное, что тревожит его, – цвет неба на картине. – Я подарю вам, Эрнест, именно эту

акварель, если, конечно, получится. С благодарностью за радость, которую вы принесли мне сегодня. Вы спешите, обергруппенфюрер?

– Да. – Кальтенбруннер щелкнул каблуками. – До встречи, мой фюрер. Хайль! – Повернулся и пошел не оглядываясь, и только гравий монотонно шуршал под тяжелыми шагами.

Глава 3

Куренной Сорока, сидя на бревне, ждал, пока хлопцы готовили все для купания. Сбросил рубашку, вытянул ноги в кальсонах, подставив спину солнцу, наслаждался теплом и покоем.

Хлопцы грели воду в котле и ведрах на летней печке, сооруженной посреди двора под деревянным навесом. Семен, усатый и пожилой дядька, попробовал воду рукой.

– Подождите, друг куренной, еще минуточку, – сказал Семен.

В самом деле, куда спешить?

Семен вытащил из колодца ведро воды. Вылил в большое корыто, еще раз попробовал воду в котле, удовлетворенно хмыкнул. Дал знак помощнику, тот подхватил котел с другой стороны, и они вместе вылили в корыто воду, аккуратно, чтобы не расплескалась. Семен подержал руку в воде, долил холодной и заметил:

– А сейчас прошу пана куренного, и купаться вкусно будет.

Сорока стал медленно снимать кальсоны. Думал: надежный хлоп этот Семен, вон какие красивые слова нашел – вкусно купаться...

Семен вылил на него полведра теплой воды – куренной намылил голову, смыл мыло и погрузился в корыто, с наслаждением ощущая, каким невесомым становится тело.

Потом куренной поднялся, хлопец принес полное ведро теплой воды и вылил на Сороку осторожно, словно это был не куренной, а сам Бандера. Да, в конце концов, кто для хлопца Бандера? Для него Сорока выше не только Бандеры, а самого господ бога, потому что пан куренной может миловать и карать сегодня, сейчас и все в конечном итоге зависит от его настроения.

А настроение у Сороки после купания заметно улучшилось.

– Ну как мы вас освятили, друг куренной? – спросил Семен, подавая льняной рушник.

– Хорошо, – с наслаждением ответил Сорока. – Ты, Семен, во всем мастак.

Куренной надевал чистое белье не торопясь, уже ощущая вкус борща и первой чарки. Отменный борщ варит хозяйка, от такого борща никуда не уехал бы, но, к сожалению, жизнь стала беспокойной. И кто может сказать, где они будут завтра?

Это сегодня – купание и вкусный борщ на богом забытом хуторе, а завтра сюда могут прийти большевики, и надо будет пробираться болотами и чащей к другому безопасному месту, возможно, отсиживаться в схронах – полная лишений и тревог жизнь. Одно успокаивает – красным сейчас не до них. Немцы вон еще как сражаются! Впереди Польша, и, по сведениям оуновцев, именно там вермахт готовится дать решительный бой русским и наконец остановить их.

«Скорее бы, господи! – ежевечерне молился Сорока. – Такая чудесная жизнь была при немцах! Сидели спокойно в селах и хуторах, иногда устраивая вылазки против поляков и большевиков. Сытая и беззаботная жизнь с самогоном и девушками... Так бы и довековать».

Ради этой сытой и спокойной жизни хитрый почтарь Филипп Иосифович Басанюк и подался в ОУН (запрещена в России как экстремистская организация – прим. ред.).

Что за жизнь на почте? Полуголодная, суетливая, каждый тобой помыкает, у каждого претензии, жалобы – тьфу, господи боже ты мой, – а дослужиться можно разве что до начальника почты. А ОУН (запрещена в России как экстремистская организация – прим. ред.) – это организация, и, если правильно вести себя, кланяться начальству и чувствовать, откуда ветер дует, можно взлететь высоко. Вот он уже куренной – чин не очень-то большой, но и не маленький, и, если бы не проклятые большевики, жить бы да жить.

Куренной поднялся на веранду не спеша, сел напротив хозяина, и тот сразу, не ожидая согласия, потянулся к бутылке. Выпили.

И нужно же, чтобы именно в это время...

Только куренной нацелился на жирный кусок свинины, как увидел над кустами черной смородины зеленую шляпу сотника Мухи. Прибытие сотника не предвещало ничего хорошего. Сорока положил ложку, схватился за поясницу и сморщился

– Что с вами, пан куренной? – испугался хозяин.

Сорока жил у него меньше месяца, и хозяин не успел еще изучить все его привычки. Да и откуда он мог знать, что пана куренного, когда надо действовать или принимать решения, всегда почему-то схватывает радикулит – чудесная болезнь, если ею правильно пользоваться. Может, сотник Муха и не принес ничего неприятного, что ж, тогда боль пройдет, тем более что пан куренной давно жалуется на эту болезнь.

На веранде появился Муха. Не сняв своей мерзкой шляпы, он пролез прямо к столу, сел и только после этого поздоровался.

Куренной подумал: правильно говорят – из хама никогда не будет пана. У этого быдла было двадцать моргов земли, что совсем немало для лесного края, но Муха всегда приbedнялся: вон пиджак какой замызганный и рубашка перепрела.

Наконец сотник снял шляпу, налил себе полный стакан и, пожелав уважаемому обществу доброго здоровья, выпил и со вкусом чмокнул губами. Закусил и только после этого обратил внимание, что куренной схватился за поясницу.

– Радикулит? – спросил с иронией.

– Приступ, – ответил Сорока, глядя преданно в глаза Мухе.

– Есть новости, друг куренной...

Хозяин деликатно встал:

– Извините, панство, я на минутку...

Муха посмотрел ему вслед безразлично и достал из-под грязной подкладки шляпы аккуратно свернутую бумагу:

– Приказ, друг куренной.

Сорока опять схватился за поясницу. Приказ – это плохо. Приказ никогда не приносит ничего радостного. Скорчился на стуле и сказал:

– Позови Юрка, сотник, приказ, наверно, зашифрованный?

– Да, друг куренной. – Муха развернул бумагу, подал Сороке.

Тот посмотрел на нее отчужденно. Тогда сотник встал, вышел на крыльцо веранды и приказал Семену, который торчал неподалеку:

– Юрка сюда!

Они успели выпить с сотником еще по полстакана, когда наконец явился Юрко. Куренной показал на депешу, лежащую на столе. Сотник налил чарку и подал хлопцу, но Юрко отказался. Впрочем, Муха и не настаивал: все знали, что Гимназист (а Юрко получил это прозвище, поскольку закончил гимназию) не употребляет самогона.

Юрко колдовал над приказом недолго. Переписал текст карандашом на чистый лист бумаги и подал куренному. Тот отмахнулся:

– Читай, я без очков...

Юрко прочитал медленно и выразительно:

– «Куренному Сороке. Приказываем Вам с десятью стрелками двадцатого августа при-
быть на известную вам явку в селе Квасово. Передвигаться, избегая столкновений. На явке
ждать людей с нашей стороны. Пароль: «Сегодня в лесу жарко». Отзыв: «Слава богу, погода,
кажется, установилась». Оказать агентам всестороннюю помощь, обеспечить охрану и прикры-
тие. На время выполнения задания будете подчиняться руководителю группы. За исполнение
приказа строго отвечаете. Главный».

Сорока чуть шевельнулся в кресле. Как повезло, что он издалека заметил зеленую шляпу и успел схватиться за поясницу! Не хватало ему ползти болотами в Квасово – как-никак добрая сотня верст, – да еще подчиняться неизвестному агенту. Наверное, важные птицы, если их

требуется, прикрывать и охранять. И награда, стало быть, будет. Но черт с ней, с наградой, всех наград не получишь, а жизнь, как известно, одна.

Сорока сказал с достоинством:

– Жаль, но что поделаешь, не могу возглавить операцию. Радикулит проклятый. А задание почетное и важное! Считаю, что вы, друг сотник, справитесь с ним.

– Я?.. – даже открыл рот от удивления Муха. – Вы же послали меня в Гадячий...

– Э-э, что Гадячий... – небрежно отмахнулся Сорока. – Там любой справится. А тут задание ответственное, и нужны лучшие люди. Я бы сказал, самые лучшие, и кому, кроме вас, сотник, можно доверить такое? Пойдете вы с Юрком, еще десять бойцов, отберете их сами, сотник, вам с ними идти, вам на них опираться.

Муха уже давно понял, какую свинью подложил ему куренной. Попробовал возразить:

– Но, прошу пана, я давно не был в Квасове, в тех лесах. А каждый день все меняется...

– Леса! – беспечно засмеялся Сорока. – Леса везде одинаковы... А явка в Квасове надежная. Бывший мельник из Грабово, возможно, вы знали его? Петр Семенюк! Золото, не человек, у него – как у Христа за пазухой.

Сотник Муха вызвал Юрка на скотный двор. Внимательно огляделся, но никого поблизости не было, только две уже выдоенные коровы лениво жевали свежескошенную траву. Переговорили о предстоящем деле. Муха притянул к себе Юрка, дохнул самогонным перегаром так, что юношу замутило, спросил:

– Ты о приказе говорил кому-нибудь?

– Что вы, друг сотник, это же ясно – секрет.

– И вот что, Гимназист, чтобы твоя Катря...

Юрко перебил его решительно:

– Должен попрощаться!

– Скажешь, что идем в Ровно.

– Что?

– Никто не должен знать о Квасове.

Юрко пожал плечами, но согласился:

– Слушаюсь.

Парень перепрыгнул через жердь и направился за хутор, к стожаре. Свежее сено сюда еще не завезли, и стожара стояла пустой и казалась запущенной, совсем забытой, легкий ветер свистел в щелях, и плохо прибитая доска все время тихо постукивала. Стожара почему-то навеяла на Юрка тоску. Может, потому, что придется проститься с Катрусей. Но в Квасове он наверняка не задержится: какую-нибудь неделю – и снова сюда, на лесной хутор.

Сразу за стожарой тихо журчал ручеек. Юрко перепрыгнул его, свистнул дроздом и тут же услышал ответ. Счастливый, опустился на траву. Так подавала голос только Катря.

Юноша растянулся на траве лицом вверх. Видел только синее небо с белыми облаками, на фоне которого раскачивался розовый колокольчик. Ему вдруг показалось, что он звонит. Юрко прислушался и, кажется, услышал мелодичный серебряный звон, звучащий на лесной поляне в ясный праздничный день, – этот звон может услышать только самый счастливый человек.

Катря растянулась рядом, дохнула Юрку в ухо, засмеялась звонко и громко, но парень настороженно поднял руку.

– Слышишь?.. Колокольчик... – Юрко дотронулся до цветка, и он зазвенел вдруг торжественно.

Этот звон Катря не могла не услышать, девушка сразу поняла это и только положила в знак согласия ладонь на его щеку.

– А ты грустный, – вдруг сказала Катря и вопросительно посмотрела Юрку в глаза.

– Правда?.. Завтра утром уходим...

– Не смей! – вскрикнула она. – Никуда не пойдешь! – Катря села и спросила уже серьезно: – Кто тебя у Сороки держит?

– Я сам.

– Так уж и сам. Вон люди хлеб убирают, а вы автоматами балуетесь.

– Не говори так, мы же за дело...

– За дело? А дело – это работа. Немцев погнали, а вы до сих пор по лесам бродите...

– Так за свободу ж... – Юрко посмотрел на Катрию покрасневшее от возбуждения лицо, увидел совсем-совсем рядом синие, синее неба, глаза и добавил неуверенно: – За народ мы...

– А отец в Подгайцах школу открывает, – будто между прочим сказала Катря, но Юрко понял подтекст ее слов.

– Чтобы детей учить большевистской науке?

– При немцах совсем ничему не учили. Твою гимназию когда закрыли?

– В сорок первом.

– Вот видишь! А ты в университет хотел. Во Львове скоро университет откроют.

– Может, и откроют, – согласился Юрко, но сделал вид, что это ему безразлично: даже закрыл глаза и стал покусывать какую-то травинку.

– А я поеду в Ковель.

– С ума сошла?

– Как видишь... – Девушка засмеялась будто бы беспечно, однако какое-то напряжение чувствовалось в ее смехе.

– Что ты не видела в Ковеле? – Юрко быстро поднялся, сел, положив руки на плечи Катре, и заглянул ей в глаза. – Что?

– Пойду в школу.

– А в Подгайцах?

– Здесь только семь классов, а я – в восьмой.

– Так над тобой же будут смеяться: семнадцать лет – в восьмой...

– Пусть смеются, все равно буду учиться. А потом во Львов...

– Катруся, – вдруг сказал Юрко жалобно, – и ты хочешь бросить меня?

– Давай вместе.

– Не могу, – покачал головой, – у меня долг.

– Отец говорил: кто из бандер добровольно сдается, большевики прощают.

– Так я и поверил...

– В Подгайцах на сельсовете воззвание...

– На сельсовете? – удивился Юрко. – Сорока им пропишет воззвание!

– Красные немцев добьют и за вас возьмутся.

Юрко безвольно махнул рукой. Честно говоря, он и сам так думал, но что поделаешь? Уйти от Сороки страшно: оуновцы лютуют, предателям, говорят, нет пощады. Сидел насупившись, затем решительно вскочил, вытянулся и произнес:

– Ты, Катруся, подожди. – Протянул руку, привлек ее к себе – высокий, сильный, стройный. – Подожди неделю, я вернусь, и мы все решим.

Девушка положила руки ему на грудь, подняла глаза, обожгла голубизной, и Юрко утратил всю свою решительность. А она вздохнула ему русский чуб и тихо засмеялась.

– Глупый еще, – прошептала. – Надо решать: останешься с Сорокой или со мной?

– С тобой, – сказал Юрко, – только с тобой.

Засмеялась счастливо и прижалась к парню.

– Ну не могу же я... – произнес просительно Юрко. – Ведь мы договорились, и я не хочу нарушать слово. Мужчина я или нет?!

– Куда идете?

- Юрко забыл о наказе сотника, да и какие могут быть секреты от любимой?!
- В Квасово.
 - Это где?
 - Далеко, сто верст.
 - Зачем? – посуровела Катря. – Я не хочу...
 - Ты же знаешь, у меня руки чистые.
 - Что за акция?
 - Надо встретить кого-то... – неопределенно ответил Юрко. Подумал немного и добавил:
- Если через неделю не вернусь, езжай в Ковель.
- А ты?
 - От Квасова до Ковеля ближе.
 - Отыщешь меня у тети. Песчаная улица, семь.
 - Песчаная, семь, – повторил Юрко. – Через неделю жди меня.

Глава 4

Майор Бобренок с удовольствием стянул сапоги и, пока Толкунов влезал на дерево, дал передохнуть ногам. Смотрел, как ловко поднимается по дубу капитан, наконец тот дотянулся до белого лоскута, снял его с острой сломанной ветки осторожно, словно это был не простой шелк, а мина замедленного действия. Толкунов сел верхом на толстенную ветку, разгладил кусок материи на колене и только после этого сказал:

– Он, голубчик... Настоящий немецкий парашютный шелк.

Бобренок ничем не выразил своей радости, хотя известие в самом деле было приятным. Стало быть, они не ошиблись, и первый след наконец обнаружен.

Майор заученно бросил взгляд на часы. Восемь часов тридцать четыре минуты. Посты противовоздушной обороны впервые засекли немецкий самолет в два часа ночи, а через шесть с половиной часов у них уже появилось первое подтверждение того, что самолет выбросил парашютистов. Неплохо, даже очень неплохо, иногда такой поиск затягивается на сутки, а то и больше.

Пока Толкунов спускался с дуба, Бобренок аккуратно перемотал портянки и обулся. Взял у капитана кусок шелка, внимательно разглядел:

– Парашют зацепился за сук, пришлось дергать. Вот и оборвали.

– Или оборвал, – уточнил Толкунов.

– Да, может, он был и один, – согласился Бобренок. – Во всяком случае, не повезло ему... – Огляделся вокруг. Действительно, если бы парашютист спустился на несколько метров в стороне от дуба, попал бы на полянку. На рассвете выбрал бы подходящее место, закопал парашют – и ищи его в этих лесах хоть целую неделю.

Но один ли парашютист? Немцы, как правило, забрасывают группы из трех – пяти человек. Диверсанты или шпионы со взрывчаткой, рацией, оружием... Правда, на этот раз мог быть и один. Полковник Карий говорил, что из разведывательных данных стало известно: немцы готовят какую-то важную акцию в зоне расположения тылов армии. Приблизительно на линии железной дороги Сарны – Маневичи – Ковель... Тут одному не справиться. Если, конечно, это диверсия. Шпиону тоже трудно одному – с рацией хватает хлопот. Хотя может иметь явки, связных, оставленных здесь во время отступления.

Однако что бы ни было, их надо искать. Другого выхода нет – только искать. Осмотреть каждый квадратный метр вокруг, и не только вокруг – весь лес. Диверсанты не могут не оставить следов, должны ведь закопать где-нибудь парашюты...

Толкунов мрачно посмотрел на майора.

– Разойдемся? – предложил хмуро.

– Разойдемся, – согласился Бобренок и положил в сумку парашютный лоскут. Топнув правой ногой, проверил, хорошо ли обернул портянку, достал карту. – Ты возьмешь этот квадрат, – очертил на карте, – будем двигаться в направлении Жашковичей, встретимся, если ничего не случится, в одиннадцать на дороге – третий километр от Жашковичей.

Шел Толкунов устало, засунув пальцы за ремень, добротный, почти новый. Капитан раздобыл его вместе с портупеей у какого-то интенданта. Кобуру, правда, не сменил – повесил на новый ремень старую и потертую, с обыкновенным офицерским ТТ. Большинство разведчиков отдавали предпочтение наганам, но Толкунов не расставался со своим ТТ. С ним он пришел в Смерш – пехотный лейтенант, командир взвода, которого приметил полковник Карий.

Капитан уже исчез в кустах, и Бобренок медленно двинулся в обход поляны. Вряд ли здесь закопан парашют: трава и цветы нигде не примяты – майор сразу увидел бы следы человека на поляне.

Обойдя колючие кусты, Бобренко вышел к небольшому оврагу, дно которого заросло папоротником, а песчаные склоны – кустарником. Неплохое место для тайника. Майор двинулся по дну оврага, но не обнаружил никаких следов и, только выбираясь наверх, заметил что-то беловатое. Бобренко остановился: неужели еще один парашютный лоскут? Приблизился к нему сверху, чтобы ничего не вытоптать вокруг.

На траве лежал кусок бинта, грязная марля, и кровавые пятна проступали на ней. Человек, пользовавшийся бинтом, нашел укромное место – трава низкая, будто скошенная, сидя на такой, не оставишь следа. Наверно, человек присел на бугорок, спустил ноги. И раненный... Майор понюхал повязку: еще не выветрился запах лекарства.

Бобренко спрятал бинт в сумку. Теперь надо найти следы. Сделал большой круг и ничего не заметил. Второй, третий – и наконец его настойчивость была вознаграждена: след четко просматривался в низине, поросшей мхом, – влажный грунт осел под ногами человека, обутого в сапоги, это майор знал сейчас абсолютно точно. Шел человек из леса на дорогу, поскольку метрах в трехстах пролегла проселочная дорога к большому селу Жашковичи. А из Жашковичей рукой подать до шоссе на Маневичи.

Вдруг Бобренко даже свистнул от неожиданности и опустился на колени прямо на сырой мох, забыв, что может запачкать совсем новые галифе. Правый след вырисовывался четче, был глубже левого чуть ли не на сантиметр, а это значило: человек хромает. Итак, мужчина ступал на левую ногу осторожно, перенося всю тяжесть тела на правую. Из этого следовало...

Майор почувствовал, как запылали у него щеки. Да, из этого следовало, что человек поранил или вывихнул левую ногу: неудачно приземлился, парашют запутался в дубовых ветвях, диверсант обрезал стропы и упал. Могло так случиться? Какое это имеет значение, главное – надо искать хромого человека.

До одиннадцати оставался еще час. Бобренко дошел до проселка и, поняв, что хромым направился к Жашковичам, повернул назад. Наверное, диверсант еще до выхода на проселок спрятал парашют, и, может, удастся найти его.

Целый час майор шарил в кустах, осматривая укромные участки леса, однако сегодня фортуна уже отвернулась от него. Он опоздал к условленному месту на пять минут. Толкунов уже поджидал его – сидел на обочине дороги и смотрел осуждающе: привык к точности и даже пятиминутное опоздание считал разгильдяйством.

Не обратив внимания на укоризненный взгляд Толкунова, Бобренко спросил:

– Ну что?

– Ничего, – мрачно ответил Толкунов. – Я обыскал каждую кочку, – ударил ребром ладони по колену, – и ничего. Проклятие какое-то...

Майор присел рядом, достал из сумки бинт и, еще раз понюхав его, протянул Толкунову.

– Где? – сразу понял тот.

– Метрах в трехстах от дуба. Перевязывал ногу.

– Почему именно ногу?

Бобренко высказал свои предположения, и лицо капитана просветлело.

– Надо расспросить людей в Жашковичах, может, кто-нибудь видел хромого. – Толкунов встал легко, словно отдыхал не пять минут, а по меньшей мере час. – Пошли в село.

Бобренко внимательно наблюдал за дорогой, стараясь обнаружить знакомые следы, но безрезультатно. Совсем недавно в Жашковичи проехали возы с сеном, его клочья виднелись на обочине дороги.

Село показалось неожиданно, первая хата стояла среди леса, и только за ней деревья были выкорчеваны – там виднелись огороды. Крытая щепой, срубленная из старых, потемневших бревен, хата казалась меньше, чем была на самом деле, выглядела какой-то печальной, будто тосковала о чем-то. Крыльцо перекосилось, щепы на крыше замшела, калитка скривилась и стучала на ветру.

Майор вошел в хату. В сенях стояла бочка, на веревке висело какое-то тряпье, пахло затхлым жильем, борщом, прошлогодней капустой или огурцами. Бобренок хотел постучать в грубо сколоченную, тяжелую дверь, но она раскрылась сама, и на пороге показалась пышно-грудая красивая молодая женщина с заплетенными и аккуратно уложенными на голове косами.

– Заходите, – пригласила гостеприимно и даже как-то поспешно, – прошу пана офицера заходить...

В комнате стоял стол, несколько табуреток и лавка вдоль стены. Но за хлопчатобумажной пестрой занавеской Бобренок заметил роскошную для бедного полесского села никелированную кровать с большими блестящими шарами на спинках и платяной зеркальный шкаф, который украсил бы любую квартиру. Это несколько удивило майора. Сел на лавку, снял фуражку и спросил у хозяйки, что стояла в ожидании, прислонившись к печке:

– Ваша хата крайняя в селе, рядом дорога. Не видели ли вы сегодня утром военных? Несколько или одного? Разминулись мы, а договорились встретиться именно в Жашковичах.

– Нет, не видела... А вы сами откуда? – бесцеремонно поинтересовалась женщина.

– Ну, знаете, военные...

– Тайна, значит, – улыбнулась насмешливо.

– И никто из чужих не проходил?

– Может, и проходили. За всеми не усмотришь.

– Сегодня сено возили, – не сдавался майор. – Откуда?

– А с Григорьевских лугов.

– Видели, как везли?

– Ну видела.

– И никого не подвозили?

– А бес его знает...

Майору показалось: женщине что-то известно, но она почему-то отмалчивается.

– Вы когда сегодня встали?

– Как всегда, на рассвете.

– Коровы же нет, для чего так рано?

– Привычка, – усмехнулась и как-то вызывающе распрямила плечи, выпятив высокие груди. – Крестьянская привычка, вместе с солнцем, ведь и ложимся рано. Керосина нет. В пять уже в огороде копалась.

– И машины военной не видели?

Женщина замялась лишь на мгновение.

– Нет, – ответила она, и майор уловил, что женщина сказала неправду, потому что этой же дорогой мимо хаты проехал через Жашковичи их «виллис» – шофер высадил его и Толкунова километров за пять от села и возвратился через Жашковичи в штаб армии.

– А в селе чужих людей нет? – спросил.

– Может, и есть...

Бобренок понял, что ничего от нее не добьется, встал и вышел на крыльцо.

Молодица последовала за майором. Бобренок попрощался с ней и спросил, как найти сельсовет.

– Не пройдете мимо, – только и сказала.

Стояла на крыльце, смотрела вслед. Неожиданно майор оглянулся и увидел в ее глазах то ли тревогу, то ли испуг, замедлил шаг и оглянулся еще раз, но женщина даже улыбнулась, и майор подумал, что он, наверное, ошибся.

Сельсовет размещался в одном доме с магазином и был закрыт. Бобренок потрогал большой замок, а Толкунов заглянул в магазин. Он спросил у продавщицы, где можно найти председателя сельсовета.

– А в селе, – ответила та не задумываясь.

– Село большое...

– Большое, – согласилась продавщица, – но дядька Федор на похоронах. Бабка Стефания умерла, так сегодня будут хоронить.

Усадьбу бабки Стефании долго искать не пришлось. Возле хаты толпились люди. Бобренко и Толкунов направились туда. Толпа расступилась, давая дорогу, но майор остановился и спросил, где председатель сельсовета.

Старый, морщинистый человек в черной шляпе смерил его с головы до ног подозрительным взглядом и поинтересовался:

– А вам, извините, зачем?

– Нужен. По делу.

– Ну если по делу... – учтиво кивнул старик. – Председатель пошел за лошадьми для похорон, сейчас придет.

Пришлось ждать. Бобренко с Толкуновым устроились в тенечке под грушей, росшей во дворе, ощущая на себе многочисленные любопытные взгляды.

Бобренко захотел покурить, но не знал, можно ли это делать во время похорон, однако желание пересилило сомнение, и он извлек из кармана пачку папирос. Очевидно, старик в черной шляпе не спускал с майора глаз, так как сразу же вырос перед ним и бесцеремонно протянул руку к пачке.

– Разрешите, пан офицер, – попросил льстиво, – таких папирос мы здесь и не видели.

Майор щелкнул пальцем по пачке, выхватил папиросу, зажег спичку, дал прикурить старику, тот затянулся с наслаждением и сел на кончик скамейки рядом с Бобренком. Наверное, ему хотелось поговорить – да еще с таким большим начальником, – почтительно дотронулся мозолистыми и скрюченными от тяжелой работы пальцами до шляпы и сказал:

– Эта Стефка, что умерла, конечно, стервою была, но, если бы паны офицера знали, какой у нее бимбер...

Бобренко не знал, что такое бимбер, но само слово понравилось ему.

А старик продолжал:

– Такого бимбера, извините, не найдешь во всех Жашковичах. Жаль, что умерла старая выдра, некому больше варить...

– Что такое бимбер? – спросил Толкунов.

Дед удивленно посмотрел на них, как на ненормальных.

– А-а, – сообразил наконец, – это, извините, по-вашему – самогонка, по-нашему же – бимбер, и варить его нужно умеючи, потому что из чистого продукта можно сделать такое, что без пользы организму...

– Без пользы, говорите? – улыбнулся Бобренко, но сразу же погасил улыбку: разве может быть весело на похоронах? А тут еще на тебя смотрит женщина в застиранной кофте неопределенного цвета, в огромных, не по ноге, бахилах. Она держала за руку девочку – беловолосую и голубоглазую, тоненькие, как спички, ножки ее утонули в таких же огромных и тяжелых бахилах.

– Пан, – вдруг спросила женщина, наклонившись к Бобренку, – извините, но когда она кончится?

– Что? – не понял майор.

– Когда мужья наши вернутся? – Женщина смотрела в глаза Бобренку просительно, будто и в самом деле от его ответа зависел конец войны, а девочка подошла к нему, посмотрела бездонными голубыми глазами, вдруг застеснялась и сунула грязный палец в рот, и эти глаза, тоненький палец и нелепые бахилы так разволновали майора, что к горлу подступил комок. Он поискал в сумке и, к счастью, нашел-таки два кусочка сахара, протянул их девочке, но та по-прежнему стояла в независимой позе с пальцем во рту.

– Бери, – подтолкнула ее женщина, – это же сахар. Давно не видела его и забыла, – объяснила майору.

– Ешь, пожалуйста... – Бобренок поднес кусочки на ладони, они лежали как-то сиротливо, но что он еще мог дать ребенку? Это все его сегодняшнее богатство.

Девочка наконец взяла сахар – деликатно, кончиками пальцев, – но все же не выдержала и засунула сразу оба кусочка в рот.

Бобренок затоптал докуренную папиросу и спросил у деда:

– А это кто? – Он кивнул на хромого человека в гимнастерке, который как раз выходил из хаты.

Дед сдвинул шляпу на затылок и сказал кратко:

– Степан.

– Какой Степан?

– А Марусин.

– Ваш деревенский?

– А какой же еще?

– Что у него с ногой?

– С рождения...

– А-а... – Бобренок утратил интерес к человеку в гимнастерке. Спросил: – Что-то ваш председатель так задерживается?

– Ведь на все село осталось только три коня. – И добавил рассудительно: – Раньше гроб носили – тут и недалеко, – да мужиков нет.

За калиткой началось какое-то движение, майор решил, что наконец приехал председатель, но пришел поп. Он приплелся из соседнего села, старый и немощный, с желтоватой редкой бородкой, в обтрепанной, с бахромой, рясе, и женщины поползли за ним в хату.

– Старый! – сплюнул на траву дед. – Старый наш поп умрет, кто служить будет?

На улице послышался скрип колес – приехал председатель. Он вошел во двор, широко шагая, высокий уса́тый человек в вышитой сорочке, сразу заметил офицеров под грушей и круто повернул к ним. Шел, приветливо улыбаясь и протягивая левую руку, поскольку правой не было.

– Гавришків, – представился он, – Федор Антонович. Здешний председатель сельсовета. Бобренок с удовольствием пожал крепкую и шершавую руку, а Толкунов спросил.

– Давно демобилизовались?

– Три месяца назад.

– Сержант?

– Старшина.

– Неплохо, – похвалил Толкунов и сказал деду, с интересом прислушивающемуся к разговору: – Идите, дедуля, а то поп зажда́лся.

Старик спрятал подаренную папиросу под ленту шляпы, встал, кряхтя, и пошел, оглядываясь: идти ему явно не хотелось. Председатель сел на его место, достал кисет. Бобренок предложил ему папиросу, но Гавришків отказался, объяснив, что уже привык к махорке и все остальное не употребляет. Удивительно ловко свернул из заготовленной ранее газетной бумаги толстую самокрутку и задымил, пристально поглядывая из-под густых бровей на офицеров.

Бобренок показал ему удостоверение, старшина внимательно изучил его и спросил по-деловому:

– Чем могу служить?

– Вы местный? – уточнил Толкунов.

– Нет.

– Откуда?

– Из соседнего села.

Ответ разочаровал Толкунова, уголки губ у него опустились, и лицо стало пасмурным, посерело. Наверное, Гавришків понял, что именно не понравилось капитану, поскольку добавил:

– Я на войне с июня сорок первого, товарищ капитан, имею два ранения и четыре ордена.

– Мог бы носить гимнастерку с боевыми наградами. – Толкунов кивнул на сорочку.

– Чтобы все на селе знали, какой герой?

– А что в этом плохого?

– И так знают, – пояснил председатель. – Однако тут вокруг видите какие леса! И в людей с орденами стреляют из-за деревьев.

– Испугался?

Старшина нахмурился:

– Извините, вы по какому делу?

Бобренок постарался хоть немного сгладить резкость Толкунова.

– Капитан имел в виду... – начал деликатно майор.

– Знаю, что он имел в виду, – перебил его сердито Гавришків. – Однако ж капитан, наверное, не каждый; день бывает в наших местах, а здесь стреляют даже в сельсоветские окна... И без этого, – вынул из кармана гранату, – да без автомата в лес и не суйся.

Конечно, он не знал, что у Толкунова на счету почти три десятка задержанных диверсантов, но Бобренок не имел права ничего объяснять старшине и только поинтересовался:

– Бандеровцы приходили в село?

– Еще нет, а в Кодрах были позавчера, – махнул кулечей на лес, – в пяти километрах. Но береженого бог бережет.

– Посторонних в селе нет? – спросил Толкунов, решив, очевидно, положить конец пустой болтовне.

– Кажется, нет.

– Почему – кажется?

– Село большое, за всем не усмотришь.

– Нужно спросить людей, – попросил Бобренок, – может, сегодня утром кто-нибудь видел хромающего человека. Или других людей. Возможно, военных.

Гавришків не стал уточнять, кого имеет в виду майор, и это понравилось Бобренку: в конце концов, военный человек должен знать, что к чему, – чем меньше спрашиваешь, тем лучше.

Председатель докурил самокрутку почти до кончиков пальцев (они были у него желтые от никотина), наконец бросил окурочек и произнес как бы нехотя:

– Слыхал я, Настька говорила...

– Что? – не удержался Бобренок. – Какая Настька?

Председатель объяснил:

– Есть тут у нас такая... Вымахала на сажень, никто замуж не взял, так злится. На женщин – особенно. Сегодня вот поносила Параску Ковтюхову. На рассвете видела – та к заброшенному сараю бежала. Настька, конечно, за ней, притаилась в овраге, промокла вся и замерзла, но не напрасно: увидела, как из сарая в лес человек пошел, Параскин любовник, а может, и бандера.

– Не сказала, что прихрамывал? – нетерпеливо спросил Толкунов.

– Нет, не сказала.

– А как бы эту Настю увидеть? – поинтересовался Бобренок.

– На кладбище. Могила копает, больше некому, мужчин в селе нет, – пояснил Гавришків, словно извиняясь. – Остались старики, дети да инвалиды. И похоронить по-людски некому... – Он не успел договорить, как дверь хаты распахнулась, начали выносить гроб.

Первым шел поп, размахивал кадилом и бормотал что-то, старухи крестились и кланялись, за ними несли гроб. Впереди подставили плечи Гавришків и хромым Степан, дальше –

женщины, они были значительно ниже ростом, и гроб как-то неестественно одной стороной был поднят кверху, казалось, что покойница хочет выскользнуть из него. Но все же гроб благополучно установили на телегу, положили рядом крышку, и траурная процессия двинулась по улице вниз, к речке, за которой виднелась старенькая деревянная церковь, окруженная могилами.

Бобренок с Толкуновым поплелись следом.

Возле могилы стояла высокая худая, изможденная женщина.

Председатель понимающе переглянулся с Бобренком, офицеры отошли в сторону, сели на скамейку под кустом сирени и терпеливо дождались конца похорон, хотя Толкунов и поносил сквозь зубы проклятого попа, затягивавшего, с точки зрения капитана, процедуру.

Наконец председатель подвел к ним Настьку. Бобренок предложил ей место на скамейке, но она отказалась сесть, стояла, опершись на лопату с прилипшей землей, и глаза ее тревожно бегали.

– Расскажи, Настя, – ласково, почти нежно начал Гавришкив, – как ты утром Параску выследила...

– А зачем? – спросила Настька. Голос у нее был мужской, почти бас.

– Интересуются люди.

– А что интересного? Параска курва, все знают, что полюбовника завела, который жил с ней, не скрываясь. Может быть, это он и был...

– Может, – согласился председатель. – А ты не заметила, тот фертик, который из сарая в лес подался, не хромал?

– Может, и хромал. – Настька надавила большим солдатским ботинком, облепленным рыжей землей, на лопату, всадила ее в землю. – Только зачем Параске хромой?

– Когда вы видели Параску? – попробовал уточнить Бобренок. – В котором часу?

– А у меня что, часы есть? – Впервые Настька изобразила на лице что-то похожее на улыбку. – Темно еще было, чуть серело.

– Где живет Параска? – спросил Бобренок.

– Вы из Филипповского леса шли? – уточнил председатель. Майор кивнул, и Гавришкив пояснил: – Мимо ее хаты проходили, крайняя, почти в лесу.

Бобренок вспомнил молодницу и то, что она чего-то недоговаривала. Однако зачем ей среди ночи скрытно пробираться в сарай? Если парашютист вышел из Филипповского леса, сразу бы шмыгнул в Параскину хату.

– Вы точно видели, что из сарая на рассвете вышел мужчина? – спросил Бобренок у Насти.

– Не слепая еще. И Параска – сразу назад, в село...

– Ладно, – махнул рукой майор, – спасибо. Только вот что: о нашем разговоре никому, чтоб Параска не узнала.

– Конечно! – зло блеснула глазами Настя, бросила лопату на плечо и зашагала, как заправский землекоп, широко, по-мужски.

– Не верьте, разнесет по селу, как сорока, – заметил Гавришкив. – Болтунья...

Майор поделился с ним своими соображениями: он не мог представить, зачем бегать женщине ночью в сарай, если лучшего места для встречи, как в собственной хате, найти трудно.

Председатель подумал и сказал:

– Все правильно, у этой Параски голова на плечах есть. Мы со Степаном – вон, видите, поехал, – показал пальцем на хромого, который в это время отгонял телегу в село, – возле Параскиной хаты засады устраиваем. Бандеры если придут, то с той стороны. Мы там и вертимся...

– И Параска не могла не знать этого?

– Конечно, глаза же есть... Да и не прятались мы от нее. Там за двором стог стоит, так мы в нем...

– В эту ночь сторожили?

– Нет.

Бобренок быстро прикинул: человек из леса наверняка не мог знать о засаде – шел в село и завернул к Параске, а та отправила чужака в сарай, потом и сама подалась туда. Майор переглянулся с Толкуновым. Правда, были случаи, когда абвер забрасывал шпионов на заранее подготовленные явки, забрасывал иногда людей и из местных, которые могли бы использовать своих родных и знакомых. Спросил у председателя:

– А как она, Параска? Ничего за ней не водится?

Гавришкив пожал плечами:

– Не слышал... хотя вот что... Я человек здесь новый, но дошло до меня: был у Параски парень... из окруженцев... А перед тем как наши пришли, исчез.

Это была хоть какая-то ниточка, за которую можно ухватиться, но майор, незаметно подмигнув Толкунову, отрезал:

– Пустяки... Эти окруженцы, что к девкам прилипали, давно уже в армии. Бывайте, старшина, – пожал левую руку Гавришкиву, – нам пора, машина ждет.

Действительно, «виллис» стоял на противоположном берегу реки, и шофер несколько раз просигналил, давая знать о себе.

«Виллис» остановился там, где из леса на проселочную дорогу вышел хромой, шофер Виктор вытащил брезент, расстелил на траве, и разведчики растянулись на нем, глядя, как хлопчет парень. Он поставил на брезент термос с крепким чаем, открыл банку тушенки, положил полбуханки хлеба – это был паек, но Виктор от себя добавил еще несколько помидоров и две луковицы – успел заскочить в Маневичах на базар.

– Готово, – сказал Виктор.

Толкунов перевернулся на живот, отрезал большой кусок хлеба, подцепил ножом из банки тушенку и стал жевать медленно, будто и не было изнурительной ночи и голодного дня. Не отрываясь от еды, спросил у Бобренка:

– Витька отпустим?

– Разумеется, чтоб машиной здесь и не пахло.

Толкунов посмотрел на часы:

– Пока не стемнеет, походим по лесу.

– Угу, – согласился майор и откусил от большого сочного помидора.

Они съели все, что выложил Виктор на брезент, и направились в лес. Толкунов повернул резко направо, и скоро разведчики спустились в неглубокий, но темный, с ручейком на дне, овраг.

Капитан выломал из орехового куста крепкую палку и раздвигал ею густые заросли, порой, как настоящий минер, тыкал заостренным концом в грунт. Майор шел метрах в пятнадцати от него, по другой стороне оврага.

Они прошли, наверное, с километр, овраг здесь поворачивал, начиналась довольно широкая поляна. Бобренок остановился на мгновение, ориентируясь, и тут Толкунову повезло. У самого дна оврага заметил на траве кучку свежей земли – она не могла оказаться здесь случайно (вообще ничего случайного в лесу, по глубокому убеждению капитана, не могло быть).

Толкунов опустил на колени.

– Есть что-нибудь? – спросил Бобренок.

Капитан только поднял предупреждающе руку, разглядывая землю. Осторожно снял верхний слой – земля была еще влажная, не успела просохнуть и рассыпаться. Итак, она оказалась здесь совсем недавно.

Толкунов внимательно огляделся вокруг, заметил слегка помятую траву и скошенный чем-то острым бурьян. Подошел, поднял кусок дерна, разгреб грунт и увидел шелк парашюта. Подозвал майора и показал закопанный парашют.

– Он выбирал землю пригоршнями и бросал в ручей, – пояснил, – немножко земли уронил. Если б не эта земля, никогда не нашли бы.

В тайнике лежал парашют, оставленный хромым, шелк был порван. Они приложили кусок, снятый с дуба, – все сходилось, и Бобренко подумал, что, наверное, самолет сбросил только одного парашютиста-шпиона, хорошо знающего местность.

Майор быстро сориентировался. Диверсант сделал небольшой крюк – метров триста или четырехста, – чтобы закопать парашют. Он решил поступить так – это сразу видно, – в горячке забыв о поврежденной ноге. Устроив тайник, поспешил в Жашковичи, но тут нога дала о себе знать. Перебинтовал ее, вышел на проселок и добрался до хаты Параски.

– Ну что, капитан, порядок?

Но Толкунов не склонен был разделять оптимизм Бобренка:

– Порядок будет, когда парашютиста поймает.

– Дело техники.

– Не нравится мне все это.

– Почему же, есть след.

– От следа до дела... А здесь все как-то не по правилам. Когда это фрицы одного-единственного парашютиста сбрасывали?

– Но ведь Карий предупреждал – явно необычная операция.

– А если необычная, где подстраховка? Мог этот парашютист разбиться?

– Мог.

– И без радиации. Как дать знать о себе?

– Радию абверовцы могли оставить, – возразил Бобренко. – У той же Параски.

– Очень уж дальновидно, – сказал Толкунов не слишком уверенно. – Давай, пока не стемнело, еще немного походим.

Они прошли овраг до конца, обшарили все подходы к нему, но ничего не нашли. Двинулись в Жашковичи напрямик. Лес здесь был не очень густой, подлесок вытоптали жашковичские коровы – трава росла высокая и пастухам не было нужды далеко гонять стадо.

Скоро в просветах между деревьями увидели хаты, вышли на полянку и спрятались в орешнике. Дальше, к селу, тянулось лесное пожарище с пеньками и редкой порослью, лучшего места для отдыха не найти: все видно вокруг, и никто не мог подойти незамеченным.

Бобренко подложил под голову сумку, с наслаждением вытянул ноги.

– Как считаешь, если покурить?... – спросил Толкунов.

Майору тоже очень хотелось курить. Конечно, этого не следовало бы делать – человек в лесу мог бы почувствовать дым.

– Давай, – согласился, – только осторожно.

Толкунов, ссутулившись, чиркнул зажигалкой, дал прикурить майору от своей папиросы; они прятали огоньки в ладонях и жадно затягивались – знали, что курить не придется всю ночь.

Потом легли голова к голове, замолкли, вслушиваясь в вечерние звуки засыпающего леса, и Бобренку показалось, что Толкунов задремал. Но капитан вдруг зашевелился, повернулся к Бобренку и прошептал:

– Война скоро кончится...

– Скоро, – согласился Бобренко радостно. – Вот Польшу пройдем, а там и Берлин! И конец нашим трудам... Демобилизуюсь.

– Ты что? – даже испугался капитан. – Ведь ты ас контрразведки, три ордена!.. Кто тебя отпустит?

– Что ордена... – вздохнул Бобренок, но сам почувствовал, что не очень искренен, поскольку не был безразличен к своим наградам – два ордена Красного Знамени и орден Отечественной войны II степени заслужил честно и законно гордился ими.

– Ордена – это признание, – возразил Толкунов убежденно. – Ты это всерьез – о демобилизации?

– Решил.

– Глупость делаешь, – сказал Толкунов уверенно, – для тебя в армии все двери открыты. Два курса института знаешь сколько сейчас весят? Поступишь в академию, окончишь полковником.

Бобренок лениво потянулся и тихо возразил:

– Геолог я, понимаешь?

– Ну и что? А я работал в МТС.

– Если любишь свое дело...

– А я это полюбил... – Толкунов погладил свою кобуру. – Только мне труднее будет. Семь классов... Задержанные диверсанты – это и есть мой аттестат. Как думаешь?

– Еще какой! – успокоил его Бобренок. – Все тебе зачтётся.

– Поймаем сейчас этого шпиона проклятого, – неожиданно перевел разговор на другое Толкунов, – и отоспаться можно будет. Я бы подремал немного.

– И я бы... У нас есть время поспать, – подумав, сказал Бобренок. – По сорок пять минут. Вначале – ты, а потом – я.

– Можно, – согласился Толкунов. – Сейчас еще в селе люди ходят.

Заснул сразу, спал тихо, как сова. Минуты тянулись долго, сон одолевал Бобренка, он с завистью смотрел, как тихо дышит Толкунов, вертелся и растирал себе щеки. Наконец наступила его очередь – майор свободно вытянулся под кустом, но сон как рукой сняло, и Бобренок долго не мог уснуть. Проснулся он от толчка, сразу сел, протер глаза и спросил:

– Который час?

– Одиннадцать.

– Пошли.

Они вышли к селу. Постояли немного под развесистым деревом. Параскина хата казалась безлюдной. Пробираясь по подлеску, обошли село и разошлись. Толкунов залег в огороде среди подсолнухов, а Бобренок устроился в полуразвалившемся сарае так, чтобы видеть подход к нему.

За огородами, окружавшими сарай, начинался луг с ручьем посередине, по его руслу можно было почти незаметно подойти к сараю, и Бобренок подумал, что сметливая Параска не случайно выбрала это место для встреч.

В центре села лаяли собаки, где-то близко сонно запел петух, но сразу спохватился и замолк – тишина, и только уханье сыча доносилось из пуши.

Незнакомец вышел из леса ровно в двенадцать, перебирался от куста к кусту осторожно, пока не скрылся в лощине. Выскользнул из лощины напротив сарая, метрах в пятидесяти от него, постоял, оглядываясь, и направился прямо к Бобренку, притаившемуся за дверью. Он вошел в сарай смело и не таясь – был уверен в полной безопасности – и только вскрикнул, когда майор заломил ему руки.

– Тихо! – приказал Бобренок.

Связал руки прищельцу и ловко обыскал его. Не найдя оружия, обыскал еще раз более внимательно и зажег фонарик, осветив лицо ночного гостя. Молодой, лет двадцати пяти парень, полнолицый, курносый, смотрит испуганно, и губы дрожат.

– Кто ты? – спросил майор властно. – И откуда?

Парень сморщился, чуть не заплакал и ответил обреченно:

– Иван Заглада, и документы у меня есть...

– Какой Заглада и откуда?

– Из леса... Там курень, и я живу...

Бобренко произнес строго:

– Быстрее! Всю правду и до конца. Когда забросили, с кем, какое задание? Настоящая фамилия?

– Заглада, я же говорю, что Заглада. Не убивайте меня!

Бобренко подтолкнул его в глубь сарая.

– Но я ведь не вру, и вы можете проверить...

– Говори, откуда и какое задание?

– Какое задание? Окруженец я и жил здесь в селе. В хате Параски Ковтюх.

Сейчас и майору стало ясно – поймали они не ту рыбу. На всякий случай пригрозил парню пистолетом, выглянул из сарая и почти столкнулся с самой Параской. Сразу же за ней из темноты вынырнул Толкунов.

Параска, очутившись между двумя мужчинами, метнулась в сторону, но от капитана не убежал бы самый быстрый диверсант, не то что женщина.

– Без глупостей! – приказал он.

Он подтолкнул Параску в сарай, где стоял в углу парень со связанными руками. Женщина бросилась к нему, обняла и заплакала.

– Что они сделали, Ивасик! – воскликнула. – Чего бросаетесь на людей? – обернулась зло.

– Вы знаете этого человека? – спокойно спросил Бобренко.

– Почему ж не знать? Муж мой.

– Как звать?

– Иван Заглада. С сорок первого у меня, и люди могут подтвердить.

Бобренко услышал, как разочарованно хмыкнул Толкунов у него за спиной, и спросил:

– В какой части служили, Заглада, и как попали в окружение?

Парень вытянулся, насколько позволяли связанные руки, и доложил четко, словно своему ротному командиру:

– Сержант тридцать шестой гаубичной батареи восемьдесят первого артдивизиона. Нас окружили под Ровно, потерял своих и решил остаться. Был ранен в ногу и не мог идти... – добавил потупившись.

– Почему не явился в ближайшую воинскую часть после освобождения?

Заглада шмыгнул носом, блеснул глазами на Параску и ответил виновато:

– Она не отпустила...

– Но ведь ты солдат.

– Солдат! Я ей говорил: должен идти к своим, она плачет – не пушу, потому что убьют... В лесу курень устроила, за болотом, там места глухие, никто не ходит, а ночью в сарае встречались.

– Дезертир! – вдруг зло крикнул Толкунов. – Дезертир и предатель! Пойдешь под трибунал, штрафбат обеспечен! Ясно?

Парень опустил голову:

– Куда уж ясней...

– Кто из деревенских может подтвердить, что он на самом деле окруженец? – спросил Бобренко у Параски.

Та наконец оторвалась от парня.

– Его не расстреляют? – спросила со страхом.

– Я говорю: обойдется штрафбатом... – Толкунов выключил фонарик, экономя батарейки.

– Тут каждый в селе знает меня. Я не помогал немцам и не служил у них, все подтвердят.

– Держался за юбку! – презрительно бросил Толкунов.

– Подождите, – вдруг встрепенулся парень, – я догадываюсь, кого вы ищете. Параска видела в лесу и говорила мне...

– Кого? – подскочил к женщине Толкунов. – Кого и когда, говори быстрее!

– Лейтенант с вещмешком, еще хромал. Вчера утром, вижу, шпарит какой-то лейтенант в Жашковичи. Я спряталась – к кому, думаю, идет? Кустами обошел село, а потом на тропинку повернул к леснику. Эта тропинка только к леснику, – добавила уверенно, – мы здесь все тропинки знаем.

Бобренко развязал парню руки.

– Сейчас мы покажем тебя кому-либо из сельчан, – сказал, пряча ремень. – Если ты окруженец, завтра отправим в Маневичскую комендатуру.

Заглада пошевелил пальцами, разминая руки. Параска прижалась к нему.

– Я сразу заподозрила этого лейтенанта, – произнесла уверенно. – Зачем прятался в кустах? Да и лесник подозрительный, люди говорят, с бандерами связан.

Толкунов переглянулся с Бобренком.

– Пошли, и так задержались...

Глава 5

Оберштурмбанфюрер СС Греффе внимательно прочитал характеристику, удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Кажется, кандидатура отвечает всем требованиям: наконец-то нашли нужного человека. Поскольку данные на этого агента требует сам Кальтенбруннер, то и бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, непосредственный начальник Греффе, безусловно, познакомится с ними. Оберштурмбанфюрер придвинул к себе характеристику, еще раз внимательно изучил ее.

Петр Ипполитов. С конца двадцатых годов по сороковой жил на Украине, в Узбекистане, Башкирии. Под разными фамилиями. Перед войной, получив служебную должность заведующего нефтебазой на одной из сибирских станций, прихватил большую сумму денег, бежал, скрывался, используя подложные документы.

В ноябре сорок первого года Ипполитова мобилизуют в армию, где он служит вначале командиром взвода, а затем – роты. В мае сорок второго, выбрав удачный момент, переходит на сторону немецкой армии. На допросах сообщил командованию много фактов, имевших определенное военное и политическое значение.

Что ж, это тоже говорило в пользу Ипполитова: стало быть, готовился к переходу через линию фронта и пришел не с пустыми руками.

Далее: в деле есть письменное заявление Ипполитова, в котором он обязуется верно служить немецкому командованию и просит назначить его бургомистром одного из оккупированных городов.

Греффе потер нос. Да, у этого Ипполитова губа, как говорят, не дура, на это следует обратить внимание.

В сорок третьем Ипполитов попал в Австрию, где им заинтересовалось гестапо. Долгое время его тщательно проверяли. Выполняя задания гестаповцев, Ипполитов был провокатором в концлагерях и венской тюрьме. Прикидываясь честным советским командиром и даже политработником, он входил в доверие к военнопленным, выявлял коммунистов и командиров Красной Армии, выдавал подпольщиков, предупреждал гестапо о побегах пленных.

Стараясь выслужиться, Ипполитов подбивал пленных к побегу, сообщая об этом в последнюю минуту лагерному начальству.

В августе сорок третьего после очередной провокации в венской тюрьме, когда Ипполитов выдал большую группу советских патриотов, он был официально завербован сотрудником СД «для выполнения специальных, особой государственной важности дел».

В Австрии Ипполитов окончил школу агентов разведки.

Этот Ипполитов уже никогда не сможет перейти на сторону русских: понимает, что его там ждет.

Дальше в характеристике перечислялись такие черты Ипполитова, как находчивость, умение быстро ориентироваться в сложной обстановке, ненависть ко всему советскому, страх перед расплатой за совершенные преступления. Отрицательными чертами следовало считать жадность, карьеризм, абсолютную беспринципность.

Однако, решил Греффе, это скорее свидетельствует в пользу Ипполитова: зная, что его ждут награды и почести третьего рейха, он будет стараться наилучшим образом выполнить задание.

Греффе нажал на кнопку звонка, и в дверях кабинета вырос унтерштурмфюрер Продль. Греффе кивнул, приглашая его сесть.

– Я доволен вами, Продль, – сказал шеф, – кандидатура кажется мне удачной, думаю, она удовлетворит все инстанции.

Продль чуть не подскочил на стуле от радости. Между прочим, он не знал, какая именно миссия предназначена Ипполитову, ему сказали только, что нужен решительный, смелый и умный агент для выполнения чрезвычайно важного задания. Ипполитов подходил больше всех, и весьма приятно, что его выбор одобряет сам оберштурмбанфюрер.

– Где он? – спросил Греффе.

– Сидит, – кивнул на дверь Продль.

– Введите его сюда.

Ипполитов вошел в кабинет, вытянулся, пристально глядя на начальство. А в том, что начальство высокое, не сомневался. Оберштурмбанфюрер СС, подполковник по-армейски, не такая уж высокая птица, но здесь, в главном управлении имперской безопасности, свои законы, и даже всем известный Отто Скорцени носит скромные знаки отличия штурмбанфюрера.

Ипполитов понравился Греффе: лицо энергичное, смотрит преданно, аккуратный, подтянутый.

– Садитесь, – показал на стул Греффе. – Садитесь, господин Ипполитов. Как вас приняли в Берлине?

Ипполитов удовлетворенно улыбнулся. Двухэтажный комфортабельный коттедж на окраине Берлина очень понравился ему. Две спальни на втором этаже с отдельными ванными, большая гостиная с ковром во весь пол, бар. Не хватало только женщин, но Продль объяснил, что в конце концов будут и они, лишь бы Ипполитов произвел хорошее впечатление на начальство.

– Все очень хорошо, господин оберштурмбанфюрер, лучше и быть не может.

– Мы умеем ценить верность, но требуем работы, отдачи.

– Вполне справедливо.

– Мне приятно, что вы понимаете это.

Ипполитов не отводил взгляда от вытянутого лица эсэсовского подполковника. Видел его насквозь. Сейчас начнет обещать всякие блага, наговорит сорок бочек арестантов.

– Унтерштурмфюрер, – обернулся Греффе к Продлю, – приготовьте нам кофе. И порюмке коньяку.

Продль понял, что его просто выпроваживают, но ничем не выдал обиды. Встал и покорно отправился за кофе и коньяком. Сто чертей, носить коньяк паршивой русской свинье, которую Продль в душе глубоко презирал! Однако эта свинья, очевидно, нужна рейху, если сам оберштурмбанфюрер будет угощать ее.

Когда за Продлем закрылась дверь, Греффе сказал, пристально уставившись на Ипполитова:

– Итак, мы остановились на том, что будем требовать от вас работы, господин Ипполитов, отдачи, так сказать, соответственно вашим способностям.

– Да.

– И эта работа небезопасная.

– Я не трус, готов выполнить любое задание.

– Я ожидал именно такой ответ. Мы возлагаем на вас большие надежды, конечно, и вознаграждение будет соответственным. Если все окончится успешно, Ипполитов, вы станете богатым человеком.

– Честно говоря, господин оберштурмбанфюрер, я бы не возражал против этого.

– Все в ваших руках. Мы должны осуществить большую акцию, Ипполитов, которая, возможно, получит резонанс во всем мире! – Греффе уставился на Ипполитова, желая проверить, какую реакцию произведут его слова. Неужели испугается? – Вы говорили, что у вас есть влиятельные знакомые в Москве?

Ипполитов крепко сжал пальцы, но так, чтобы Греффе не заметил его волнения. Черт его дернул похвастаться высокими знакомствами – сейчас это может повредить ему. Ответил неопределенно:

– Идет война, господин оберштурмбанфюрер, она разбрасывает людей, и я не совсем уверен, что все на своих местах. Хотя, – добавил, – кое-какие связи всегда можно возобновить.

Дверь открылась, Продль принес кофе и две большие рюмки с коньяком. Он поставил поднос на журнальный столик, и Греффе подсел к нему, предложив Ипполитову мягкое кресло. Продль вышел, не сказав ни слова. Это понравилось Греффе: всегда приятно, когда подчиненный понимает тебя и относится с надлежащим уважением.

– Мы забросим вас в советский тыл, – решительно перешел к делу оберштурмбанфюрер. – Вы должны будете осесть где-нибудь в Подмоскovie или в Москве. Снимете квартиру, возобновите знакомства, изучите обстановку... У вас будут деньги, надежные документы, средства связи и, наконец, новое, совершеннейшее, особо секретное оружие, портативная пушка, если хотите. Она будет помещаться в рукаве вашего пиджака – стреляет снарядами, способными пробивать пятисантиметровую броню.

– Неужели? – не поверил Ипполитов. – Вот это штуковина!

– Как вы сказали? Штуковина? Что это такое?

– Замечательная вещь, – приблизительно объяснил Ипполитов. – Так говорят русские, господин оберштурмбанфюрер.

– Из этой... э-э... штуковины вам придется стрелять, Ипполитов. – Глаза у Греффе сузились, словно он сам прицеливался.

– Рука у меня твердая!

– Вы слыхали о «Цеппелине»?

– Разведорган?

– Да. Вы должны пройти там специальную подготовку.

– Не помешает. Только вот что, господин оберштурмбанфюрер, – продолжал Ипполитов нагло, в конце концов, теперь он мог себе это позволить, – я хочу, чтобы ваши инструкторы в процессе подготовки операции прислушивались к моим советам и желаниям.

– Вас будут готовить лучшие специалисты рейха.

«А чихать я хотел на ваших спецов, – подумал Ипполитов, – насмотрелся в Австрии». Но вслух произнес учтиво:

– Я глубоко благодарен за заботу. Но ваши специалисты не знают некоторых тонкостей жизни русских и не могут учесть все мелочи.

Он был прав, этот пройдоха, и Греффе не мог не согласиться с ним. Пообещал твердо:

– Руководство «Цеппелина» получит такое указание.

– Я был уверен, господин оберштурмбанфюрер, что вы согласитесь со мной.

Греффе смотрел на Ипполитова тяжелым взглядом. Этот тип наглез с каждой минутой, и его счастье, что у него нет дублера. Однако оберштурмбанфюрер подавил в себе чувство неприязни к Ипполитову. Вероятно, успех дела зависел именно от этих черт его характера: наглости, самоуверенности, умения быстро ориентироваться в любых условиях. Сейчас этот тип нужен им, и можно позволить ему немного амбиции; сделает свое дело, вернется, во что Греффе, честно говоря, мало верил, тогда можно поставить его на место – у каждого должно быть свое место и никто еще не прыгал выше своей головы.

Греффе встал и пожал Ипполитову руку.

– Желаю успеха, – произнес он искренне. – О нашем разговоре не должен знать ни один человек. С сегодняшнего дня вы строго засекреченная особа.

– Так точно, – ответил Ипполитов и вышел из кабинета, выпятив грудь. Чего-чего, а амбиции ему не нужно было занимать.

Глава 6

Лес подступал к самому проселку. «Виллис» прыгал на выбоинах между деревьями, ветки нависали над дорогой, и приходилось наклоняться, чтобы не поцарапать лицо.

Виктор бормотал что-то себе под нос, а Бобренок, надвинув фуражку на лоб, вглядывался в кустарник. В этих местах можно ожидать всего, даже автоматной очереди из-за дерева.

Наконец лес немного отступил, дорога пересекла небольшую полянку, и впереди обозначился крутой поворот. Толкунов дотронулся до плеча Виктора:

– Останови здесь, нам лучше подойти к дому лесника незаметно.

Бобренок, соглашаясь, кивнул. Действительно, вон развесистая береза в конце поляны, о которой говорил им Гавришкив, а перед самым поворотом – молодой дуб. Ориентиры обозначены точно, и Толкунов прав: береженого и бог бережет – возможно, в доме лесника засада.

Они продвигались, часто останавливаясь. Лес поредел, наконец совсем расступился – впереди, за молодыми березками, открылась поляна, засаженная картофелем. Какой-то мужчина возился там с лопатой.

Толкунов сделал знак Бобренку оставаться на месте, а сам незаметно исчез в кустах. Не шелохнулась ни одна веточка, только какая-то птичка пискнула встревоженно и сразу умолкла.

Бобренок стоял, прислонившись плечом к шероховатому стволу, и наблюдал за мужчиной в огороде. От него до майора было всего полсотни метров, и Бобренок смог четко разглядеть его. Мужчина копал картофель аккуратно, осматривая каждый куст, ощупывая землю в ямках и отыскивая клубни, – работал не спеша, спокойно, не останавливался и не оглядывался, чувствовал себя в полной безопасности и был целиком поглощен своей немудреной работой.

Толкунов вырос у того за спиной неожиданно: даже Бобренок, знавший, что сейчас должно было произойти, и не спускавший глаз с подлеска на краю поляны, не заметил, как капитан появился из-за кустов. Бобренок подошел к ним.

Лесник – а это был именно он, все соответствовало словесному портрету, нарисованному председателем сельсовета: высокий, седой, длинноносый, – смотрел на них не то чтобы испуганно, а как-то непонимающе или даже удивленно.

– Что нужно панам? – спросил он наконец не совсем твердо. – Так как, кроме картошки...

– Вот что, – произнес Толкунов, – советую самому признаться во всем, иначе сами знаете, чем это может кончиться...

Капитан немного переборщил, и Бобренок решил вмешаться:

– Кто прячется у вас и сколько их?

Лесник замахал руками.

– Никто, – заверил он поспешно, – никто, и уважаемые паны офицеры могут это легко проверить.

Толкунов блеснул глазами. Он наступал на лесника, а тот пятился по ботве, она трещала и ломалась под ногами. Бобренок преградил леснику дорогу, похлопал его по плечу и сказал спокойно, рассудительно:

– Давайте поразмыслим вместе, Василий Иванович. Я уверен, что мы найдем общий язык... Спокойно, капитан.

Толкунов удивленно глянул на Бобренка. Очевидно, считал в этой ситуации свою линию вполне оправданной, а майор все портил.

– Чего с ним цацкаться! – воскликнул он.

– Спокойно, – остановил капитана Бобренок. – Так как, Василий Иванович?

Лесник стоял, опустил руки, и хлопал глазами. Никак не мог понять, откуда эти офицеры знают его имя и отчество, вероятно, это удивило его больше, чем их внезапное появление на поляне.

– Сейчас мы произведем обыск в вашей усадьбе и обнаружим лейтенанта, хромящего на правую ногу, – продолжал Бобренок, – или нескольких мужчин, переодетых в военную форму. Кстати, – придумал на ходу, – усадьба окружена, и никому не удастся уйти. Тогда что будет с вами? Суд за оказание помощи вражеским агентам. Время военное. Знаете, сколько за это дают? Кроме того, ваш сын учится в Ровно. Представляете, как запятнаете его?

Лесник растерянно потер небритую щеку. Ответил нерешительно:

– Но откуда я мог знать, что Степа вражеский агент? Племянник мой, попросил пристанища...

– Дитячко... с лейтенантскими погонами! – рассмеялся Толкунов.

– И я удивился! Так он говорит, недавно прицепил, чтобы спастись, не было другого выхода...

– Кроме Степана кто в доме? – быстро спросил Бобренок.

Лесник перекрестился:

– Я и жена, бог свидетель. И Степан-то лишь вчера приплелся.

– Говорил, куда идет и зачем?

– Попросил спрятать его на несколько дней. Нogu вывихнул или поранил. Подлечит ногу, тогда дальше...

– Куда?

– А мне что? – неожиданно чуть не заплакал лесник, и Бобренок понял, что тот в самом деле испугался. – Я так думаю: к бандерам подается. Он с бандерами здесь вертелся, будет вертеться и дальше.

– Зачем же прячете?

– Так ведь племянник мой – Степка. И бандер страшно. Мне в лесу одному с женой как? Я его выдам, люди узнают – люди все знают, – и бандерам станет известно. Каюк мне тогда, придут ночью – и каюк...

– Где сейчас Степан? Его фамилия?

– На чердаке отлеживается. Олексюк он, по фамилии сестры.

– Вот так, Василий Иванович, – почти весело произнес Бобренок, – значительно смягчилась ваша вина, а если вы сдадите нам вражеского диверсанта...

– Так ведь племянник же мой...

– Он диверсант, наш враг, причем вооруженный, и все равно...

– Точно, вы все равно возьмете его, – согласился лесник.

– Где у него пистолет?

– Там же, на чердаке...

– В кармане? Под подушкой?

– Я ему сена постелил и рядом принес, так он на рядом пистоль бросил.

Бобренок подумал и спросил:

– Незаметно подойти к дому можно?

– Пожалуйста...

– Вы пойдете с нами. Полезете на чердак первым, я – за вами. Если Степан заподозрит что-нибудь, успокойте его.

Лесник выслушал молча, ответил уверенно:

– Успокою, пан офицер.

Толкунов возразил:

– На чердак полезу я.

– Это почему же? – не согласился Бобренок.

Капитан погладил рукоятку пистолета:

– Ты свое дело сделал, теперь моя очередь.

Это было логично, и Бобренок согласился.

– Я прикрою тебя.

– Только знай, – предупредил лесника Толкунов, – если продашь...

– Понятно... – Лесник направился к опушке леса, но вдруг вернулся и прихватил неполное ведро картошки. Шел впереди розыскников, ведро поскрипывало в его руке.

Впереди показался амбар, они незаметно обошли его. Лесник аккуратно поставил ведро и, показав на дверь, объяснил:

– До крыльца десять шагов, проскользнем тихонечко, а в сенях лестница...

– Давай! – махнул пистолетом капитан.

Он выглянул из-за амбара и, убедившись в правдивости слов хозяина, пропустил того во двор. Направился следом за ним. В нос ударил запах свежевыкопанной картошки и соленых огурцов. Капитан мгновенно сориентировался – откинул занавеску, висевшую на веревке и закрывавшую лестницу, приставленную к стене.

– Ну! – прошептал зло.

Лесник подошел к лестнице, и тут из комнаты послышался женский голос:

– Ты, Василий?

– Кто ж еще? Степа на чердаке?

– Спит, кажется.

– А-а... – Лесник стал подыматься на удивление легко и тихо.

Капитан следовал за ним вплотную, держа пистолет наготове. Они взобрались на чердак почти одновременно – здесь было темновато и пахло свежим сеном. Лесник ступил вглубь – там, растянувшись на рядне, спал мужчина в майке, парабеллум лежал рядом. Толкунов заметил оружие сразу, бросился к нему, но путь ему преградил хозяин: лесник первым дотянулся до пистолета. На какой-то миг капитану показалось даже, что тот хочет воспользоваться им, но лесник, взяв парабеллум за ствол, подал его через плечо Толкунову. Он оказался честным, этот пожилой уже человек в льняной сорочке, хотя капитан ни на секунду не чувствовал угрызений совести за недоверие к нему, просто не было времени на раздумья – отстранил лесника и приставил пистолет к груди спящего парня. Увидел, как тот раскрыл глаза, машинально потянулся за своим оружием – во взгляде его сверкнула решимость, – напрягся, готовясь броситься на Толкунова. Но тот сильно нажал дулом пистолета на его грудь и приказал:

– Спокойно! Пуля не дура, усек?

Диверсант скривился и откинулся на рядно.

– Что вам от меня нужно? – спросил с испугом.

– Ну не прикидывайся, – с издевкой сказал Толкунов. – У тебя все уже позади... – Услыхал на лестнице легкие шаги Бобренка, не оглядываясь добавил: – Посмотри, Игорь, какого красавчика взяли. Хотел обвести нас вокруг пальца.

Парень покорно встал на колени – Толкунов быстро связал ему руки за спиной.

– Давай двигайся, – подтолкнул его капитан.

Он первым шагнул к люку и спустился с чердака, за ним полез агент – неловко, чуть не упал, и Толкунов поддержал его. Бобренко прихватил гимнастерку с лейтенантскими погонами, рюкзак, валявшийся в сене, и пропустил впереди себя лесника.

Старая женщина стояла внизу и со страхом смотрела на них.

– Что ж будет? Что ж будет?... – Она едва шевелила губами, а руки нервно перебирали кромку фартука.

– А ничего особенного, – ответил Толкунов. – Отвезем куда надо, там его допросят...

– Степа! – вырвалось у женщины. – Что же ты натворил?

Толкунов подтолкнул диверсанта к выходу:

– Вперед!

Тот, покорно опустив голову, вышел во двор. Бобренок быстро перебрал вещи в его рюкзаке. Ничего особенного: хлеб, консервы, пистолетные обоймы, белье. И деньги – три толстые пачки.

Майор тщательно обыскал агента. В заднем кармане галифе нашел два запасных комплекта документов, выписанных на два лица: на лейтенантов Иванцова и Семенишина. У диверсанта было две легенды. Согласно первой он являлся представителем запасного полка, командированным для размещения склада особой части. По другой версии должен был изображать представителя штаба фронта, уполномоченного проверять санитарное состояние воинских частей.

– Ну что ж, лейтенант Иванцов, будем разговаривать? – спросил майор не без иронии. – Или будем играть в молчанку?

Агент смотрел тупо, словно ничего не понимал, и только левое веко у него подрагивало.

Капитан подошел к нему почти вплотную:

– Отвечай быстро и правдиво – это единственное твое спасение. А вы, тетенька, идите в дом.

Парень судорожно глотнул слюну, опустил голову и произнес:

– Я скажу... Я все скажу!

– Фамилия?

– Олексюк.

– Имя?

– Степан.

– Сколько вас было?

– Трое.

– Где остальные?

– Мы договорились через два дня встретиться на базаре в Ковеле.

– Какое было задание?

– Знал только старший.

– Кто он?

– Мы все из разведшколы... – Олексюк назвал место, где действительно дислоцировалась школа немецких диверсантов.

– Фамилии двух других?

– В школе их звали Вячеславом Харитоновым и Григорием Власюком.

– В нашей форме?

– Да. Харитонов – старший лейтенант, Власюк – как и я.

– Документы у них на чьи фамилии?

– Старший – Горохов, а Власюк – Васильченко.

– Еще раз подумай, для тебя это очень важно: какое было задание?

– Честно говорю: только Харитонов...

– Опиши его внешность.

– Ну, среднего роста, как и я. Метр шестьдесят восемь или семьдесят. Остроносый, чернявый...

– Власюк – радист?

– Да.

– Опиши его.

– Лысоватый, спереди у него залысины. Средний он – ни черный, ни белый.

– Кто провожал на задание?

– Лейтенант Кнаппе.

Это было похоже на правду – фамилия лейтенанта Кнаппе фигурировала и раньше, когда забрасывали диверсантов на нашу сторону.

– Откуда родом? Из Жашковичей?

Олексюк покачал головой:

– Из Квасова. Пятнадцать верст отсюда.

– И тебя забросили сюда как местного?

– Наверно, так.

– Ты приземлился вчера, закопал парашют в овраге, потом встретился с двумя другими?

– Они сами меня нашли.

– И бросили на произвол.

– Сказали, что встретимся на базаре в Ковеле через два дня, если оклемаюсь.

– Они знают, где ты?

– Да.

– А где они?

– Не сказали.

Все стало ясно: агент с поврежденной ногой выбыл из игры, возможно, старший списал его совсем, однако Олексюк местный, знает, судя по всему, здешние леса как свои пять пальцев, вероятно, его выбрали специально для выполнения именно этого задания, а тогда...

Капитан обернулся к Бобренку, который стоял рядом и следил за реакцией агента. Они отошли в сторону.

– Что предлагаешь? – спросил Толкунов.

– Нужно доставить к Карему, там допросим еще раз.

– Пустим на базар?

– Я – за.

– И я. Он никуда не денется...

– Если те двое придут...

Толкунов развел руками. Здесь никто ничего не может гарантировать, все зависит от опыта и интуиции двух других агентов. Им, конечно, нужен человек, хорошо знающий здешние леса, – могут и рискнуть. Но теперь все равно рано или поздно их задержат. Правда, наверное, как и этот, имеют еще по комплекту документов, однако известны их приметы, если Олексюк не соврал. Впрочем, вряд ли соврал, какой ему смысл? Необходимо скорее поставить в известность Карего. Рация в «виллисе», а Виктор остановился в километре-полтора отсюда.

– Я к машине, – бросил на ходу Толкунов.

Глава 7

Корова жевала жвачку в сарае, пахло навозом. Юрка, выросшего в городе, раздражал этот острый запах. Он метался на сене и не мог уснуть. Сотник Муха недовольно проворчал:

– Вертишься, как муха в кипятке.

Видно, забыл, что сам зовется Мухой. Юрко тихо засмеялся, сотник сообразил отчего и недовольно засопел.

– А вам в кипяток не хочется, друг сотник? – ехидно спросил Юрко.

– Ты, Гимназист, не забывай, с кем разговариваешь!

– С большим паном.

– Пан не пан, а только раз стукну, и конец тебе...

– Не имеете права, друг сотник.

– Это почему же? Я здесь все права имею.

– Без меня не справитесь.

Юрку спорить с Мухой не хотелось, повернулся на бок, пожелал сотнику приятного сна, но на того, вероятно, напала бессонница – сел на сене, опершись спиной на стенку сарая, где расположились на ночлег.

– Придет время, мы сделаем тебя профессором, Гимназист, – говорил сотник, – и будешь учить наших детей настоящей науке. Что двадцать моргов – тьфу, извините, это только для разгона, а мы возьмем такой разгон!..

Юрко успел подумать сквозь дрему, что Мухе аппетита действительно не занимать и что пристал он к бандеровцам только ради увеличения количества своих моргов, как вдруг раздался одинокий выстрел и сразу же четкая автоматная очередь ответила ему.

Юрко испуганно вскочил, но сотник остановил его, положив твердую и крепкую руку на плечо. На сене зашевелились хлопцы, не соображая спросонья, что случилось, но Муха уже понял все и приказал властно:

– По одному! За сарай, скорее! Микола и Федор, в сад, помогите Ивану и прикрывайте нас! Отходим к лесу, потом вдоль речки к Квасову...

Сотник подтолкнул Юрка к выходу и выскользнул следом за ним из сарая. Его решительный тон и четкие команды вселяли уверенность – двое шмыгнули в сад, за которым завязалась жаркая стрельба, остальные бесшумно, как тени, подались за сарай: там начинались огороды, за ними луга перед небольшой лесной речкой, а дальше уже тянулись спасительные леса.

Все же у Мухи был особый нюх – он сразу оценил ситуацию и, чтобы не рисковать, послал вперед двух хлопцев. Те обошли огороды и спустились к реке, чуть не дошли до нее, как их встретили огнем. Муха с Юрком, которые двигались метрах в пятидесяти, залегли.

– Окружили... – выдохнул Юрку в ухо сотник. – Окружили хутор, кто-то выдал нас энкавэдэшникам, будет жарко.

У Юрка сердце ушло в пятки: сейчас их или перебьют всех, или возьмут живыми. Нет, он не хочет сдаваться, не хочет позора и допросов, у него автомат с двумя запасными рожками, и пусть только попробуют взять его!

– А если пробиться? – спросил у сотника.

– Скажешь тоже, пробиться... – процедил тот презрительно. – Энкавэдэшники если окружат – это конец. Лежи здесь и жди, главное, чтобы никто тебя не заметил...

Юрко не успел ответить – Муха подался вправо, так сразу же заговорили автоматы, очереди постепенно отдалялись. Юрко подумал, что сотник забыл про него или обманул, как вдруг услышал быстрые шаги: Муха, тяжело дыша, упал рядом с ним на землю.

– Давай, – приказал, – там немного дальше заросли, они могут выручить нас! Хлопцы пошли на прорыв, – махнул рукой в сторону стрельбы, – вряд ли прорвутся, но оттянули туда всех энкавэдэшников. Мы же попробуем здесь...

Муха, пригнувшись, побежал в кусты, от которых тянулась небольшая балка, скорее старая канава. Сотник шагал по ее дну бесшумно, и Юрко старался ступать за ним след в след. Возле самой речки, под кустом, мелькнула тень.

– Кто? – послышался встревоженный голос.

Сотник не ответил, его шмайсер сыпанул огнем, тень исчезла. Муха бросился вперед – речка здесь приходилась им по грудь, – перебрались благополучно и наконец выскочили на пожарище – обгоревшие пни тут уже обросли кустами. Они прыгнули в заросли, сотник, ловко ориентируясь в темноте, продвигался к лесу. И Юрко не отставал ни на шаг.

Видно, преследователи поняли свою ошибку, некоторые из них бросились в погоню, и пули засвистели над головой Юрка. Но через несколько шагов начинался лес, и сотник проворчал злорадно:

– Не на того напали, господа! Муху так просто не взять, Муха еще рассчитается с вами, потому что Муха ничего и никогда не забывает...

– А как же остальные хлопцы? – вырвалось у Юрка.

– Ты вышел? – коротко спросил сотник. – Ты вышел и молчи, нам сегодня сам бог помог.

Лес обступил их, густой и таинственный, сотник остановился на минуту, вытер рукавом потное лицо.

– Ну, не только бог, – засмеялся приглушенно, – хорошо, что я вечером на ту канаву глаз положил – никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь...

Юрко подумал, что выбраться им удалось не только благодаря зоркому глазу сотника – десять хлопцев полегли, прикрывая отступление, вон еще автоматы не смолкли.

Они прошли еще с километр или немного больше. Автоматная трескотня уже не доносилась до них. Муха остановился и сказал с сожалением:

– Рюкзак остался на хуторе. Хороший рюкзак, сало там было и несколько колец колбасы. Хозяин с прибылью остался, если энкавэдэшники не заберут. – Вдруг плюнул себе под ноги: – Сволочь он, а не хозяин, оборванец проклятый, и когда только успел донести?

– Считаете, нас окружили, потому что хозяин...

– Как дважды два четыре.

Юрко вспомнил хозяина лесного хутора: в полотняной сорочке, босого и какого-то изголодавшегося, наверное, сам обнищал на лесном песке, а тут навалились из леса: Давай картошку, молоко, сало, две курицы были, и тех зарезали – каждый хочет сытно и вкусно поужинать, плевать ему на нищего хозяина.

А тот послал мальчишку в село – сынок у него вертелся на хуторе, шустрый мальчуган лет десяти, а там телефон, и энкавэдэшники на машинах примчались...

– Я того хлопа не забуду... – погрозил кулаком Муха, и Юрко понял: впрямь не забудет – сотник слов на ветер не бросает, отомстит и хозяину, и мальчику.

Однако эта мысль почему-то не утешила Юрка: перед глазами стоял мужчина в грязноватой полотняной сорочке с умными глазами – маленькая частица его народа, которому они вроде бы несут освобождение и который почему-то не принимает их...

Почему?

Очевидно, хозяин с его узловатыми от работы руками знает, что Муха не отдаст ему ни одного из своих двадцати моргов, наоборот, приберет к рукам и его песчаный морг – так кто же тогда друг, а кто враг?

Юрко так и не разрешил для себя этот вопрос, продирался за Мухой по кустам, и ветви больно стегали его по лицу.

Глава 8

Черный «опель-адмирал» быстро мчался по шоссе, и резина повизгивала на поворотах. Ипполитов сидел на заднем сиденье, рядом с ним развалился его новый учитель штурмбанфюрер СС Краусс. Ипполитову тоже хотелось свободно откинуться на спинку сиденья и небрежно вытянуть ноги, но он сидел напряженно, смотрел в окно, следя за дорогой. От Берлина уже отъехали километров двадцать, машина вдруг сбавила скорость и свернула на боковую дорогу: такая же асфальтированная лента, но уже, и лес ближе подступает к ней.

Ипполитов не знал, куда они едут. Общительный Краусс охотно рассказывал о девушках и ресторанах, в этом он собаку съел, в лучших берлинских заведениях его знали как облупленного. Но Краусс замыкался в себе, когда речь касалась дела. Понимал: чем меньше будет знать пока; Ипполитов о характере задания, тем лучше, секрет перестает быть секретом, если о нем знают больше трех человек. А если еще и женщина...

Женщин Краусс не обходил вниманием, считал себя: одним из знатоков и почитателей прекрасной половины рода человеческого, но все его девушки почему-то были похожи одна на другую.

– Чем больше имеет девушка, – любил шутить Краусс, – тем лучше. Кому хочется обнимать кости?

В душе Ипполитов разделял пристрастия шефа, ему тоже нравились девушки в теле, и недавно, когда встал вопрос о так называемой подруге жизни для него, сразу выбрал Лиду Сулову. Своя в доску, большевиков ненавидит не меньше, чем он сам, отважная, умеет стрелять, и ума ей не занимать.

Лес расступился, и дорогу преградил шлагбаум. Мрачный унтерштурмфюрер проверил документы. За шлагбаумом тянулся высокий бетонный забор с колючей проволокой сверху, вот раскрылись железные ворота, и «опель-адмирал» въехал на территорию. Сразу за воротами начиналось длинное серое здание – по существу, каменный барак с узкими зарешеченными окнами. Ипполитов не спеша вышел из машины. Старался подражать Крауссу и делать все солидно и неторопливо, как человек, знающий себе цену и требующий уважения к себе от окружающих его людей.

Майор в форме технических войск приветствовал их.

Из коридора лестница вела круто вниз в просторное подвальное помещение. Майор с Крауссом пропустили вперед Ипполитова, тот воспринял это как должное, спускался, гордо выпятив грудь. Когда он ступил наконец на последнюю ступеньку, внезапно на него набросились молодчики, одетые в форму офицеров Красной Армии.

Ипполитов растерялся лишь на мгновение. В австрийской школе разведчиков их обучили различным приемам защиты – подставил ногу одному и нанес удар другому, однако, почувствовав страшную боль в заломленной назад руке, сник и неловко упал на цементный пол, чуть не ободрав щеку.

Но почему здесь, под Берлином, офицеры Красной Армии?

А они держали его крепко, вывернув руки и прижав голову к холодному цементу. Ипполитов с трудом повернул голову и увидел совсем рядом, буквально в нескольких сантиметрах, блестящий сапог штурмбанфюрера. Ему даже показалось, что тот уже приготовился к удару и расквасит ему сейчас лицо. Он закрыл глаза от страха, но его подняли, поставили на ноги и отпустили.

Краусс, увидев растерянное лицо Ипполитова, рассмеялся:

– Не волнуйтесь, это наши специалисты, они проверяли вашу реакцию.

Ипполитов, чтобы скрыть негодование, наклонился и небрежно отряхнул колени.

Штурмбанфюрер махнул рукою, и специалисты исчезли.

– Реакция у вас есть, – похвалил Краусс, – но технику еще надо шлифовать.

– Нас в Австрии учили...

– Как рядового агента, а вы должны стать асом.

– Но так неожиданно...

– К этому вы должны быть готовы. Не стыдитесь, брали вас лучшие специалисты рейха, у них и пройдете дальнейший курс. А сейчас прошу... – Краусс открыл тяжелые металлические двери, и они вошли в тир, в конце которого чернели освещенные лампами дневного света мишени.

Штурмбанфюрер выбрал элегантный никелированный вальтер, любовно подержал его на ладони, подбросил и поймал ловко: видно, любил оружие и умел пользоваться им.

– Безотказная штука, – сказал он так, будто Ипполитов впервые в жизни видел такой пистолет, – давайте попробуем.

Мишени появлялись и исчезали с интервалами и в разных местах. Ипполитов бил по ним с удовольствием, представляя, что стреляет в переодетых молодчиков, так унизивших его. Сменил обойму и опять стал стрелять, а Краусс и майор внимательно следили за ним.

– Хватит, – наконец остановил его штурмбанфюрер, – хватит, потому что патроны нужны рейху на фронте... – Довольный шуткой, рассмеялся первым весело и громко, но сразу оборвал смех и поинтересовался у майора: – Ну как?

– Девять из десяти, – сообщил тот. – Должно быть десять из десяти.

– Хотите сделать из меня снайпера? – Ипполитов всегда гордился своим умением стрелять и считал, что девять из десяти мишеней – весьма неплохой результат.

Штурмбанфюрер заметил его неудовольствие.

– Ганс, покажите ему, как стреляют офицеры рейха.

Майор вынул свой вальтер, подумал немного, вложил обратно в кобуру и взял пистолет Ипполитова. Сейчас мишени исчезали вдвое быстрее, однако майор поразил все десять. Отстрелявшись, вернул вальтер Ипполитову.

– Я сам выбрал для вас оружие, – пояснил, – берегите его, в нем все выверено.

Ипполитов не удержался от вопросительного взгляда на Краусса, тот кивнул утвердительно, и Ипполитов спрятал вальтер в карман, не без удовольствия поняв, что ему доверяют целиком и, может быть, даже приняли в свою компанию. Это сразу подогрело его воображение. Пистолет приятно оттягивал карман, придавал уверенность. Ипполитов неожиданно остановил Краусса, двинувшегося к двери, и произнес твердо, будто приказал:

– Давайте еще... и быстрее.

Увидел довольную улыбку на лице майора – сейчас пистолет его работал, кажется, как автомат. Ипполитов стрелял зло и неистово, да и рука не дрожала – считал, что все пули ложатся в цель. Но майор опять констатировал почти безразлично:

– Девять из десяти.

Ипполитов вставил новую обойму в пистолет, но Краусс успокаивающе взял его за локоть.

– Результат вполне приличный, – похвалил, – на сегодня хватит. Ганс займется шлифовкой вашего мастерства. – Штурмбанфюрер направился к двери не оглядываясь – он был здесь начальством и принимал решения самостоятельно. Ипполитов понял это, и чувство превосходства сразу оставило его. Но все в конце концов логично, все идет как надо, он и в самом деле пока ученик, а вот когда вернется оттуда...

Они вошли в зал, похожий на тир, только в конце его стояли не мишени, а довольно-таки большая стальная плита, пробитая, очевидно, снарядами. Ипполитов удивленно огляделся, но орудия не было, да и какое орудие может быть в помещении, это же тебе не полигон, а подземный тир. Майор повел их к столу, на котором лежала странная металлическая труба с ремнями, проводами и кнопочным выключателем. Он взял трубу почти торжественно, как берет

очень дорогую вещь, взвесил на ладони и произнес тоном докладчика, который сделал очень важное открытие и гордился им:

– Новое оружие, господа, называется оно «панцеркнакке». Эта труба диаметром шестьдесят миллиметров кожаными ремнями крепится к правой руке. Видели плиту, – кивнул в конец тира, – так вот, господа, снаряд, выпущенный из «панцеркнакке», прожигает почти пятисантиметровую броню, как раскаленный штырь кусок масла. Стеляют из «панцеркнакке» реактивными снарядами кумулятивного действия. У снаряда довольно большая дальность полета. Выстрел бесшумный. Представляете, господа! Бесшумный выстрел из рукава пальто снарядом такой огромной силы!

Ипполитов заулыбался от неожиданности и удивления, с благоговением подошел к столу, потрогал ничем не примечательную внешне трубу, похожие на бутылочки снаряды.

– Оберштурмбанфюрер Греффе говорил мне об этом оружии, – сказал он взволнованно. – Это для меня?

– Рейх вручает вам свое самое лучшее оружие, – ответил майор высокопарно.

– Можно попробовать? – спросил.

Майор переглянулся с Крауссом. Видно, нетерпение Ипполитова понравилось им.

Майор прочно прикрепил трубку к руке, осторожно заложил снаряд и вывел выключатель в левый карман пиджака Ипполитова. Тот отошел к стене, медленно поднял правую руку, словно хотел выкрикнуть нацистское: приветствие, прицелился и нажал кнопку. Правую руку рвануло, но Ипполитов удержался на ногах. В конце зала раздался взрыв, в лицо ударила горячая воздушная волна – майор с Крауссом направились к плите, а он все еще стоял неподвижно, глядя на новую дыру в броне – дыру, только что пробитую им, Ипполитовым, из оружия, которого еще не видел мир.

Затем его поздравляли, майор даже пожал ему руку, а перед глазами у Ипполитова все стояла дымящаяся дыра в плите, и ноздри жадно вдыхали запах пороха и обожженной стали.

Глава 9

Полковник Карий потер подбородок ладонью, с отвращением почувствовав жесткость щетины. Совсем завертелся, не было времени и побриться.

Два часа ночи, пора спать. Полковник сочувственно посмотрел на усталые лица майора Бобренка и капитана Толкунова, произнес тоном, не допускающим возражения:

– Итак, договорились. В семь вокруг базара будут расставлены посты, мы возьмем его в кольцо, и в случае чего помощь вам всегда обеспечена. Олексюка доставим в переулок за школой, откуда он пойдет сам.

Полковник придирчиво посмотрел на капитана. Видно, осмотр удовлетворил его: поношенная гимнастерка придавала Толкунову вид ротного запасного полка. Но полковник все же заметил:

– Очень прошу, капитан, к Олексюку близко не подходите. Держитесь подальше, ближе будет майор в штатском, а впрочем, мы обо всем уже, кажется, договорились. Идите, можете четыре часа поспать, даже больше... – Он не уточнил сколько, да и кто считает часы отдыха розыскников – не ложись хоть неделю, а шпиона задержи. – Я полагаюсь на вас, – закончил полковник, провожая офицеров до дверей.

В глубине души Бобренок не верил, что агенты станут искать Олексюка. Он был сброшен, очевидно, для подстраховки, старший группы мог обойтись и без него, а в таких случаях не рискуют – зачем им без крайней нужды толкаться на базаре?

Но все могло случиться, и розыскники не имели права не использовать этот шанс.

Базар расположился на большой площади с деревянными палатками. В стороне стояло несколько возов, запряженных клячами; бабки возле них продавали кур, просили за них бог знает сколько, горожанки только щупали кур, раздували перья, стараясь хоть посмотреть на желтый куриный жир.

Олексюк, как и договорились, прошел мимо возов и углубился в гущу базарной толпы, где торговали с рук разным барахлом – от старой, латаной и перелатанной, одежды и до совсем новых, старомодных драповых пальто и узких, в полоску, брюк.

Моряк, неизвестно как попавший в этот полесский городок, подметал пыль с мостовой широченными клешами. Наконец он нашел, что искал: вдоль палаток протянулись деревянные столы, на которых ковельские бабки выставили кастрюли с разной снедью – предлагали здесь и вкусный украинский борщ, и горячее жаркое с картошкой, и даже вареники с сыром.

Моряк, подумав немного, сдвинул бескозырку на затылок и решительно направился к огромной кастрюле с борщом. Его можно было понять – даже до Бобренка долетал аппетитный запах борща. Утренние бутерброды показались майору сейчас такими жалкими и невкусными, что чуть было не поддался искушению, но не имел права отвлекаться на что-либо постороннее и только краем глаза наблюдал, как морячок уминает борщ из большой миски. Олексюк шел, чуть прихрамывая, плечами раздвигал толпу – немного усталый пехотный лейтенант, возвращающийся из госпиталя в свою часть, и, бесспорно, ни у кого и мысли не могло возникнуть, что этот серый и ничем не приметный человек учился в шпионско-диверсионной школе, отлично владеет оружием и может дать отпор даже вон тому высокому, на полголовы возвышавшемуся над базарной толпой горлопану, который накинул на плечи женскую сорочку, а в руках держал несколько кусков хозяйственного мыла.

Горлопан громко расхваливал свой товар. Бобренок по думал, что при других обстоятельствах он обязательно проверил бы у него документы, но неожиданно обнаружил, что у парня пустой левый рукав, и не осудил его.

В конце рынка Бобренок увидел военную фуражку и сразу насторожился. Фуражка медленно продвигалась к Олексюку. Майор не мог видеть лица военного и погоны, но, судя по

описанию агента, тот мог быть старшим группы Гороховым – кажется, чернявый, точно, чернявый, вот затылок виден, почти цыган.

Цыган разминутся с Олексюком, не останавливаясь, но Бобренок мог дать голову на отсечение, что они заметили друг друга, возможно, обменялись взглядами, может, Олексюк подал Цыгану какой-нибудь условный знак, они могли договориться: если что-то не так, нахмуриться, держать правую руку в кармане, дотронуться до носа, закусить губу – разве мало можно придумать условных знаков?

А Цыган явно похож на Горохова...

Олексюк дошел до конца базара, выпил воды у верткого парнишки, который торговал ею прямо из ведра: набирал в колодце за сотню метров от базара.

Бобренок заметил, как резко повернулся Толкунов. Майор проследил за взглядом товарища и увидел двух военных, приближавшихся к базару. Заборчик был низенький и редкий, и Бобренок хорошо видел, как те переходили улицу. Шли они тяжело, устало, первый – с мешком за плечом. Жаль, отсюда нельзя было рассмотреть звездочки на погонах, да и что звездочки, их могли снять или добавить, главное – документы, а то, что вражеские агенты снабжены запасным комплектом документов, не вызывало у майора сомнения.

Офицеры остановились возле того же шустрого мальчишки попить воды. Теперь Бобренок стоял от них в трех шагах: наверное, не агенты, чернявого среди них нет. Один совсем лысый, а у второго из-под мокрой от пота пилотки выбивались светлые волосы. У первого лоб высокий, лица скуластое, глаза узкие, казах не казах, а что-то восточное было в его глазах. А блондин – типичный флегматик, мешок снял осторожно, поставил у ног, воду пьет маленькими глоточками. Внешне неповоротливый, угловатый. Поднял мешок, но не забросил за плечо, повесил на руку, а мешок, видно, тяжелый. Интересно, что в нем?

Толкунов прошел мимо офицеров, они козырнули ему – оба старшие лейтенанты: узкоглазый исполнил этот ритуал старательно, по уставу, и это насторожило Бобренка – чего вытягивается, да еще на базаре.

Краем глаза майор наблюдал за Олексюком. Тот стоял спиной к старшим лейтенантам; вдруг высокий, с мешком, направился прямо к Олексюку, подошел к нему почти вплотную, показалось, даже толкнул, но не остановился и не сказал ни слова, прошел мимо – к человеку, продававшему мыло. Они быстро сторговались, старший лейтенант вернулся к товарищу – положили мыло в мешок и пошли к выходу.

Бобренок видел, как их остановил патруль, но старшие лейтенанты уже не интересовали его: ясно видел, что блондин не общался с Олексюком.

Агент стоял теперь в самом центре базара, где торговали ношенными вещами. Рядом с ним инвалид на костылях продавал шляпу, обыкновенную черную шляпу с широкими полями. Надел ее на стриженую голову, чуть набок, наверное, считал, что это делает его элегантным, и выкрикивал громко:

– Кому довоенную шляпу? Дешево отдам! Кто хочет понравиться хорошеньким девушкам? Налетай!

Но никто не обращал внимания на призывы инвалида.

Олексюк все ходил по базару, наверняка ему уже опротивела толкотня и суeta, несколько раз вопросительно взглядывал на майора, но тот качал головой: до десяти часов – а Горохов приказал Олексюку шататься по базару как раз с восьми до десяти – оставалось еще пятнадцать минут, и все могло еще случиться. Но не случилось. В десять Бобренок подал знак Олексюку, что можно уходить.

Сейчас агент не очень интересовал Бобренка – им займутся и доставят в комендатуру, – майор же должен был позвонить Карему.

Полковник сразу взял трубку, внимательно выслушал сообщение Бобренка и сказал коротко:

– Так я и знал. Они не придут. Четыре часа назад из леса вблизи Маневичей вышла в эфир неизвестная рация. Немедленно возвращайтесь.

«Виллис» стоял за углом. Толкунов уже сидел в нем – хмурый и недовольный, читал нравоучения Виктору, но тот уже привык к нотациям капитана, пропускал их мимо ушей, ироническая улыбка застыла на его губах. Узнав новости, Толкунов на минуту задумался.

– Они решили обойтись без Олексюка, – констатировал уверенно. – Пересидели где-нибудь в лесу или в деревне, сейчас связались с «Цеппелином» – дали знать, что приступают к выполнению задания.

– Ладно, – вздохнул Бобренок, – поехали к полковнику Карему.

У Карего уже сидело человек десять: розыскники и другие работники контрразведки – все, кто должен был принять участие в задержании вражеских агентов. Полковник хмурился – только что разговаривал с Рубцовым, генерал торопил его, правда, обещал прислать из фронтового резерва несколько розыскников. Но что значат четыре или пять человек?

Карий раздвинул шторы на карте, показал, откуда вышла в эфир рация. Места глухие, болота, одинокие лесные хутора, тут сам черт ногу сломит. Однако километрах в пяти от ориентировочного местопребывания радиста пролегла довольно оживленная дорога, и выходила она на шоссе, ведущее в Луцк.

– Вряд ли диверсанты остались в лесу, – говорил Карий спокойно, кажется, не волновался вовсе, но Бобренок, хорошо знавший полковника, представлял, какие чувства бушевали сейчас в его душе. – Знают или не знают, что мы взяли Олексюка, но догадываются, что рацию-то мы запеленговали. Возможно, оставили ее в тайнике, а сами вышли на дорогу. И может быть, именно в эти минуты двигаются по ней. Здесь у них есть свой выбор: можно и в Маневичи, и в Луцк, и в Сарны. Вполне возможно, что отлеживаются где-нибудь на хуторе, а может, у бандеровцев. Во всяком случае, мы должны взять под контроль все выходы из леса...

Полковник поставил перед розыскниками конкретные задачи.

Бобренок догадывался, что заподозренный им на базаре чернявый офицер не имеет никакого отношения к вражеской агентуре. И все же спросил о нем.

– Все в порядке, – успокоил его полковник. – Старший лейтенант Удальцов – его личность мы установили сразу, – интендант запасного полка.

Глава 10

Весь день они прятались на опушке леса невдалеке от Квасова. Набредли на густые заросли шиповника, куда сам черт побоялся бы сунуть нос, вытоптали место и отлежались после страшной ночи. Мучили жажда и голод, особенно жажда. Юрко уже собрался пойти поискать какой-нибудь лесной ручеек, но Муха не разрешил.

– Сиди здесь! – приказал и в подтверждение своих слов дотронулся до шмайсера. – Видишь, лес редкий... Жить надоело?!

С сотником нельзя было не согласиться, но солнце поднималось все выше, жара становилась нестерпимой, и Юрко ради кружки холодной воды готов был рискнуть жизнью.

– Терпи, – твердил сотник. – Думаешь, мне легче? И учти, до сих пор были цветочки.

Наконец солнце село за лесом, и стало немного легче. Юрко облизывал сухим языком спекшиеся губы, но сейчас хоть не припекало сверху и вечерний ветерок нес прохладу.

Они прошли через огороды, прямо по polegшей ботве картофеля, и уперлись в огороженный тыном двор. На дворе никого не было, слева стоял сарай, а между ним и домом виднелся колодец.

Юрко, не обращая внимания на предостерегающий знак Мухи и свирепый лай пса, рванулся к колодцу – на нем увидел ведро с водой, – окунув лицо, пил и пил, отрывался и снова глотал жадно, ощущая, как охлаждается его нутро, но не мог утолить жажду. Совсем забыл о сотнике, тот бесцеремонно оттолкнул Юрка от ведра и тоже напился.

Муха, мягко ступая, подошел к дому. Дверь была заперта, сотник заглянул в освещенное окно, но ничего не увидел за сдвинутыми занавесками и перешел к другому. В небольшую щель между занавесками заметил какое-то движение. Трудно было разобрать, кто это, мужчина или женщина, но какая-то тень метнулась между лампой и окном, и сотник постучал в стекло осторожно, коротко, прислушался и снова постучал.

В доме засуетились, внезапно погас свет, и Муха скорее почувствовал, чем увидел, что кто-то разглядывает его в щель. Наконец занавески немного раздвинулись, и мужской голос спросил:

– Кто там?

– Здесь живет Петр Семенюк?

– Да.

– Прошу открыть.

– Кто вы?

– От Сороки.

Занавески сдвинулись, и через несколько секунд шелкнула щеколда на дверях. Во двор выкатился приземистый мужчина с большим животом. Внимательно посмотрел на гостей с автоматами и, не говоря ни слова, впустил в дом.

В комнате снова засветилась керосиновая лампа. Пахло свежее испеченным хлебом, и от этого запаха у Юрка закружилась голова, почувствовал такой приступ голода, что даже остановился в дверях, и сотник вынужден был подтолкнуть его.

Хозяин вошел последним, но, обойдя гостей, встал так, чтобы разглядеть пришельцев.

– Что же велел передать мне Сорока?

– «Сегодня в лесу жарко», – не колеблясь выложил Муха.

– «Слава богу, погода, кажется, установилась», – засуетившись, ответил Семенюк. – Мы ждали вас еще вчера, располагайтесь, панове... Но разве вас только двое?

– Да, только двое. – Сотник положил шмайсер в углу на скамью, и Юрко пристроил свой рядом. – Окружили нас на хуторе... Может, слышали, хутор Раковый? Окружили энкавэдэшники и положили всех, только нам с Гимназистом удалось прорваться.

Сотник опустился на тяжелый дубовый стул возле покрытого цветастой скатертью стола.
– Устали мы, – произнес сухо, – и голодные. Целый день ничего не ели.

– Еще бы, – засуетился хозяин, – конечно, устали и голодные. Сейчас все будет, сейчас вас накормим. – Он заглянул в соседнюю комнату и сказал нежно, почти заискивающе: – Тут, Зина, к нам дорогие гости, так ты уж...

Зину, пожалуй, не нужно было звать, появилась сразу, и не в простой домашней одежде, а в шелковом платье с платком на плечах – была она лет на пятнадцать моложе своего растолстевшего мужа, черная и стройная.

Сотник блеснул на нее глазами. Видно, это понравилось хозяйке, потому что она поправила платок и проскользнула на кухню, оглянувшись в дверях.

– Иди сюда, Петрик, – не произнесла, а пропела оттуда, и Петрик, выпятив живот, послушно последовал за ней.

Юрко сел на клеенчатый диван, свободно протянув ноги. Домашний уют и вкусные запахи из кухни как-то сразу успокоили его, будто не было ночного боя, а потом дневного ада в зарослях шиповника. А хозяйка, сбросив платок и надев фартук, обычный домашний и не очень чистый, который почему-то тоже шел ей, уже принесла и поставила на стол блюдо с хлебом и бутылку самогона, следом за ней мельник тащил сало, свежие огурцы и помидоры. Между помидорами белели очищенные сочные луковицы. Юрко решительно пересел с клеенчатого дивана на плетеный стул и захрустел луковицей – не мог ждать, пока нарежут сало. Но сотник оказался более стойким: налил всем в рюмки, поставленные Семенюком, обождал, пока Зина принесет из кухни тарелки с холодцом и колбасой, и только тогда, произнеся короткое «Будем», опорожнил рюмку и со вкусом закусил помидором.

Когда они утолили первый голод, Семенюк снова наполнил рюмки. Юрко отодвинул свою, мельник удивленно блеснул глазами, но настаивать не стал и наконец начал разговор:

– Я уже говорил, что мы ждали вас вчера, вернее, люди, которых забросили оттуда, им не терпится.

Сотник недовольно отодвинул рюмку, покосившись на хозяйку, и заметил:

– Это дело, извините, деликатное и...

– Бросьте, – оборвал его Семенюк, – перед Зиной незачем таиться. Зина в курсе всех наших дел, через нее будете поддерживать связь со мной.

– Ну если так... – Лицо Мухи расплылось в улыбке, снова взял рюмку и выпил одним махом. – Мы внимательно слушаем уважаемого пана.

– Я и говорю, двух человек забросили к нам, точнее, трех, но один повредил ногу и отскакивает где-то или, быть может, взяли его... Ну, остались двое с рацисей, они ждут вас, у них какое-то задание. Мне не говорят какое, – добавил немного обиженно, – но это, в конце концов, их дело, и я считаю, чем меньше мы знаем, тем лучше.

– Где они?

– В схроне.

– Да, я слышал о схроне в Квасовском лесу, – подтвердил Муха. – Там может разместиться целый взвод.

– Сейчас в схроне совсем безопасно, – радостно сказал Семенюк. – Продукты, консервы и мука есть, кроме того, подбросили им свежинки, то, что смогли, конечно... Извините, живем мы с Зиной бедновато...

– Видно... – с иронией окинул взглядом комнату и стол сотник. – Не приbedняйтесь, пан Петро, особенно передо мной.

– Зачем мне приbedняться? Деньги дали, я и купил...

– Деньги и у нас найдутся.

Хозяин сразу оживился и подмигнул жене.

– Завтра я отведу вас в схрон, – пообещал Семенюк, – а сегодня отдыхайте.

– Нет, – возразил Муха, – наотдыхались, весь день вылеживались, пойдем сейчас.

– Сейчас? – искренне удивился Семенюк. – Но ведь до схрона не меньше десяти верст. И все лесом!

– Должен найти дорогу с завязанными глазами, – заметил Муха. – А нам здесь расслаиваться некогда. Весь завтрашний день в Квасове...

– У меня, прошу панства, тайник под сараем, там тепло и спокойно: скорее все село сгорит, чем вас там накроют.

Но Муха стоял на своем:

– Пойдем сегодня, не можете вы, пусть хозяйка проведет.

– Ну и упрямец вы, друг сотник. Пусть будет по-вашему. – Мельник встал на удивление легко и предложил: – Пошли, панове, а то дорога наша не такая уж близкая.

Ночь выдалась светлая и звездная, но луна еще не взошла над лесом, и они воспользовались этим, чтобы миновать огороды и скошенные луга. Пряно пахло какими-то цветами. Юрко жадно вдыхал этот запах, на сердце было тревожно, как бывает всегда, когда не знаешь, что с тобой будет через час или два.

Где-то в середине ночи Семенюк, подойдя к небольшой поляне, дал знак остановиться.

– Скоро уже, – прошептал, – тише, а то могут и подстрелить. Ждите меня здесь.

Дальше Семенюк пошел один, насвистывая какую-то песенку. По-видимому, этот мотив был условным сигналом, но никто не откликнулся на него, и мельник, дойдя до только ему известной березы, старой и толстой, с потрескавшейся корой, остановился и постучал палкой по стволу.

За березой послышался шорох, и прямо из-под земли выросла голова человека. Наверняка, неожиданно увидев ее, можно было и умереть от страха, но мельник спокойно вышел из-за ствола и произнес:

– Это я, пан Харитон, Семенюк.

Человек легко выскользнул из схрона. Был он на голову выше Семенюка, мускулистый, долговязый.

– Зачем пришел? – спросил высоким хриплым голосом. – Есть новости?

– Привел двоих.

– Почему только двоих? Давай их сюда.

Семенюк свистнул. Сотник, услышав, вышел из-за березы, на всякий случай выставив автомат, но долговязый увидел это и произнес властно:

– Брось оружие!

Муха поставил шмайсер под березой, Юрко сделал то же самое.

Долговязый побросал автоматы в схрон. Приказал:

– Полезайте!

Юрко скользнул по приставленной лестнице – думал, что попадет в грязную землянку, а тут двухэтажные нары с матрацами, керосиновая лампа, железная печка у стены. На табуретке возле нар сидел лысоватый, высоколобый, с грустными глазами человек.

– Называйте меня Михаилом, – сказал он.

Долговязый смерил Муху с ног до головы внимательным взглядом и, наверное, остался доволен, так как подал ему руку и назвался:

– Харитон.

– Муха... – Сотник ответил на рукопожатие, настороженность, предшествующая почти каждому знакомству, особенно в такой обстановке, прошла, все расселись как могли, и Харитон поставил на стол бутылку самогона.

– Последняя, – предупредил, – и только ради знакомства. Пока не выполним задание, больше ни-ни, ни капли.

Видно, Мухе этот приказ не понравился – крякнул многозначительно, но возражать не стал.

Когда опорожнили бутылку, Харитон сунул ее под нары и сразу посерьезнел. Обращаясь в основном к Мухе (Юрка по молодости лет не принимал во внимание), произнес:

– Надеюсь, пан сотник знает, что ему надлежит делать?

– В депеше указано: обеспечить вам прикрытие и оказать всестороннюю помощь. На время выполнения задания мы подчиняемся вам.

– Лучше не скажешь! – довольно усмехнулся Харитон. – Поскольку задание важное и срочное, нас инструктировал сам штурмбанфюрер Краусс.

Юрко вздрогнул: какой штурмбанфюрер? Что он мелет? Но ничем не выдал удивления – пребывание в бандеровском курене кое-чему научило его: служба безопасности не знает пощады, и, если хочешь выжить, умей скрывать свои чувства.

– Я не слышал такой фамилии, – пожал плечами сотник.

– Очень большая птица! – поднял вверх указательный палец Харитон. – Из самого имперского управления безопасности.

Гестапо, сообразил Юрко, их послало гестапо, это немецкие диверсанты, а он с сотником Мухой должен помогать им!.. Но почему не возмутился Муха? Это же немцы – вроде их враги. Сам Бандера был арестован гестапо, оуновские пропагандисты кричат об этом на всех перекрестках, а выясняется...

– Наше задание не такое уж сложное, но ответственное. Нужно... – Внезапно Харитон остановился и подозрительно посмотрел на сотника и Юрка: – Но о задании потом. Главное, чтобы вы почувствовали его важность. Высшие чины рейха знают о нас, и в случае успешного выполнения задания заслуги каждого будут надлежащим образом оценены.

Рейх и высшие чины?

Юрко хотел поинтересоваться, при чем здесь чины рейха, но перехватил взгляд Харитона и промолчал. Но тот что-то прочитал в глазах Юрка и спросил:

– Тебе что-нибудь непонятно, парень?

Юрко ответил как можно увереннее:

– Я должен выполнять все приказы сотника Мухи.

– Сейчас будешь выполнять мои.

– Понятно.

– А если понятно, то ложитесь спать. Вы идете, пан Семенюк?

– Конечно, – хохотнул тот. – Мне что, это вам надо прятаться, а я местный: пошел в лес за грибами. Дайте мне только корзинку, ту, в которой Зина продукты принесла. – Взял корзинку, повесил на левую руку: сейчас он и в самом деле походил на заядлого грибника. Церемонно пожал всем, в том числе и Юрку, руки и полез из схрона. – А еще и грибов, глядишь, на обратном пути насобираю, – сказал и задвинул за собою люк.

Юрко лежал с закрытыми глазами, но не спал. Постепенно в схроне все затихло.

Харитон захрапел басовито. Наверное, заснул и Муха – когда Юрко дотронулся до его плеча, дернулся недовольно, но сдержался и спросил коротко:

– Что тебе?

Юрко придвинулся к нему и зашептал на ухо:

– Это же немецкие диверсанты, друг сотник, из гестапо они, поняли вы?

– Дурак ты еще, – положил на плечо Юрка крепкую руку сотник, слегка пожал и повернулся на бок. – А шмайсер у тебя откуда?

– В бою взяли.

– Так уж и взяли... Немецкое оружие, и оставили нам его не зря.

– Фашисты?

– А тебе не все равно? Фашисты, черт, дьявол, лишь бы не было красных. Ты что, – спросил вдруг удивленно, – впервые об этом слышишь? – Юрко не ответил, и сотник продолжал шептать: – Немцы еще сильны, а если даже их побьют, сюда придут другие. Англичане или американцы, они нам помогут, за это и бьемся, парень, поскольку жить с красными мы не согласны, понял?

Юрко вертелся, сон одолевал его, но заснуть никак не мог – думал.

Он, Юрко Штунь, человек, считавший себя интеллигентным и образованным, выполняет для рейха чрезвычайной важности задание. Вместе с сотником Мухой, который перед этим задавил удавкой хозяина хутора и его десятилетнего сына.

Глаза этого мальчика – огромные, серые и умные – стояли перед Юрком. Наверное, он давно уже спал, а глаза не исчезали, большие и грустные, и Юрко читал в них укор.

Глава 11

Самолет стоял посредине большого ангара, спрятанный от чужих глаз, и это еще раз порадовало Ипполитова: следовательно, операция действительно очень секретная и немцы придают ей большое значение.

Подошел инженер в штатском, поклонился вежливо – это понравилось Ипполитову, выпятил грудь и произнес требовательно, будто был не обыкновенным агентом, а по меньшей мере генералом люфтваффе:

– Я хотел бы выслушать ваши объяснения, герр...

– Ханке, – подсказал инженер, – доктор Ханке к вашим услугам.

– Покажите самолет. – За последнее время Ипполитов явно облаглел, держался с Крауссом на равных, бывали даже случаи, когда осмеливался возражать ему.

– Самолет называется «Арадо-332», – начал объяснять инженер. – Современный транспортный самолет, над созданием которого работали наши лучшие специалисты. Это – уникальный десантный моноплан, имеющий высокий потолок полета и большую скорость. Самолет оснащен современнейшими навигационными приборами, с помощью которых может свободно летать в любую погоду, днем и ночью, а также садиться на неподготовленное поле ограниченных размеров. Посмотрите, пожалуйста, – показал на шасси, – видите, самолет имеет специально сконструированное вездеходное шасси. Кроме обычных колес оно состоит из двенадцати пар резиновых катков. Вооруженный девятью пулеметами, самолет может отбиться от любых истребителей. Прошу войти внутрь.

Самолет понравился Ипполитову и внутри: просторно, хватит места и для десанта, и для обслуживающего персонала. Сел в кресло у борта, задумался.

– Вот что, – произнес он вдруг, – я должен буду как можно быстрее покинуть место приземления самолета. Это удастся сделать только на мотоцикле – никто не подаст нам туда «опель-адмирала». – Пошутил: – Чекисты, конечно, с удовольствием бы сделали это, но придется отказаться от их услуг! Итак, мотоцикл... В самолете должен стоять мотоцикл. И нужно сконструировать специальный трап, по которому мы прямо съедем на землю.

Инженер развел руками, но возражать не посмел и вопросительно посмотрел на Краусса.

– Блестящая идея, – подтвердил штурмбанфюрер, – и надо сделать все, чтобы воплотить ее в жизнь.

– Но ведь, – возразил Ханке, – потребуется много времени.

– Нет, – решительно оборвал его Краусс, – много времени мы вам не дадим. Три-четыре дня – самое большое.

Когда они вышли из самолета, Краусса позвали к телефону. Он вернулся через несколько минут, взволнованный, и сразу распрошлся с инженером. Поспешность была не присуща Крауссу, и Ипполитов спросил:

– Что-нибудь случилось?

– Не спрашивайте, герр Ипполитов. Одно высокопоставленное лицо изъявило желание увидеть вас.

У Ипполитова радостно забилося сердце. До сих пор, хоть его и чтили, хоть и исполняли разные прихоти, вращался он, так сказать, в средних эсэсовских кругах, элита не подпускала его к себе, и вот наконец...

– И кто же это? – с деланным безразличием спросил Ипполитов.

– Скоро узнаете, очень скоро, мы уже выезжаем.

До старинного замка Фриденталь всего час езды от Берлина. Вокруг замка – парк в английском стиле: вековые деревья, кусты и подстриженная трава.

Из концлагеря, размещенного поблизости, некогда сюда пригнали рабочих. День и ночь они возводили вокруг замка трехметровую стену. Колочая проволока с пропущенным через нее электрическим током завершила полную изоляцию Фриденшталя от внешнего мира.

Такие предосторожности были не случайны: в замке главного управления имперской безопасности находились специальные курсы особого назначения «Ораниенбург», готовящие шпионов и диверсантов. Руководил ими владелец высших наград рейха, любимец Гитлера, штурмбанфюрер СС Отто Скорцени.

Скорцени пожелал увидеть Ипполитова, чтобы собственными глазами убедиться, тот ли это человек, подходит ли для их замысла.

Штурмбанфюрер прохаживался по кабинету, обставленному в старинном охотничьем стиле: на стенах – олени и лосиные рога, кабаньи головы, разное оружие, начиная от древних мушкетов и кончая ультрасовременными винчестерами, на полу – медвежья шкура...

Первым вошел в кабинет Ипполитов, за ним – Краусс, остановились на пороге. Ипполитов, как и рассчитывал Скорцени, явно оторопел. Он сразу узнал хозяина, просто не мог не узнать – портреты этого человека с рассеченной от подбородка до уха в студенческих баталиях левой щекой печатались во всех газетах, и, может быть, только младенцы не знали, кто такой штурмбанфюрер СС Отто Скорцени.

Скорцени изобразил на лице улыбку. Растерянность Ипполитова понравилась ему – махнул рукой Крауссу, чтобы тот оставил их наедине, и Краусс немедленно исчез из кабинета. И тени обиды не заметил Скорцени на его лице, хотя Краусс тоже был штурмбанфюрером СС. Но что такое чин? Всего лишь майор по армейской градации, но сам фюрер после операции по освобождению Муссолини сказал Скорцени: «Я никогда не забуду вашей услуги». И генералы СС считают теперь за честь пожать ему руку.

– Что же вы стоите? Проходите, пожалуйста, располагайтесь... – Скорцени показал на кресло перед журнальным столиком. – Мне интересно поговорить с вами.

– Для меня это большая честь! – Ипполитов наконец почувствовал, что язык вновь слушается его. Даже улыбнулся, однако подошел к предложенному креслу каким-то деревянным шагом, почти так, как ходят рядовые перед генералом: держа руки по швам.

Скорцени опустился в кресло, вытянул длинные ноги, и сразу, хотя не подал никакого знака, в кабинет вошла девушка в черном мундире с подносом, на котором стояли бутылка коньяку, рюмки, кофейник и две чашки. В кабинете запахло кофе. Предупредительность девушки, аромат кофе и французский коньяк высшей марки сразу улучшили Ипполитову настроение, придали уверенность, и он уже без внутренней дрожи посмотрел на Скорцени.

Штурмбанфюрер понравился ему – энергичное лицо, и шрам совсем не портит его. Широкие брови, прямой нос и морщинистый лоб. Глаза смотрят пытливо.

Скорцени поднял рюмку с коньяком, хитро посмотрел на Ипполитова.

– Не смущайтесь, – сказал он успокаивающе, – смелее, ведь вам, вероятно, придется попадать в разные ситуации, и нужен твердый ум, решительный характер, чтобы выпутываться из них. Прозит!

– Я ценю ваше внимание, – ответил Ипполитов.

Скорцени снисходительно наклонил голову. Еще бы, попробовал бы этот тип, которого они вытащили из грязи, не согласиться с ним!

– Я для того и позвал вас, чтобы посмотреть, действительно ли вы такой, каким вас расписывают мои помощники...

Ипполитов сделал попытку подняться, но Скорцени махнул рукой, и тот снова уселся в кресло. На этот раз расположился удобнее, даже вытянул ноги, так как понял, что грозный штурмбанфюрер не такой уж страшный – иногда очень храбрым человека делают отсутствие интеллекта и способность реально оценить свои поступки. И еще Ипполитов понял, что необ-

ходимо во всем соглашаться со штурмбанфюрером, какую бы чепуху тот ни нес. Скорцени уже привык к лести окружающих, а эта болезнь неизлечима.

Скорцени же наблюдал за этим русским, первым, кого пригласили сюда, в кабинет, предложили удобное кресло и с кем он даже пьет коньяк. Но штурмбанфюрер не испытывал ни малейшего раздражения: от этого человека слишком много зависело, возможно, судьба не только его, но и рейха – настоящая козырная карта, и если удачно пойти с нее...

– Я изучил вашу биографию, герр Ипполитов, и она понравилась мне, – сказал Скорцени.

Ипполитов чуть шевельнулся в кресле. Иронизирует или серьезно? Ведь штурмбанфюрер не может не знать о его преступном прошлом, а воровство карается и в третьем рейхе.

Очевидно, Скорцени прочитал смятение на лице гостя и уточнил:

– Мне нравится, что вы все время были в оппозиции к большевикам. Не имеет значения, в чем это проявлялось, главное, что боролись с режимом всеми способами, вплоть до крайних мер.

Ипполитов облегченно вздохнул. А Скорцени не так уж прост, по крайней мере надо обладать определенной фантазией, чтобы обыкновенную кражу назвать «крайними мерами». Повеселев, ответил:

– Все методы допустимы, если речь идет о заклятом враге.

– Да-да... Поэтому Мы и выбрали вас, Ипполитов. Мы верим: вы пойдете на все ради конечной цели. – Скорцени пристально уставился в Ипполитова: – Вам известно, в чем она заключается?

– Особо важная диверсия...

Скорцени скривил рот в улыбке. Решил, что настало время раскрыть все карты. В конце концов, когда-нибудь это нужно сделать, а Ипполитов, кажется, уже созрел... Пожалуй, все пути назад у него отрезаны.

– Да, особо важная диверсия... – процедил он сквозь зубы. – Вы должны уничтожить Верховного Главнокомандующего красных!

Ипполитов сжался в кресле, почувствовав, что сердце оборвалось от страха и неожиданности. Переспросил:

– Вы имеете в виду?..

– Да, в вашу задачу входит уничтожение Сталина и членов русского Государственного Комитета Обороны, – подтвердил Скорцени.

Ипполитов не отвел глаз, лишь тень промелькнула на его лице, и он ответил бодро:

– Эта акция требует тщательной подготовки. Обычного человека и близко не подпустят к Сталину. Вы представляете, как охраняют там членов Ставки?

– Представляю. И мы выбрали вас, так как верим, что сделаете все, чтобы выполнить задание. Обновите ваши знакомства в Москве, изучите маршруты движения машин Сталина и его охраны. Кстати, как вам нравится «панцеркнакке»?

«Так вот для чего снаряды, прожигающие толстую броню», – подумал Ипполитов. Представил себя где-то в кустах возле шоссе, из-за поворота выскакивает машина, он поднимает руку, нажимает кнопку...

– Прекрасное, безотказное оружие, – ответил Ипполитов.

– Его сконструировали для вас, Ипполитов.

Ипполитов подумал, что Скорцени соврал, но эта ложь ничуть не огорчила его, наоборот, потешила самолюбие. Ответил твердо:

– Надеюсь, что успешно воспользуюсь им.

Ипполитов знал, что почти все группы шпионов и диверсантов, забрасываемые «Цепелином» в советский тыл, проваливаются, но верил в свою счастливую звезду, собственную смекалку и находчивость, хотя по ночам в часы бессонницы сердце сжималось от страха...

Однако сейчас, когда есть возможность, надо воспользоваться всеми благами жизни и как можно лучше играть свою роль.

– Вы должны надеяться, – твердо сказал Скорцени, – вы должны использовать оружие, что бы ни случилось. Ибо в противном случае пути к нам у вас будут отрезаны, а что ждет вас там – сами знаете. Альтернативы нет, Ипполитов, понятно?

Ипполитов не знал, что означает слово «альтернатива», но не отважился проявить свое невежество.

– Да, подтвердил он, – альтернативы нет, и «панцеркнакке» должно сделать свое дело.

– Мне нравится ваша решительность.

– Без нее мне хана.

– Что такое «хана»? – не понял Скорцени.

– Жаргонное слово, означает – смерть.

– Вы правильно рассуждаете: без решительности и храбрости вас ждет смерть. Более того, иногда из-за секундного колебания можно сложить голову. Вы знаете, как я освобождал Муссолини? – Скорцени так и сказал: «я освобождал», игнорируя всех остальных участников операции, и Ипполитов подумал, что этому умению преподнести себя надо поучиться у штурмбанфюрера. – О, это было трудное, почти безнадежное дело. И все же мы справились. Слышали как?

Ипполитов кивнул. Как не слышать, когда все немецкие газеты, захлебываясь, описывали этот случай?!

– Это было трудное, почти безнадежное дело, – повторил Скорцени. – И вот что, – перегнулся он через столик к Ипполитову, – должен сказать вам: если бы я растерялся хоть на мгновение, карабинер прикончил бы меня. Да, эта паршивая итальянская свинья успела бы выстрелить – я перепрыгнул через забор, а он уже поднял автомат, мне оставалось полсекунды, и, если бы я не успел нажать на гашетку, он скосил бы меня. – Штурмбанфюрер налил еще по рюмке и опрокинул свою одним духом, что свидетельствовало о волнении. – И я должен посоветовать вам: стреляйте первым, всегда стреляйте первым, секунда колебания может стоить жизни, а это не входит в наши планы, надеюсь, это не входит и в ваши планы, Ипполитов? – Он расхохотался громко, видно, шутка понравилась ему.

– Не входит, герр штурмбанфюрер, – честно признался Ипполитов.

– Вот мы и договорились... Пейте коньяк, Ипполитов, и я уверен, что мы с вами выпьем после возвращения за вашу победу.

– За нашу общую победу, – уточнил Ипполитов.

И это уточнение было по душе Скорцени, и он сказал:

– Да, мы поработали довольно много и не жалели средств. Вы знаете, сколько будет стоить акция?

– Откуда?

– Около пяти миллионов марок. – Даже лицо Скорцени вытянулось от значительности названной суммы. – Вы представляете, что такое пять миллионов?

– Представляю. – Ипполитов на самом деле был удивлен.

– За эти деньги мы могли бы забросить в русский тыл черт знает сколько агентов, но забрасываем только вас с мадам Суловой. Кажется, она уже стала вашей женой, не так ли?

– Мы оформили наши отношения, – без энтузиазма ответил Ипполитов.

– Как ее успехи?

– Учится работать на рации. Инструкторы довольны.

– Говорят, она смелая и решительная женщина.

– Слишком решительная...

Скорцени уловил подтекст реплики Ипполитова, засмеялся и махнул рукой.

– Не принимайте это слишком близко к сердцу, – посоветовал. – Людей надо использовать, пока они нам нужны. Мадам Сулова может не вернуться, а если вернется, то для вас тогда не будет ничего невозможного. Разводы оформляются быстро.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – покривил душой Ипполитов и сразу же перевел разговор на другую тему: – Я должен иметь настоящие документы, герр штурмбанфюрер. В крайнем случае изготовить их должны самые лучшие специалисты.

– О-о, не волнуйтесь, – поднял руку Скорцени. – В «Цеппелине» работают знатоки своего дела. – Быстро встал и покопался в ящике стола: – Вот, можете полюбоваться!..

Он протянул раскрытую ладонь, и Ипполитов увидел Золотую Звезду Героя Советского Союза. Настоящую Золотую Звезду на красной ленточке – она поблескивала на ладони, а рядом лежал орден Ленина.

– Где? – даже задохнулся Ипполитов. – Где вы взяли? Неужели настоящая?

– Самая настоящая! – самодовольно усмехнулся Скорцени. – Был такой русский генерал-майор. Попал к нам в плен еще в сорок первом году. Сейчас эта звездочка станет вашей.

Ипполитов представил себя где-нибудь на московской улице со Звездой Героя и как оглядываются на него прохожие. Сказал серьезно:

– Русские обожают своих героев, и эта звезда – лучшая рекомендация и пропуск куда угодно.

Скорцени спрятал орден и звезду в ящик стола.

– Вы получите их в свое время, – пообещал, – вместе с соответствующими документами. – Поколебался немного и достал из кармана брелок для ключей – бронзовый чертик с глубокой царапиной. Протянул Ипполитову: – Этот талисман был со мной, когда я освобождал дуче. Видите – царапина, зацепился за колючую проволоку, когда перепрыгивал через забор. Пусть этот талисман поможет вам, Ипполитов. Вы верите в приметы?

Ипполитов не верил ни в бога, ни в черта, но ответил, с благодарностью глядя в глаза штурмбанфюреру:

– Я надеюсь, что этот талисман принесет мне счастье, весьма признателен вам. Лучшего подарка не придумаешь.

Скорцени встал, давая понять, что аудиенция закончена, и Ипполитов вышел из кабинета, зажав в потной ладони поцарапанного бронзового чертика.

Глава 12

У Карего от недосыпания припухли веки, но полковник был чисто выбрит, и от него пахло хорошим одеколоном. Он постучал тупым концом карандаша по разложенной карте, сказал Бобренку и Толкунову, сидящим рядом:

– В ваш квадрат попадают два больших села – Квасово и Дидылово, – а также окружающие леса. Остальные группы прочешут местность от Ковельского шоссе на запад, то есть район выхода в эфир вражеской радиации. Если шпионы еще не оставили этот район, вы должны обязательно обнаружить их.

Толкунов возразил:

– Так они нас и ждут!

– Вполне возможен и такой вариант, – согласился полковник. – Все может быть, капитан, но интуиция подсказывает мне, что шпионы затаились, выжидают, собирают сведения или готовят какую-то операцию. Что подтверждает эту мысль? Во-первых, сообщение нашего разведчика из «Цеппелина», что диверсионная группа высадится в заданном районе с важным заданием. Правда, они могли высадиться в нашем районе, а для выполнения задания передислоцироваться в другой. Но это маловероятно. Почему? А зачем им передвигаться в другой район, все время рискуя, если проще было бы высадиться именно там? – Заметил, как заерзал на стуле Бобренко, и добавил: – Предвижу ваши сомнения, майор. Действительно, бывает и так, чтобы замести следы, диверсантов высаживают далеко от места, где они должны действовать. Но в таком случае они стараются как можно быстрее отойти от места высадки. А что у нас? Они выходят в эфир только на третий день и недалеко от места, где вы нашли парашют. Итак, наверное, вражеские агенты притаились где-нибудь в нашем районе и выжидают удобного момента, чтобы перейти к решительным действиям.

– Или с помощью оставленной здесь немецкой агентуры собирают шпионские сведения, – добавил Толкунов.

Бобренко покачал головой.

– Вряд ли, – не согласился он. – Разведывательные данные необходимо передавать ежедневно, а они сидят молча. Что-то готовят, но что?

Полковник посмотрел на часы.

– На рассвете вы должны быть в Дидылове. Соберите актив и поговорите с людьми. Не исключено, что агенты установили контакт с бандеровцами. Правда, в этом районе их почти нет, но все же... Выезд в пять тридцать. Идите отдыхать.

– Вам бы тоже не мешало, товарищ полковник, – сказал Бобренко.

– Не мешало бы, – согласился Карий. – Но должен еще позвонить генералу.

Глава 13

Они шли часа два зарослями и болотами, и наконец Муха вывел их к неширокой, но длинной и ровной поляне. Харитон остановился и даже свистнул от удовольствия. Затем ходил по поляне, мерил ее шагами, что-то сказал радисту, и они рассмеялись, довольные, как люди, которые нашли то, что долго искали.

Юрко сидел на траве, положив на колени автомат, и смотрел, как солнце цепляется за вершины сосен и елей. Напротив него в другом конце поляны росла высокая ель, агенты постоянно, показывая на нее пальцами, и Юрко понял, что они нашли хороший ориентир.

Угрызения совести не давали покоя Юрку уже два дня: с того времени, как узнал, что Харитон с помощником – немецкие агенты. Противен был ему и сам Харитон, его лицо и маленькие хитрые глазки; Юрку почему-то все время казалось, что Харитон следит за ним, несколько раз ловил на себе его изучающий взгляд.

Вот и сейчас Харитон подошел к нему, остановился, расставил ноги в крепких сапогах, посмотрел внимательно и спросил:

– Ну, о чем думаешь?

Юрко думал, что ему противен этот перевертыш с погонами советского офицера и даже орденами на груди, но только пожал неопределенно плечами: мол, что ему думать и зачем, если есть начальство, – он человек маленький...

Подшли Муха с Михаилом, и Харитон приказал:

– Вы, пан сотник, возвращайтесь с Михаилом в схрон, а я с парнем заскочу в село.

– Это зачем? – не сообразил Михаил. – Мельник днем уехал в город и вернется завтра.

Муха пренебрежительно похлопал его по плечу:

– Я на твоём месте был бы догадливее.

– Мельничиха? – почему-то даже обрадовался Михаил. – Ты о ней? О Зине?

– Если пана Семенюка нет...

– Можно и развлечься... – добавил радист. – Жаль, я тоже не отказался бы.

– Довольно! – оборвал Харитон. – У меня в Квасове дела.

Но никто ему не поверил, даже Юрко, хотя его мнением не интересовались, будто он пустое место.

«Вот, – со злостью подумал Юрко, – до чего я докатился: холуй, прикрывающий грязные дела распутника...» Но ничего не сказал и поплелся за Харитоном, как побитая собака.

Село ложилось рано, особенно теперь, когда керосин привозили редко, а от коптилок люди уже отвыкли: Квасово светилось одинокими огоньками. Харитон постоял немного на опушке, направился к домам. Он шел тихо и осторожно, огибая низины, заполненные полосами вечернего тумана, но не очень таился – имел подлинные документы, а зачем и от кого прятаться старшему лейтенанту Красной Армии?

У Семенюка керосин был, и окна светились. Харитон постучал требовательно и громко, и Зина открыла ему не колеблясь. Может, ждала кого-то другого, однако не растерялась, увидев гостя, и с готовностью пропустила его в дом. Юрко шагнул за Харитоном, но тот преградил дорогу. – Ты, парень, – хохотнул коротко, – заночуй на сеновале, там тепло и сеном пахнет, а я тебя подниму, если понадобится.

Юрко отправился к сеновалу, но не полез туда, а уселся на бревна, лежавшие у дверей, прислонившись спиной к дверному косяку. Сидел и смотрел на звездное небо без единой тучки – Млечный Путь блестел серебром, и какая-то звездочка мерцала, казалось, даже двигалась. «Так вот и земля наша мерцает для кого-то», – подумал Юрко и вспомнил Катрусю. Боже мой, что бы он отдал, только бы девушка оказалась здесь...

Протянул руку и нащупал холодную сталь лежащего рядом шмайсера. Юрко с отвращением оттолкнул оружие, встал и вышел со двора.

В домах слепо темнели окна. Вначале Юрко казалось, что на него смотрят и следят за каждым его шагом, но вскоре это чувство притупилось – он шагал посередине улицы совсем открыто, ибо знал, куда идет и зачем. Только вначале, когда вышел со двора Семенюка, не отдавал себе отчета в этом, но решение возникло сразу, хотя, может быть, он обманывал себя и обдумал все уже давно, просто колебался и собирал силу воли для последнего шага, и сейчас, сделав его, тяжело ступая, шел по песку разъезженной улицы.

Улица немного расширилась, и наконец Юрко очутился на сельской площади. Слева стояла деревянная церковь, напротив нее кирпичный магазин с закрытыми ставнями, а к нему прижался домик с одним освещенным окном. Юрко направился прямо туда, точно рассчитав, что домик без забора может быть только сельсоветом.

Он вошел не постучав, остановился прямо на пороге и осмотрелся. Мужчина, сидящий за столом, покрытым красной скатертью, стал настороженно выдвигать ящик, в котором, наверное, хранилось оружие, а второй, что примостился в углу, потянулся к приставленному к спинке стула карабину – это было закономерно, время военное, да и из лесу могли выйти бандиты. И Юрко, чтобы продемонстрировать, так сказать, свои мирные намерения, шагнул прямо к столу – люди увидели, что он безоружный, и успокоились.

За столом сидел человек средних лет в помятом хлопчатобумажном пиджаке, с длинными седыми усами. Усы у него поседели, а волосы были еще черными, глаза смотрели по-юношески остро.

Тому, кто потянулся к карабину, исполнилось самое большое лет двадцать, одет он был в солдатскую гимнастерку, широкие брюки, из-под которых выглядывали тяжелые ботинки на грубой подошве. Военная гимнастерка и карабин не делали его солиднее, выглядел он совсем подростком, что подчеркивал и вихор, задорно торчавший на макушке.

В комнате сидел и третий человек, которого Юрко сразу не приметил. Еще молодой, но полный, в вышиванке, заправленной в галифе. Пристроился он на скамейке у стены и, наверное, что-то говорил, так как застыл с раскрытым ртом, словно его оборвали на самом интересном, и смотрел на Юрка недовольно.

– Вы председатель сельсовета? – спросил Юрко у седуосого.

– Я. Что вам?

– Есть разговор... – Юрко обвел изучающим взглядом присутствующих, и председатель понял его.

– Это наш актив, можете говорить все. Кто вы?

– У меня важное сообщение. Сейчас в селе прячется немецкий диверсант.

Председатель выдвинул ящик, вынул парабеллум и засунул его в карман брюк. Встал и перегнулся к Юрку через стол.

– Кто вы и откуда вам это известно? – спросил он строго.

– Потому что я привел его в село...

– Ты? Сам?

– Точно. Он сейчас в доме Семенюка. – Теперь, когда главное было сказано, Юрко вздохнул и опустил на стул.

Председатель обошел стол и остановился напротив Юрка. Белобрысый юноша с вихром схватил карабин и стал сзади. Они, так сказать, окружили Юрка, но все было правильно, парень ничуть не обиделся. Глотнул воды и сказал:

– Позвоните куда следует. Времени в обрез, на рассвете он уйдет, а может, и раньше.

– Кто ты? – спросил председатель еще раз.

– Фамилия Штунь. Юрий Штунь из Львова.

– И как же ты?.. С диверсантом?..

Юрко безнадежно махнул рукой:

– Случилось.

– Бандера?

– Точно. – Услыхал, как за спиной щелкнул затвор карабина, но председатель предостерегающе поднял руку.

– Почему диверсант один и как вы попали к Семенюку?

– Мельник – связной. А может, тоже агент, оставленный немцами. У него была явка для диверсантов и для нас тоже.

– Сколько вас?

– Четверо.

– Где?

– В лесном схроне.

– Далеко?

– Верст десять. Или чуть меньше.

– Дорогу знаешь?

– Найду.

– Почему задержались у Семенюка?

– Мельника нет дома, и диверсант пошел к его жене. А меня послал на сеновал.

– А ты к нам?

– Да.

– Почему?

– Так ведь немецкие диверсанты. А я против немцев.

– И против нас?

Юрко растерянно опустил голову:

– Сейчас вроде нет...

– Когда припрет, все так говорят! – зло выдохнул у него за спиной юноша.

Председатель задумчиво покачал головой и спросил:

– Чем вооружен?

– У него только пистолет, но стреляет, хвалился, здорово, – пояснил Юрко.

Третий парень, полный, в вышиванке, достал из-под скамейки карабин.

– Возьмем запросто, – сказал беззаботно. – Сами возьмем, нас трое, а он один.

– С этими пукалками?... – засомневался Юрко. – А если у мельника в доме есть оружие?

Председатель сельсовета нерешительно поскреб затылок, но белобрысый юноша угрожающе придвинулся к Юрку сзади.

– Я тебе дам – пукалки! – прошипел. – Видали мы ваших с автоматами!

Юрко подумал, что делал бы этот задиристый паренек против Мухи с его шмайсером, но промолчал. Он сказал все, что хотел, и теперь не имел права голоса.

Председатель повертел ручку телефона – наверное, никто не отозвался, так как, со злостью бросил трубку на рычаг. Заглянул в соседнюю комнату, позвал:

– Оля, позвони районному уполномоченному! А мы пошли, слышишь, Оля?

Вышла взлохмаченная девушка, пожалуй, школьного возраста.

– Что передать? – спросила сонным голосом.

– В селе немецкий диверсант. Решили задержать собственными силами. А то может уйти. – Председатель подозрительно оглянулся на Юрка. – А ты, парень, посиди здесь. И тихо, никуда не выходи, а то плохо будет!

Эта угроза прозвучала не очень убедительно, да и что могла сделать девчонка с косичками, если бы Юрко надумал убежать? В селе никто ночью на улицу носа не высунет... Но этот бандера, кажется, честный – пришел сам, никто его сюда не тянул...

Юрко заметил колебания председателя и предложил:

– Хотите, я дам вам свой шмайсер?

– Автомат? – не поверил белобрысый. – У тебя есть шмайсер? Где он?

– Остался под сеновалом.

– Дашь мне! – Сейчас он смотрел на Юрка не грозно, совсем по-детски заискивающе, но председатель решительно отстранил его и приказал:

– Автомат возьмет Трофим! Он с ним в армии воевал, а тебе еще учиться надо.

– Мне? – Юноша уставился на председателя сельсовета, но, не выдержав его взгляда, пошел к выходу, прихрамывая на левую ногу.

«Вот почему его не взяли в армию», – сообразил Юрко и двинулся за белобрысым.

Окна дома мельника уже не светились. Юрко хотел первым проскользнуть во двор, но председатель задержал его за плечо.

– Ты, парень, стой, – приказал, – сейчас наше дело! – Он пропустил вперед парня в вышиванке, тот, пригнувшись, юркнул к сеновалу и тут же появился со шмайсером Юрка.

Рука председателя, все еще лежавшая на Юрковом плече, легко сжала его – это можно было понять как проявление доверия или благодарности, но председатель ничего не сказал – взял у «ястребка» его карабин и направился во двор.

Они остановились у колодца. Парень со шмайсером занял позицию именно здесь: отсюда просматривались окна с другой стороны дома и он мог спокойно скосить автоматной очередью диверсанта, если бы тот попытался выпрыгнуть из окна и бежать через огороды. Белобрысый остановился у входных дверей, а председатель постучал в окно.

– Кто? – спросила хозяйка, чуть замешкавшись, не раздвигая занавесок.

– Скажи, Зина, своему гостю, – решительно произнес председатель, – чтобы сдавался. Мы окружили твой дом, и никуда ему не деться!

Занавески закачались чуть-чуть, словно в доме никого и не было, никто не ответил, и тогда председатель сказал громко и решительно:

– Будем ломать дверь! Пойми, Зина, я ж говорю – никуда ему не деться, зачем же сопротивляться?

Но дом стоял молчаливый, будто и в самом деле там никого не было, и председатель, может, и засомневался бы в сообщении этого юноши, если б не автомат, который тот добровольно сдал, и не дрожание занавесок несколько секунд назад.

Председатель отступил немного от дома, чтобы с разгона ударить телом в дверь, и тут раздался первый выстрел. Председатель почувствовал, как что-то зацепило его плечо, будто огрел кто дубиной, но по инерции все же бросился на дверь, она затрещала, но выдержала.

Подскочил хромой парень, попробовали выбить дверь вдвоем, но она не поддавалась. Председатель со злостью ударил прикладом в дверь – наверное, засов был плохо задвинут, – после второго удара щеколда или засов отскочили и дверь распахнулась.

Председатель выстрелил наугад в сени, но никто не ответил. Парень полез в темноту, но председатель схватил его за руку.

– Не лезь, – предостерег, – здесь нужно осторожно...

Он прошмыгнул в сени боком, вдоль стены, нащупал дверь в комнату, рванул ее и вбежал туда – метнулся сразу в сторону и остановился, пытаясь сориентироваться в темноте.

Слева увидел дверь в кухню, впереди дверь – в другую комнату. Председатель бросился туда, но внезапно во дворе послышалась автоматная очередь и почти одновременно взрыв гранаты.

У «ястребков» гранат не было, значит, бросил диверсант. Председатель прикладом высадил оконную раму и выскочил во двор...

Харитон, услышав стук в окно, соскочил с кровати и стал быстро одеваться. Он был готов в две минуты. Увидев в узкую щель между занавесками чужих людей, выстрелил и метнулся к окнам, что выходили в сад, но вовремя увидел засаду у колодца.

А дверь уже вышибали.

Харитон осторожно полез на чердак. Выглянул в окошечко, выбил его ударом ноги. «Ястребок» дал по нему очередь, и тогда Харитон бросил в него гранату. Вслед за взрывом протиснул тело в узкое отверстие и спрыгнул на землю. Юркнул в сад – за ним начинались огороды, а там сам черт не страшен, лишь бы только не было засады.

Вот и первое дерево – скорее к нему.

Позади раздался выстрел, Харитон пригнулся и побежал зигзагами...

Председатель, выпрыгнув из окна во двор, увидел тень, метнувшуюся в сад. Стал на колени и открыл огонь из пистолета, но тень металась между деревьями, и трудно было попасть. Совсем рядом услышал звонкий выстрел: «ястребок» стоя бил из карабина.

– Эх, уйдет! – с досадой крикнул председатель и еще раз выстрелил в отдаляющуюся тень.

«Ястребок» побежал вдогонку, хромая, но тень вдруг остановилась, раздался короткий пистолетный выстрел, и парень упал.

«Федор?.. Неужели Федор? – успел подумать председатель, и тут из-за амбара по диверсанту ударила автоматная очередь. – Слава богу, Трофим!»

Тень диверсанта исчезла: видно, припал к земле либо автоматная очередь скосила его. Председатель бросился в сад, но снова щелкнул пистолетный выстрел, и пуля пропела совсем близко.

А тень метнулась к огородам...

От амбара застрочил шмайсер, бил длинной очередью. Диверсант наконец споткнулся и упал – на этот раз в него точно попали: он уже не стрелял.

Председатель увидел, как тяжело поднимается Федор.

– Осторожно! – крикнул ему. – Осторожно, Федя, он, может быть, недобитый!

Но парень побежал прямо, не маскируясь. Диверсант молчал, и председатель рванул вслед за Федором.

Диверсант лежал на спине в нескольких шагах от спасительных подсолнухов, отбросив правую руку, крепко сжимавшую парабеллум. Председатель еле разжал ему пальцы, отдал пистолет Федору.

– Готов! – произнес председатель и только сейчас перевел дух. – Готов! – повторил громко.

– Мы прикончили его! – заорал вдруг Федор, подбросив карабин. – Наша взяла!

– Трофим? – обернулся председатель к приближающейся темной фигуре. Но увидел того парня, который сообщил о диверсантах, – бандеровец шел, держа автомат в опущенной руке.

– Где Трофим? – спросил председатель, хотя сразу понял неуместность вопроса. – Неужели?..

– Он бросил в Трофима гранату... – сказал Юрко и подал шмайсер председателю.

– И ты?..

– Я поступил, как считал нужным.

– Спасибо! – председатель не взял автомат. Неожиданно засуетился: – Давай перенесем его в дом, а ты, Федя, беги и посмотри, чтобы хозяйка не сбежала.

Жена мельника и не думала бежать: сидела одетая и даже причесанная и с вызовом смотрела, как в дом вносят тело диверсанта. Положили на пол, и председатель бросил женщине гневно:

– Доигралась?

– И чего пристаете? – замахала руками мельничиха. – Я тут при чем? Муж приедет – его и спрашивайте, а я знать ничего не знаю. Ходят тут всякие!

– «Всякие»... – сокрушенно сказал председатель. – Сиди здесь, – прикрикнул, – а то застрелю!

– Я тебе застрелю!

– Ты арестована, – пригрозил пистолетом председатель и вышел во двор.

Федор стоял над телом Трофима и смотрел на него со страхом. Граната разорвалась совсем рядом и изуродовала парню лицо.

– Ну, – сурово произнес председатель, – такова наша жизнь! Никто не знает, что его ждет...

Юрко опустился на колени рядом с Федором. Вдвоем с председателем они перенесли тело на свежую траву, порванную взрывом. Юрко сел, обняв колени руками.

– Пошли, – приказал председатель. – Забирай эту проклятую мельничиху – и пошли. В конце концов, надо дозвониться до района.

Он пошел впереди опустив голову, но ступал твердо, и песок скрипел у него под сапогами. Шел посредине улицы, а окна вокруг не светились, поблескивали в лунном свете, будто никто в селе и не слышал выстрелов.

Глава 14

Город, в котором располагался «Цеппелин», показался Ипполитову весьма приличным. Старинные здания, узкие и кривые улицы в центре, дальше широкие проспекты и бульвары – экзотика и комфорт соседствовали здесь. Ипполитову, правда, больше нравился комфорт, и он вместе со своей свежеиспеченной подружкой жизни Лидией Судовой обосновался в новом двухэтажном коттедже.

Лида бегала из комнаты в комнату, не в силах удержаться от восторженных восклицаний, а Ипполитов ходил за ней, иронично улыбаясь. Что ж, пока пусть будет так, потом он прижмет этих немцев к стене – его будущий особняк должен быть не в каком-нибудь провинциальном славянском городке, а на окраине самого Берлина, в крайнем случае где-нибудь под столицей. Ипполитов слышал, что именно там живут высокопоставленные лица: имеют комфортабельные усадьбы в тихих местечках и ездят в Берлин на машинах.

Лида нарядилась в розовый пеньюар, села в углу гостиной под торшером, сделала вид, что читает какую-то книгу – играет этакую светскую даму-мадаму! Тьфу, дура, не понимает, что она такая же дама-мадама, как он английский король

Сулова повела глазами и улыбнулась. Она догадывалась, что Ипполитов думает о ней. Пусть думает что хочет, пусть считает ее легкомысленной, способной лишь на любовные утехы. В конце концов, это ее устраивает. Чем меньше Ипполитову известно ее прошлое, тем лучше. Да и зачем ему знать, что уже в сорок первом Лидия Адамчик (это ее настоящая фамилия) по заданию гестапо выдавала советских патриотов и партизан, что на ее совести не один десяток погибших людей?

В нужное время она скажет свое слово, поскольку получила от Краусса особые инструкции. Главная ее задача – не спускать глаз с Ипполитова, добиться, чтобы он любой ценой осуществил запланированную акцию. Если окажется трусом, испугается, будет тянуть время, она имеет право применить оружие, а заподозрив измену – немедленно уничтожить Ипполитова. И рука у нее не дрогнет. А если Ипполитов попадет в руки чекистов – она срочно проинформирует главное управление имперской безопасности, применив только ей одной известный шифр.

Утром Краусс привел в особняк двоих инструкторов. Один, высокий, лысый, безбровый, с красными, будто после многодневной пьянки, глазами, сморщил кожу на покато лбу и представился:

– Валбицын.

Ипполитов пожал ему руку без особого удовольствия: чем-то Валбицын не понравился ему – или тем, что смотрел как-то свысока, как и полагается инструктору на курсанта, или тем, что сразу стал искать глазами в комнате, очевидно, бутылку со спиртным и, заметив в углу бар, решительно направился туда.

Краусс, зная слабость Валбицына, предупредил:

– Не больше рюмки, ясно?

Валбицын, не отвечая, достал бутылку коньяку, налил только треть рюмки и выпил, с наслаждением закрыв глаза.

«Вот это инструктор... – подумал Ипполитов. – С таким помучаешься».

Краусс прочитал укор в его глазах и объяснил:

– Герр Валбицын – один из наших лучших специалистов по документам. Имеет привычку вечером напиваться, но утром после первой рюмки рука у него твердеет – стреляет как бог, сами убедитесь в этом.

Второй инструктор был одних лет с Ипполитовым и даже чем-то похож на него. Он вел себя скромно, сел в кресло под торшером, где вчера вечером Лида демонстрировала свои прелести, смотрел на Ипполитова с интересом и явной симпатией.

– Оберштурмфюрер СС Телле, – представил его Краусс. – Вместе с ним вы поработаете над своей легендой. Точнее, вашей с Суловой, поскольку от достоверности легенд – надеюсь, вы понимаете это, – во многом будет зависеть успех операции.

Ипполитов утвердительно кивнул. Они с Крауссом уже в общих чертах прикинули варианты легенд. Предполагалось, что у него будут документы майора, который был тяжело ранен на фронте, потом лечился в госпитале и получил отпуск для поправки.

Телле улыбнулся как-то мягко и деликатно попросил:

– Не могли бы вы, герр Ипполитов, раздеться до пояса?

– Зачем? – возмутился тот. – Вы же не врач, а меня обследовали лучшие профессора.

Не правда ли, Краусс?

Штурмбанфюрер тоже посмотрел на Телле удивленно, но тот повторил:

– Очень прошу, разденьтесь. Кстати, где ваша жена?

Ипполитов показал на спальню:

– Утренний туалет.

Телле понимающе кивнул, и Ипполитов сбросил сорочку. Стоял перед оберштурмфюрером – мускулистый, сильный.

Но Телле осмотрел его скептически и сказал тоном, не допускающим возражений:

– Вы провалились бы со своей легендой через неделю, а может, раньше.

– Это почему же? – искренне удивился Ипполитов. – Мы со штурмбанфюрером Крауссом...

Но Телле не дал ему договорить:

– В целом легенда мне нравится. Но вот вы, тяжелораненый майор, идете в баню. В Москве сейчас трудно с гостиницами и квартирами, ванны есть далеко не везде, да и вообще люди там ходят в бани. Лучшая баня в Москве, если не ошибаюсь, Сандуновская?

– Самая популярная, – уточнил Ипполитов.

– Это не меняет сути дела. Вы идете в баню или по какой-либо другой причине раздеваетесь при постороннем человеке – и что же он видит? Прекрасное тело спортсмена без единой царапины... у тяжелораненого?

Краусс даже завертелся на стуле.

– Ну, Телле! – воскликнул. – Ну и голова!

Телле посмотрел на него холодно.

– Я, штурмбанфюрер, разведчик, – ответил спокойно, – профессиональный разведчик, который должен предвидеть все ситуации.

– Что же делать? – растерялся Ипполитов.

– Сегодня же ляжете в госпиталь. Вам сделают пластическую операцию, и ваше ранение ни у кого не вызовет сомнений.

– Но ведь это задержит нас! – вырвалось у Краусса.

– Лучше задержка на неделю, чем провал.

Ипполитов кивнул: в самом деле, следует предвидеть все, да и вообще каждая отсрочка нравилась ему – туда, за линию фронта, он всегда успеет.

– Жене скажете, что должны выехать на отдаленный полигон, – добавил Телле. – Зачем ей знать все подробности...

– Конечно, – согласился Ипполитов. – А она пусть пока потренируется в работе на рации.

– Безусловно, – кивнул Краусс, – наши инструкторы постараются, чтоб мадам не сидела без дела.

Ипполитову не понравился подтекст, который штурмбанфюрер вложил в слово «мадам», – одно дело, если он с иронией относится к Лидке, но Краусс... Она хоть и формально, но все же его жена...

Произнес твердо, не сводя глаз с штурмбанфюрера:

– Мадам Сулова заслуживает уважения.

– Конечно, – сразу согласился Краусс: зачем ему спорить с этим будущим счастливым? – Ей будут созданы все условия.

– Пока вы будете лежать в госпитале, – сказал Телле, – мы окончательно отшлифуем все детали вашей легенды, а герр Валбицын подготовит необходимые документы.

– Сколько господину Ипполитову предстоит лежать в госпитале? – уточнил Валбицын.

– Я ведь сказал: неделю.

– За неделю все будет готово.

– Вот и хорошо.

– Еще несколько дней на шлифовку стрельбы из «панцеркнакке».

– Следовательно, через десять дней начнем акцию? – Лицо Краусса расплылось в довольной улыбке. – Я могу доложить в Берлин?

– Думаю, не ошибетесь.

– Прекрасно, к этому времени и самолет переоборудуют.

Ипполитов стал одеваться. Застегивал сорочку, а пальцы плохо слушались его.

Десять дней... Еще десять дней роскошной жизни, а потом... Неожиданно нащупал в кармане бронзовый брелок. Какой черт подтолкнул его, а может, просто захотелось похвастаться – достал и произнес не без спеси:

– Знаете, что это такое, господа? Талисман самого Отто Скорцени, он брал его с собой в итальянский вояж, когда освобождал дуче. Видите царапину? Штурмбанфюрер зацепился за колючую проволоку, когда перепрыгивал через забор. Карабинер уже было поднял оружие, но наш герой опередил его. Я уверен, что этот талисман приносит счастье.

– И Скорцени подарил его вам? – недоверчиво спросил Краусс.

– Как видите.

– Дайте посмотреть.

Ипполитов протянул брелок Крауссу на ладони. Глядя, как осторожно касается талисмана штурмбанфюрер, как потянулись к нему Валбицын и Телле, Ипполитов окончательно уверовал в свою счастливую звезду.

– И прошу учесть вот что, господа! – сказал властно, будто и впрямь мог приказывать. Но никто ни словом, ни жестом не возразил ему, и Ипполитов повысил голос: – Не сегодня завтра сюда, в «Цеппелин», для меня придут из главного управления имперской безопасности Золотая Звезда Героя Советского Союза и орден Ленина. Настоящая звезда и настоящий орден. И документы, свидетельствующие, что этой высшей советской награды удостоен майор Таврин. Так мне сказали специалисты во Фридентале. Майор Петр Таврин, понятно?

– Что ж тут не понимать? – процедил сквозь зубы Валбицын, и в его тоне Ипполитов почувствовал неприкрытую зависть.

– Вы смотрите на меня так, будто я и в самом деле удостоен советской награды, – сказал Ипполитов.

Валбицын криво усмехнулся:

– Если бы это было так, разговор у нас произошел бы совсем другой, представляете?

– Представляю, – вполне искренне признал Ипполитов. – Очень хорошо представляю, однако в нынешней ситуации... Понимаете, мне надо вживаться в новую роль, и я просил бы вас помочь мне. Немного подыграть.

– Как? – не понял Валбицын.

Но Телле сразу поддержал Ипполитова:

– Вы хотите, чтобы мы с уважением относились к майору Таврину? Ну если не с уважением, то хотя бы деликатно?

– Если мне не удастся полностью влезть в его шкуру, могу натворить элементарных глупостей. Представьте, если я привыкну с иронией относиться к званию Героя...

Сейчас Ипполитова понял и Валбицын.

– А башка у тебя варит неплохо, – произнес он цинично.

Ипполитов решил когда-нибудь припомнить этому лысому ужу (а Валбицын чем-то напоминал ему именно ужа с красными глазами) неуважительно сказанное им слово «башка», но сейчас ссориться не стал. Каждая ссора и каждое недоразумение шли бы во вред делу, то есть во вред ему лично. А кто сам себе враг?

Спросил:

– Когда ложиться в госпиталь?

– Сегодня, – ответил Телле, – каждый час имеет значение.

В тот же вечер в военном госпитале Ипполитову сделали под наркозом пластическую операцию. Через два дня Краусс поставил в известность Сулову, что муж попал под бомбежку, получил легкое ранение, лечится и вернется через несколько дней. Сулову эта новость не очень огорчила: жизнь в коттедже нравилась ей, хоть Ипполитов и сдержал свое слово – с утра и до шести вечера приходилось работать с инструкторами.

Ипполитов же поднялся с кровати уже на третий день. В госпиталь приехал Валбицын. Они уединились в пустой палате, и «уж» сообщил, что из Берлина уже прибыл полный комплект наград для будущего майора Петра Ивановича Таврина. Кроме Золотой Звезды и ордена Ленина прислали два ордена Красного Знамени, ордена Александра Невского и Красной Звезды. Еще две медали «За отвагу» Валбицын отыскал здесь. Он показал Ипполитову и документы, подготовленные на имя майора Таврина.

– Ого! – воскликнул Ипполитов, искренне удивившись. – А вы работаете с размахом.

Узкое лицо Валбицына от удовольствия вытянулось еще больше.

Ипполитов разложил на столике возле кровати документы. «Уж» все-таки знал свое дело: обложка офицерского удостоверения потерта, а печати прямо замечательные. Итак, у него будут документы на имя майора советской контрразведки Смерш, а это должно открыть ему все двери.

– Спасибо, – поблагодарил он Валбицына вполне искренне. – Вы превзошли самого себя.

«Уж» улыбнулся загадочно. Вынул из портфеля две газеты, подал Ипполитову, тот развернул – номера «Правды» и «Известий».

– Ну и что в этом особенного? – спросил новоиспеченный майор Таврин.

Валбицын потер руки.

– Конечно ничего, – ответил он и одним взмахом руки, словно фокусник, вытянул из портфеля еще две газеты.

Ипполитов посмотрел на них, не понимая: те же «Правда» и «Известия».

– А вы сравните их, – ехидно посоветовал Валбицын. – Иногда надо повышать свой интеллектуальный уровень хотя бы чтением газет.

Он явно нагледел, этот узоколицый «уж», но Ипполитов проглотил пилюлю. Углубился в газету, и лицо его расплылось в невольной улыбке: вот оно что – в другом номере «Правды» за это же число, изготовленном Валбицыным, слово в слово копировавшем настоящий, был напечатан очерк о подвиге майора Петра Таврина и даже помещен его портрет. А в номере «Известий» в Указе Президиума Верховного Совета о присвоении звания Героя Советского Союза рядовому, сержантскому и офицерскому составу Красной Армии допечатаны фамилия, имя и отчество майора Петра Ивановича Таврина.

Ипполитов улыбнулся Валбицыну: за эту услугу можно простить злые намеки.

– Я советую вам, – произнес на прощание Валбицын, – тщательно изучить эти материалы и документы. Особенно очерк в «Правде». Пофантазируйте немного, газетчик не мог во всех подробностях описать ваш подвиг, придумайте детали и нюансы, я завтра заскочу к вам, мы обсудим их. Только прошу, фантазируйте смело, можно немного перегнуть палку, ведь вы

Герой, и помните, там Героя зря не дают... Мы отшлифуем вашу легенду, а сейчас прощайте, мой дорогой герой! – все же не удержался от иронии.

А после обеда приехал Телле. Он разговаривал с Ипполитовым мягко и доброжелательно: обсуждали одну версию за другой, перебирали биографию Таврина.

Валбицын с Телле приезжали в госпиталь ежедневно на протяжении недели, пока врачи не выписали Ипполитова. В тот же вечер он узнал, что из Берлина прибыл уже знакомый ему майор технической службы – «носатый Ганс», как окрестил его Ипполитов. Он привез с собой доведенное до полного совершенства «панцеркнакке». А вечером Ипполитову и Суловой принесли форму: Ипполитову – с майорскими погонами; Лидии – младшего лейтенанта.

Форму нужно было обносить, чтобы не выглядела совсем новой, и Ипполитов с удовольствием примерил ее в тот же вечер. Стоял перед зеркалом, совсем не похожий на себя, словно чужой человек, смотрел и не верил: Золотая Звезда Героя и ряд орденов на груди, португепя не новая, ношенная, но немного поскрипывает, вальтер в кобуре приятно оттягивает ее.

Только на миг Ипполитов представил, что он настоящий Герой, однако эта мысль не принесла ему удовольствия, наоборот, злоба перекосила лицо, и он чуть не схватился за вальтер.

Гансова наука в Берлине все же дала о себе знать, теперь он выбивал почти всегда десять из десяти, рука не дрожала, и реакция была отменной. Вот и сейчас стрелял бы и стрелял в ненавистные лица, хотя знал, что всех все равно не перестреляешь, но все же...

Ганс ждал Ипполитова на полигоне, где стояли бараки «Цепелина». Участок, на котором должны были испытать «панцеркнакке», вернее, проверить мастерство Ипполитова, предусмотрительно обнесли колючей проволокой и поставили часовых, сюда не могли попасть даже Телле с Валбицыным, только Ганс, Краусс и Ипполитов, еще двое молчаливых эсэсовцев из Берлина, которые обслуживали полигон, – строгой секретности, оговоренной самим Кальтенбруннером, придерживались неукоснительно.

Ипполитов не без удовольствия пристегнул к руке «панцеркнакке». Старательно прицелился, однако первая ракета пробила броню не в центре листа, как полагалось, а в самом углу, и Ганс недовольно поморщился. Вообще, он позволял себе быть совсем откровенным с Ипполитовым, не так, как Краусс, в последнее время заискивающий перед ним. Это, в конце концов, было естественно. Ганс отвечал только за техническую оснащенность готовящейся диверсии, а технику он привез действительно безотказную.

– У вас испортился глаз! – заметил Ганс. – И знайте, что снарядов для «панцеркнакке» у нас не так уж много, это вам не пули для вальтера, тратить их надо экономно.

Он еще раз внимательно осмотрел крепление, проверил, удобно ли вмонтирована кнопка включения в левом кармане брюк, и дал команду:

– Стреляйте еще раз, только внимательно. Рука у вас твердая, я знаю, вот и пользуйтесь этим!

Произнеся эту длинную тираду одним духом, Ганс стал позади Ипполитова, наблюдая, как тот наводит адское оружие. Наконец его рука застыла, ракета вылетела с шипением и прожгла лист почти в центре.

Ганс сдержанно, одними пальцами поаплодировал.

– Вы способный ученик, Ипполитов, – похвалил он, – и мне доставляет удовольствие работать с вами. Теперь попробуем пострелять по движущимся мишеням. Представьте, что сидите у шоссе, хорошо замаскировались, а мимо вас мчится машина. Вы должны насквозь пробить ее снарядом, ясно?

– Что ж тут неясного? – сдвинул брови Ипполитов.

– Тогда, пожалуйста...

Сейчас мишень напоминала макет движущейся автомашины. Ипполитов с первого раза не попал, вторым выстрелом зацепил машину, но третьим уже пробил мишень, четвертым и пятым тоже.

– На сегодня хватит, – решил Ганс. Невзирая на свой уравновешенный характер, он волновался, снял фуражку и вытер потный лоб. – Отдохнем.

Они втроем – Ипполитов, Ганс и Краусс пообедали здесь же, в бараке, скромно, без спиртного, съели простой солдатский обед, может, только порции были побольше и мясо нежнее, но Ипполитов, привыкший за последнее время к деликатесам, не мог скрыть разочарования. Краусс заметил это сразу. Вообще этот чертов Краусс замечал почти все, был неплохим психологом, и не зря ему поручили подготовку такой ответственной операции. Поедая с удовольствием или с деланным удовольствием обыкновенный гороховый суп, он заметил:

– Ваша подготовка, герр Ипполитов, приближается к концу. Завтра или послезавтра на местный военный аэродром прилетит «арадо». И через несколько дней вы... – Краусс поднял ладонь.

И у Ипполитова сжалось сердце. Неужели так скоро? – Посадочная площадка найдена? – перебил штурмбанфюрера.

– Сейчас этот вопрос решается, – ответил Краусс уклончиво. – Я же говорю о другом. С сегодняшнего дня советую вам воздержаться от употребления спиртного. Рука у вас должна быть твердой, а голова всегда трезвой. Алкоголь не способствует этому. Надеюсь, вы разделяете мою точку зрения?

Ипполитов утвердительно кивнул. Этот немец высказывает прописные истины с видом первооткрывателя. Проклятый шваб не понимает, с каким удовольствием он напился бы сегодня. Лишь бы на час, пусть на минуту забыть, что через несколько дней...

И все-таки Краусс прав: его будущая судьба действительно зависит от твердости руки, безошибочной реакции и умения молниеносно принимать необходимые решения. Алкоголь, к сожалению, не способствует этому.

Они выпили компот, и Ганс с таинственным видом позвал их в маленькую, отгороженную от барака кладовую с массивной железной дверью. Стульев здесь не было. Ганс подsunул им пустые ящики от снарядов, полез в угол и вытащил обычный портфель с двумя замками – портфель советского образца, в котором носят бумаги служащие и начальники разных рангов. Ипполитов вспомнил, что именно в таком портфеле он вез украденные на станции Аягуз, где работал заведующим нефтескладом, деньги, много денег. Он смог пошиковать на них... Незаметный портфель из дешевой кожи, и никто не задержит на нем взгляд.

Почему же Ганс ставит его на стол почти торжественно? И Краусс улыбается таинственно?

Штурмбанфюрер протянул руку, будто хотел взять портфель, но в последнюю минуту передумал, положил руку ладонью на стол, погладив его гладкую поверхность, произнес:

– В этом портфеле сюрприз, его сделал для нас Ганс, конечно, не без помощи специалистов главного управления имперской безопасности. Не так ли, майор?

Ганс значительно кивнул, и глаза его светились гордостью. Слегка похлопав по портфелю рукой, сказал:

– Здесь лежит мина, герр Ипполитов. Мина большой взрывной силы, которая может произвести огромные разрушения.

– Мы возлагаем на нее большие надежды, – подхватил Краусс. – Вы герой, и там, на советской стороне, перед вами должны раскрыться все двери.

– И ваша задача воспользоваться этим! – сверкнул глазами Ганс.

Ипполитов недовольно взглянул на него. Подумал: «А ты куда лезешь? Ты должен обеспечить меня всем, самым лучшим оружием, а уж что будет делаться там, за линией фронта, не твое собачье дело».

Видно, Краусс понял, что разгневало Ипполитова.

– Вы обязаны принимать решения самостоятельно, учитывая все варианты, любые возможности, – сказал Краусс. – Подложить мину будет не так-то просто. Охрана Верховного, конечно, не дремлет, и под носом у нее пронести портфель с начинкой очень трудно.

«Невозможно, – решил про себя Ипполитов. – Пустое дело».

– Для чего тогда брать с собой? – спросил он.

– Мы должны использовать даже один шанс из ста, – возразил Краусс. – Портфель много места не займет. А вдруг пригодится... Всего не предусмотреть и не предугадать. Неожиданно может возникнуть благоприятная ситуация. Вам понятно?

Ипполитов наклонил голову почти машинально. Он уже давно понял, куда гнет Краусс. Но известно ли этому самоуверенному штурмбанфюреру, как трудно ему будет там, в Москве?

Ганс заглянул в портфель и объяснил:

– Вы принёсите его туда, где будет заседать военная верхушка, незаметно оставляете, а сами исчезаете. Завершает все ваша жена. В назначенное время она подает радиосигнал – следует взрыв.

– Просто и сердито, – добавил Краусс.

«Конечно, задумано сердито, – решил Ипполитов. – Но не все так просто. Вот как у вас вышло... Штауффенберг оставил портфель под ногами у фюрера! Ну и что? А Штауффенберг был своим среди своих. Любимец Гитлера. У меня ситуация посложнее...» Ипполитов сам испугался этой мысли, хотел поделиться своими сомнениями с Крауссом и Гансом, но вовремя спохватился и промолчал. Прямо называть вещи своими именами не годилось, тем более что каждый мог понять его по-своему, а что касается дела Штауффенберга, то всякая, даже маленькая, случайность могла иметь трагические последствия.

Но Краусс понял, какие мысли волнуют Ипполитова. И сказал так, чтобы дать ответ на невысказанный вопрос и в то же время чтобы никто не смог придраться ни к одному его слову:

– Эта мина огромной взрывной силы. Я бы сказал – огромнейшей. То, что у нас было раньше, не идет ни в какое сравнение.

Ипполитов понял его и благодарно склонил голову. Да, рейх ничего не жалеет для его миссии, и она должна удалиться. Естественно, он же баловень судьбы, все в его жизни осуществлялось. Украл деньги – скрылся. Захотел устроиться на хорошую работу – нашел доверчивого начальника. Надумал перейти линию фронта – пожалуйста, немцы признали его и доверяют, даже уважают. Это же надо, сам Скорцени...

Ипполитов сунул руку в карман, нащупал бронзовый брелок, подаренный во Фридентале. Его талисман, его счастье...

Глава 15

Рваные и злые тучи мчались навстречу машине низко над лесом, будто хотели зацепиться за вершины сосен, но обходили их и неслись дальше, не в силах пролиться дождем. Погода портилась, а розыскникам это было ни к чему, особенно сейчас, когда «виллис» прыгал на ухабах дороги между Дидыловом и Квасовом. Именно прыгал, ибо Виктор выжимал из машины все, что мог, и они крепко держались, чтобы не вылететь из автомобиля на крутом повороте.

Около полуночи, когда розыскники еще сидели в Дидыловском сельсовете и разговаривали с председателем, раздался звонок из районного отдела госбезопасности. Дежурный сообщил: только что звонила какая-то девушка из Квасовского сельсовета, там объявился немецкий диверсант, и председатель с «ястребками» пошли брать его. Оперативная группа выезжает в Квасово, но от райцентра до села сорок километров, а от Дидылова – десять. Начальник райотдела распорядился дозвониться и сообщить...

Бобренок, не дослушав, бросил трубку: каждая секунда дорога, неужели не понимает этого болтливый дежурный? Толкунов, увидев выражение лица майора, уже вставал, председатель что-то сказал, но не было времени ни на объяснения, ни на извинения – хорошо, что Виктор дремал здесь же, на скамейке в коридоре, а ему ничего не нужно было объяснять, он стряхнул с себя сон за секунду, и «виллис» рванул как шальной, разметая колесами вязкий песок сельской улицы.

Только после этого Бобренок рассказал, что случилось.

Толкунов покашлял в кулак и пробурчал недовольно:

– Говоришь, председатель с «ястребками» пошли брать?..

– Думаешь, мне это нравится? Черт их дернул, неужели не возьмут?

– Все может произойти... – как-то флегматично ответил капитан, но вдруг разразился:

– Тоже мне, художественная самодеятельность! Пошли диверсанта брать, нам бы его дай бог взять, а то «ястребки»! И почему люди лезут не в свои дела?

В глубине души Бобренок разделял чувства капитана, но целиком согласиться с ним не мог.

– Люди жизнью рискуют, а ты... – сказал не то чтобы с укором, но и не одобряя.

– А кто их просит рисковать? – проворчал Толкунов под нос, но не так запальчиво.

– Совесть.

– А если упустят?

– Плохо.

– Не то слово. Они в такое подполье уйдут, что попробуй их найти. Или вообще перелосируются.

– Возможно, – согласился Бобренок. – Если диверсанты в Квасове или возле него, мы бы завтра их обнаружили. Давай, Витя...

Но Виктор и так выжимал все, что мог, и «виллис», перескакивая с одной выбоины на другую, мчался навстречу сердитым тучам...

Десять километров до Квасова преодолели за считанные минуты, еще минуты три или четыре искали сельсовет, наконец увидели освещенное окно, единственное в селе, и подъехали прямо к крыльцу. Председатель услышал шум мотора и вышел навстречу. Стоял на ступеньках и смотрел, как выпрыгивают из открытой машины два офицера.

– Что? – с нетерпением воскликнул Бобренок. – Что с диверсантом?

– Убит.

– Эх!.. – с упреком выдохнул Толкунов. – Что вы наделали?

– Убили диверсанта! Разве неправильно?

Бобренок успокоился: диверсанта не выпустили, это уже хорошо, лучше, конечно, было бы взять живым, но что ж... Сдвинул фуражку на затылок, приказал:

– Расскажите, как все было.

Председатель коротко рассказал о случившемся.

– Где тот бандера? – быстро спросил Бобренок: решил, что от сведений человека, который был связан с диверсантом, зависит очень много.

– А тут... – Председатель отступил, освобождая проход. – Кстати, он из автомата и положил того диверсанта.

В комнате тускло светила закопченная керосиновая лампа, на лавке сидели два парня – белобрысый с вихром, совсем еще мальчишка, и шатен с длинными волосами и большими живыми глазами – он уставился на офицеров не то чтобы испуганно, но с тревогой. И Бобренок понял, что это и есть тот парень, который пришел в село с диверсантом. Подошел к нему и спросил:

– Ты привел диверсанта в село?

Парень побледнел и встал.

– Да, мы пришли вместе.

– И дальше что?

– Он остался у Семенюков, а я побежал в сельсовет.

– Испугался? – спросил Толкунов.

Юрко ответил твердо:

– Нет. Чего мне было бояться? Кто знал, что мы в селе?

– Тогда почему же?

– Так он же немецкий диверсант!

– А ты кто?

Юрко сник.

– Но ведь не гитлеровец, – ответил тихо.

– Бандеровец?

– Да.

– Откуда?

– Из куреня Сороки.

– И что ты делал с диверсантом?

– Получили задание прийти в Квасово и оказать помощь каким-то людям. Но я не знал, что немецким диверсантам.

– Сейчас ты скажешь, что бандеровцы воюют с немцами...

– Нет, – уверенно прервал его Юрко, – сейчас не скажу.

Бобренок заметил, что допрос идет немного не так, как надо, и решил вмешаться.

– Ты пришел в село с одним диверсантом, а где же второй? – спросил он.

– В схроне.

– В каком схроне?

– Километрах в десяти.

– Кто там?

– Немецкий радист и сотник Муха.

– Что вы делали?

– Искали поляну. Думаю, для посадки самолета.

– Знаешь, где схрон?

– Знаю.

– И найти можешь?

– Конечно.

– Хочешь помочь нам?

– Почему ж нет? – махнул рукой Юрко. – Я уже решил: обратного пути нет. И делайте со мной, что хотите...

Председатель подал майору шмайсер.

– Вот оружие, – объяснил он. – Добровольно передал нам, а потом из этого же автомата положил диверсанта.

– Дострелялись, – посетовал Толкунов.

Председатель обозлился:

– Кто знал, что вы приедете? А он поразвлекался бы с мельничихой – и в лес...

Что ж, председатель был прав, и Бобренок сказал:

– У нас к вам нет никаких претензий, простите, как ваша фамилия?

– Василь Стефурак.

– А отчество?

– Лукьянович.

– Жаль только, Василий Лукьянович, что парень ваш погиб.

– Жаль. Хороший был хлопец. Фронтовик, там пронесло, а тут положили.

– Смерть в бою!

– Да, – согласился председатель, – почетная, но когда гибнет свой человек...

– А где женщина, у которой ночевал диверсант? – спросил Бобренок.

Председатель указал на дверь соседней комнаты.

– Кладовка там, – объяснил. – Без окон, не убежит.

– А труп шпиона?

– Оставили во дворе. И наш Трофим там лежит. Не было времени, – добавил виновато, – сюда спешили, чтобы позвонить...

Все было правильно. Бобренок подумал несколько секунд и принял решение.

– Ты, – кивнул на белобрысого паренька, – оставайся здесь и сторожи женщину. Это тебе, – передал шмайсер, – заслужил в бою. А мы к мельнику. Кстати, а он сам где?

– Поехал в район.

– Вернется – не прозевайте!

– Еще бы! – даже рассердился председатель. – Мы этого проклятого пособника!..

– Поехали! – приказал майор. – И ты с нами, – взял Юрка за локоть, – надо поговорить. – Он пошел вперед не оглядываясь.

Бобренок осветил фонариком убитого диверсанта. Точно такой, как описал его Степан Олексюк: высокий, чернявый, горбоносый. В форме старшего лейтенанта. Толкунов обыскал его, но ничего, кроме пистолета, еще одной гранаты, документов, папирос с зажигалкой, не нашел.

Офицерская книжка выписана на старшего лейтенанта Вячеслава Ивановича Горохова. Командировочное удостоверение... Вдруг нащупал в воротнике ампулу, ловко вырезал ножом. Значит, по инструкции не имели права сдаваться – лучше легкая смерть от цианистого калия.

Оставив председателя сельсовета во дворе, Бобренок с Толкуновым, захватив с собой Юрка, вошли в дом. Юноша сел на скамейку у стены, капитан зажег лампу, пристроился рядом, а майор подвинул тяжелый стул и сел напротив.

Из разбитого окна тянуло свежестью, в лампе мерцал свет. Юрко старался не смотреть на него, но свет притягивал – видел, как постепенно коптится стекло от неумело вывернутого фитиля, и слушал майора, не глядя ему в глаза.

– Ваша фамилия, имя и отчество? – сухо спросил Бобренок.

– Штунь Юрий Филиппович.

– Откуда?

– Из Львова.

– Давно в курене Сороки?

- Полгода.
- Участвовали в операциях?
- Нет.
- Почему?
- Я гимназию окончил и был в курене вроде писаря. Гимназистом и называли – прозвище.
- Что привело вас к бандеровцам?
- Хотел освободить свою родину.
- И доосвобождался, – бросил Толкунов. – С автоматом против своих пошел.
- Я шел против немцев.
- Погоди, – остановил капитана Бобренок. – Конечно, Юрий, ваша вина большая, но вы, думается, можете заслужить прощение. Поможете нам?
- Я от своих слов не отрекаюсь.
- Нужно взять радиста. Обязательно живым.
- Понимаю.
- Ничего не понимаешь, – снова вмешался Толкунов. – Знаешь, как берут диверсантов живыми?
- Не приходилось.
- Дело это не очень легкое.
- Ночью убедился.
- А если убедился, должен знать, на что идешь.
- Думаю, что понимаю.
- И опять инициативу взял Бобренок:
- Нужно выманить из схрона радиста. Желательно одного, без Мухи. Кажется, сотника так зовут?
- Ну да, Мухой.
- Сможешь вызвать радиста из схрона?
- Очень просто.
- Как?
- А откуда ему знать, что Харитон погиб? Скажу: зовет его вместе с рацией.
- Правильно соображаешь, – оживился майор. – Скажешь, приказ старшего группы.
- А если не поверит? – вставил Толкунов.
- Почему бы ему не поверить? Должен поверить.
- Да... – в раздумье подтвердил Бобренок. – Пойдешь в схрон один. С оружием. Тьфу, черт, отдал автомат «ястребку».
- Ничего, заберем, – махнул рукой Толкунов. – Только меня вот что волнует: а если радист тебя заподозрит?
- Юрко немного подумал и сказал:
- Он Харитона боится. Не посмеет послушаться. В случае чего Муху придется... – Он хотел сказать «убить» или «застрелить», но язык почему-то не повернулся, и просто рубанул ладонью воздух. – Сотник опасный и опытный, все понимает, я должен стрелять первым, пока будет возможность. А потом уж радиста заставляю...
- Если услышим выстрелы, мы ворвемся в схрон.
- Нет, – покачал головой Юрко, – не выйдет. Там близко подойти нельзя. Полянка и береза над люком... Должны прятаться в кустах, а мне самому придется радиста... заставить.
- Бобренок недовольно повертел головой:
- Не нравится мне это.
- И мне, – согласился Толкунов.
- Ничего, – возразил Юрко, – они же ничего не ждут.

– А ты славный парень! – Толкунов хлопнул Юрка по плечу. Но тут же немного сбавил тон: – Зачем пошел в бандеры, так и не понимаю...

– Хватит об этом! – оборвал Бобренок. – Давайте еще раз обсудим все. Сейчас сюда прибудет оперативная группа районного отдела госбезопасности. Прикроет тылы, а уж нам с тобой, капитан, брать радиста.

– Что – брать!.. – повертел головой Толкунов. – Брать – тьфу, лишь бы свой поганый нос высунул.

– Высунет... – Юрко оторвал взгляд от лампы, впервые посмотрел в глаза майору. – Я это беру на себя.

– Твоими бы устами да мед пить... – сказал Толкунов, но не так мрачно, как прежде. – Эй, Виктор, – крикнул в разбитое окно, – давай в сельсовет, возьми у «ястребка» автомат! Скажи: берем в долг, днем отдадим, а то еще расхнычется...

«Виллис» отъехал, а с противоположной стороны улицы послышался шум мотора. Председатель выскочил на улицу, замахал руками, и грузовик с оперативной группой остановился у двора.

Глава 16

Часть полигона огородили колючей проволокой, никого и близко не подпускали туда. Из Берлина прибыла специальная эсэсовская команда для охраны этого объекта – коренастые молодчики с автоматами, которым запретили вести любые разговоры. И все же нужно было найти какой-нибудь ключ к разгадке тайны полигона. Но какой? Чем больше обдумывал эту проблему Седой, тем больше убеждался, что вряд ли сможет что-нибудь придумать. Догадывался, что таинственный полигон и предстоящая секретная акция по забрасыванию через линию фронта разведывательной группы – два звена одной цепи, но что стоит его вывод? Нужны были факты, а Марков – под такой фамилией числился он в разведшколе «Цеппелин» – фактов не имел. Правда, один раз, задержавшись утром у входа в школу, увидел перед воротами полигона черный «мерседес» и трех человек в плащах, вышедших из машины. Но ни лиц, ни номера машины не смог различить.

Марков работал с курсантами почти машинально и скоро отпустил их. Из головы не выходили трое в плащах, перед которыми раскрылись ворота секретного объекта. Что предпринять? Проследить, куда поедет черный «мерседес», не было возможности – до города добирался автобусом, иногда подвозил кто-нибудь из начальства, – можно было, правда, пройти пешком километр или два, спрятаться где-нибудь и засечь номер «мерседеса». Но Марков тут же отверг эту идею: до города девять километров, все ездят служебным автобусом, его отсутствие заметят, задержат автобус. Далее, кто-нибудь может увидеть, как он идет пешком, а это, безусловно, вызовет подозрение или нежелательные разговоры.

Да и что даст ему номер машины? Наверняка берлинский – ну и что? Еще одно подтверждение того, что акция запланирована и проводится главным управлением имперской безопасности? Но это ему и так известно.

Вариантов выхода на секретный объект, по сути дела, не было, и Марков совсем упал духом. В столовой во время обеда встретил оберштурмфюрера Телле, вежливо раскланялся с ним – вообще-то он всегда держался несколько вдалеке от Телле, считая его умным и хитрым врагом, – и оберштурмфюрер ответил ему ослепительной улыбкой. Казалось бы, уже по одному этому можно было судить, что Марков – лучший друг Телле, но бывалые работники школы знали, что оберштурмфюрер не скупится на улыбки, которые, как правило, не отражали его истинного отношения к человеку.

Марков, приступив к обеду, подумал, что уже неделю не встречался с Телле, а это значит... Опустил ложку в тарелку и стал задумчиво помешивать суп. Никто не давал Телле отпуск, и никуда он не ездил. Из поездок в Берлин или на другие объекты не делали секрета. Значит, оберштурмфюрер выполнял особое задание. Возможно, связанное с созданием нового секретного объекта.

«Ну и что? – одернул сам себя Марков. – С Телле на эту тему не поговоришь: через пять минут станет известно начальнику школы, а это – провал».

Марков доел суп. Пережевывая бифштекс, стал припоминать, кто, кроме Телле, не появлялся в последнее время в школе. Кажется, только Валбицын. Да, со всеми он виделся, кроме Валбицына, опытного эксперта по документам. А с Валбицыным Марков несколько раз сидел в ресторанах, с ним он не то чтобы дружил, просто был в хороших отношениях и знал любовь господина Валбицына к рюмке. А Валбицын мог быть причастным к секретной операции.

После конца работы Марков дождался, пока Валбицын выйдет во двор, перекинулся с ним несколькими словами и уселся рядом в автобусе. Тот был в хорошем настроении, что-то напевал под нос, и от него слегка пахло спиртным. Стало быть, успел глотнуть во

время занятий. Вообще-то, это преследовалось, но Валбицын достиг такого положения, что мог позволять себе мелкие нарушения.

Марков сидел молча и хмурился. Как начать разговор с Валбицыным? Главное, чтобы тот ничего не заподозрил и чтобы инициатива провести вместе вечер исходила от него самого.

Валбицын заметил, что у соседа плохое настроение, и первым начал разговор.

– Грустим? – спросил он беззаботно.

– Устал... хандра.

– Я знаю неплохое лекарство против хандры, – засмеялся Валбицын, и его карие глаза уставились в Маркова. – Три четверти стакана шнапса, кружка пива – и хандра снимается как рукой.

– Возможно. Но напиваться в одиночку...

– Зачем же в одиночку? Пригласите меня.

– А это идея, – поразмыслив, ответил Марков, – прекрасная идея, пан Кирилл. Я давно уже ничего не пил, некоторая встряска организму просто необходима.

– Я всегда был уверен, что вы гений, Марков. Если бы вы еще хоть немного разбирались в документах, я давно забрал бы вас к себе.

– Жаль.

– Да, жаль. В нашем деле нужно иметь и голову, и руки. – Валбицын любил похвастаться, и все знали это. – То есть талант. Я вам сделаю такой документ, что ни одна ЧК никогда не заподозрит. Настоящий...

– Верю, верю...

Автобус остановился возле коттеджей, где жили сотрудники школы. Марков и Валбицын расстались на несколько минут, чтобы переодеться, и встретились снова на трамвайной остановке.

Старенький и разболтанный трамвай довез их до центральной улицы с вековыми деревьями посередине. Они прошли молча еще два квартала до «Бристоля» – двухэтажного ресторана, – где у Валбицына был знакомый метрдотель. Это давало некоторые преимущества, начиная от выбора напитков и кончая обслуживанием. Правда, в «Бристоле» всегда вертелось много девушек определенного рода занятий, но Валбицын отшивал их решительно и грубо.

– Мы не бабники, мы честные алкоголики, – говорил прямо, и девушек как ветром сдувало.

Марков заказал не шнапс, а коньяк, и Валбицын посмотрел на него с уважением.

– Вы делаете успехи, пан Григорий, – похвалил он Маркова, – и я мог бы отшлифовать ваши манеры. Но, к сожалению, в наше тревожное время, когда не знаешь, где очутишься завтра... – Он не договорил, так как принесли бутылку, рюмки и закуску. Валбицын внимательно следил за ловкими движениями официанта.

Марков промолчал, хотя Валбицын дал повод для вопроса. Думал: а может, Валбицын специально дергает за крючок, чуть-чуть, чтобы неопытный рыбак сделал подсечку?

Они выпили по первой, почти сразу по второй, глаза у Валбицына покраснели, пот выступил на морщинистом лбу, и он вытер его бумажной салфеткой. Доставая пачку дорогих сигарет, которые выдавали только старшим офицерам, угостил Маркова.

– О-о... – осторожно, двумя пальцами вытащил Марков сигарету из пачки. – Такие я видел только у начальника школы. За ваши успехи, пан Кирилл! – Он налил по третьей, несколько форсируя события, но Валбицын уже не замечал ничего. Выпил коньяк, вытянув мясистые губы, словно высосал сырое яйцо, не закусил и затянулся ароматным дымом.

– Да, за успехи, – повторил. – Наши успехи – это и ваши успехи, Марков, успехи всего «Цеппелина». К сожалению, в последнее время у нас была полоса неудач, но иногда одна удачно проведенная операция заставляет забыть предыдущие провалы. Разве не так, пан Григорий?

– Чистая правда! – искренне и горячо поддержал его Марков, поскольку Валбицын сам затронул интересующую его тему. – Чистая правда, и я уверен, что, имея таких выдающихся специалистов, как вы, пан Кирилл, «Цеппелин» не может работать плохо. – Он откровенно льстил Валбицыну. Но тот пребывал в состоянии, когда даже открытый подхалимаж воспринимается вполне естественно.

– Да, – заявил Валбицын, – мы должны отыгаться перед красными, и я скажу вам твердо: абверовская школа устарела, и нас своевременно передали имперской безопасности. Канарис оказался старой свиньей и предателем, и мы еще долго будем приходить в себя от его методов.

– Я полностью с вами согласен, – со всей серьезностью подтвердил Марков, – подготовка агентов сейчас значительно улучшилась, мы забрасываем их больше, чем раньше, это дает о себе знать. Я слышал, что даже сам обергруппенфюрер Кальтенбруннер хорошего мнения о «Цеппелине».

– К сожалению, вы не совсем в курсе дела, Марков, – возразил Валбицын.

Он положил себе полную тарелку закуски и стал жадно есть. Закуска, хоть и была, учитывая карточную систему, в основном овощная, все же оттягивала «вхождение в кондицию» Валбицына – это нарушало планы Маркова, и он снова наполнил рюмки.

Валбицын машинально взял свою, проглотил содержимое, как воду, без тоста и продолжал жевать, уставившись в тарелку. Лысый череп его порозовел.

Марков показал официанту пустую бутылку. Тот понял его без слов и сразу же принес еще одну, сладко улыбаясь и кланяясь издали. Видно, метр предупредил, кого обслуживает: вряд ли бы так солнечно улыбался рядовым посетителям в штатском.

Валбицын, увидев еще одну бутылку, посмотрел на Маркова внимательно и совсем трезво. Маркову даже показалось, что пану Кириллу удалось прочитать его тайные мысли, думал, что тот откажется от выпивки, но Валбицын только почмокал губами и спросил не очень решительно:

– А не много ли будет, пан Григорий?

– Думаю, осилим... – как можно простодушнее возразил Марков. – Но если вы считаете...

Валбицын понял намек и так крепко сжал бутылку, что суставы длинных, покрытых рыжеватыми волосами пальцев побелели.

– А ведь и в самом деле, – согласился, – вторая бутылка не повредит. Принеси нам только кофе, – приказал официанту, – чуть погодя и скажи метру: я просил не тот, что варится в котле...

Официант попятился, услужливо улыбаясь, и Валбицын умиротворенно откинулся на спинку стула.

– Вот так, – победно улыбнулся он. – Я говорил, что вы не совсем в курсе дела, пан Григорий, и это правильно, ибо каждый должен знать только то, что ему положено. Однако скажу вам, что наш начальник пережил трудные времена... Стоял даже вопрос об отправке его на фронт, на Восточный фронт, естественно, – уточнил он, – и если бы не одно обстоятельство, командовать бы ему где-нибудь батальоном – полк никогда не дали бы... Да, не дали бы: потому что опальному офицеру всегда дают меньше, чем он заслуживает.

Марков понимающе кивнул: в том, что начальник «Цеппелина» имел неприятности, была и его заслуга. Сколько агентов, заброшенных в Советский Союз, было обезврежено благодаря сведениям, которые он сообщил в Центр!

Не зря сидел в «Цеппелине» и пил сегодня коньяк с Валбицыным лейтенант Юрий Алексеевич Махненко. А если удастся сейчас вывести кое-что у пана Кирилла...

Но главное – не быть навязчивым.

Они ополовинили вторую бутылку, когда мимо их столика, виляя бедрами, прошла девица. На секунду задержалась, глянув оценивающе.

– Скучаете? – улыбнулась откровенно. – У вас отличные сигареты, господа. Может, угостите?

Валбицын поднял на нее тяжелый взгляд.

– Ты, шлюха, – пробурчал грубо, – мотай отсюда!

– Сразу видно, импотент! – ответила девушка нагло и пошла дальше.

Марков думал, что Валбицын разозлится, но тот вынул сигарету, щелкнул зажигалкой и сказал безразлично:

– Такая лахудра не стоит даже сигареты. От них одни несчастья. Знаете, сколько настоящих ребят погорело из-за них?! Я могу назвать не меньше десятка первоклассных агентов. Правда, нам с вами такая судьба не грозит. Должен сказать, пан Григорий, что это не только мое мнение, но и нашего руководства, и это мнение отражено в вашем досье.

Раскрывать мнение начальства, тем более говорить о досье было рискованно, и Марков понял, что Валбицын «дошел до кондиции» и можно осторожно прощупать его.

– Вы один из самых выдающихся специалистов в нашей школе, пан Кирилл, и мне очень приятно услышать похвалу именно из ваших уст, – сказал он, глядя честно и преданно.

– Бросьте, – вытер жирные губы Валбицын, – приятно, еще приятнее... Мы свои люди, связаны одной веревочкой, зачем нам говорить комплименты друг другу? Вы хорошо делаете свое дело, я – свое, очутились мы с вами здесь не случайно и должны до конца тянуть лямку.

– Лишь бы прекратились наконец эти неудачи на фронте, – сокрушенно сказал Марков.

– Да! – стукнул ладонью по столу Валбицын. – Да, мой друг, и я думаю, скоро и мы внесем свой вклад в победу над большевиками, пан Григорий.

– Мы с вами? – нарочито небрежно возразил Марков. – Слишком незначительна роль «Цеппелина»...

– Не говорите! – Красные глаза Валбицына округлились, сейчас он был похож на сыча, готовящегося схватить жертву. – «Цеппелин» еще покажет себя, вы даже представить себе не можете, над чем работают сейчас настоящие разведчики! – Он явно имел в виду себя, и Марков подумал, что стоит подыграть Валбицыну.

– Да, пан Кирилл, – сказал он вкрадчиво, – вы ас, настоящий ас разведки, и все мы преклоняемся перед вами. Но одна акция – и вся война?.. Несопоставимо. – Марков явно провоцировал Валбицына, никогда не осмелился бы сказать такое трезвому, но сейчас пан Кирилл несколько уже утратил самоконтроль.

– Не скажите... – погрозил пальцем Валбицын. – Представьте, за операцию отвечает такой известный разведчик, как штурмбанфюрер Краусс; сам Скорцени подарил агенту, которого мы готовим, талисман. Я видел его, понимаете, сам видел: брелок для ключей – поцарапанный бронзовый чертик. Герой рейха напоролся на колючую проволоку, когда убивал итальянского карабинера. Вы читали об этом, пан Григорий?

– Конечно читал. Но при чем тут Скорцени и талисман?

– Скоро мы станем свидетелями важных событий. Есть человек, который совершит... – Валбицын вдруг осекся. – Я не могу сказать, что именно совершит этот человек, пан Григорий, хотя вы наш сотрудник, мой коллега, и я не сомневаюсь в вас, но есть секреты... Скажу только, что мы подготовили агента, который полетит в красный тыл и которого благословил сам Скорцени!

– О-о, это потрясающе! – воскликнул Марков. – Выпьем же за его успех! – Он быстро налил по полной рюмке, и они выпили до дна.

Марков почувствовал, что коньяк ударил и ему в голову – вообще он пьянел медленно, к тому же сейчас хоть немного, но не допивал, что давало явное превосходство перед Валбицыным. И Марков сделал еще одну попытку что-нибудь вытянуть из него:

– А ведь нам с вами очень нужен этот успех, и, надеюсь, вы приложили все усилия, чтобы наш агент почувствовал себя среди красных спокойно.

– У него такие документы!.. – начал Валбицын хвастливо.

«Ну, дорогой, еще хоть немного, еще три слова, ну что-нибудь, я уж не прошу называть фамилию, хоть маленькую примету, звание, должность...»

Но Валбицын только резанул ребром ладони по горлу, и Марков понял, что больше ничего не вытянет из него.

Они допили коньяк, Валбицын позвонил куда-то и вызвал машину – раньше у него такой привилегии не было, и это еще раз подчеркивало, что пан Кирилл поднялся на высокую ступень в «Цеппелине».

В машине Валбицын сразу уснул, Марков растолкал его у дома и сам отвел в запущенную и грязную холостяцкую квартиру, половину прихожей которой занимали пустые бутылки.

Вернувшись домой, Марков включил приемник, поймал симфоническую музыку, обдумывая услышанное, потом составил короткое донесение, зашифровал его и только после этого пошел спать.

Завтра на рассвете он совершит традиционную утреннюю пробежку, сунет записку в тайник, а через два дня Центр получит его сообщение. Скупое и не очень ясное. Но он сделал все, что мог, а там будет видно.

Глава 17

Юрко остановился в подлеске на краю поляны, чувствуя, как Бобренок дышит ему в затылок.

– Схрон там... – показал на березу.

Бобренок не ответил, оглядывая поляну. Лес стоял дремучий, все время им приходилось перелезать или обходить завалы деревьев, и вдруг большая чистая поляна, а за ней – поросший кустами овраг с ручейком на дне.

Майор мгновенно прикинул: схрон оборудован со знанием дела – есть запасный выход к ручью, можно зимовать, не боясь остаться без воды. Кроме того, ручей выполнял, так сказать, и санитарные функции.

Рассвело, небо посерело, и береза на поляне четко выделялась на светлом фоне.

– Ну что? – спросил шепотом Толкунов. – Окружаем?

– Давай, – согласился майор. – Мы с тобой будем ждать здесь: ты – за дубом, я – в кустах.

Юрко подведет радиста прямо сюда, он пройдет в трех метрах от тебя. Берешь его, а я буду подстраховывать и возьму Муху, если сотник тоже выйдет.

Толкунов огляделся, обдумывая предложение майора. Видно, остался доволен: кивнул не отвечая.

– А сейчас дай команду: пусть солдаты окружают поляну! – приказал Бобренок.

На грузовике из района прибыло пятеро автоматчиков из местного отдела госбезопасности во главе с лейтенантом, и майор был уверен, что диверсанты, если даже что-нибудь заподозрят, все равно не уйдут.

Толкунов двинулся, но в последний момент Бобренок остановил его.

– Ты двух автоматчиков поставь в овраге.

– Запасный выход?

– Конечно.

– Не выпустим! – Капитан исчез, и ни одна веточка не треснула под его ногами.

Он вернулся минут через двадцать, когда небо на востоке совсем посветлело. Дышал ровно, будто только что проснулся, а не продирался сквозь кусты и дебри векового леса.

– Ну, парень, давай! – тихонько подтолкнул Юрка Бобренок.

Юрко двинулся, чуть сторбившись, словно шмайсер, болтавшийся на груди, перетягивал его. Солнце выбросило свой первый луч из-за горизонта – он запылал золотом на облаке. Юрко только взглянул на него и сразу забыл и о луче, и о березе с трепещущими на утреннем ветерке листьями, и о лесных цветах, которые мял сапогами, оставляя в росистой траве длинные полосы.

Сорока взлетела с березы, затрещала сердито, но Юрко не услышал ее, прислонился к стволу плечом, передохнул и постучал рукояткой автомата по березе.

Стоял и прислушивался к гулким ударам собственного сердца, – кажется, все замерло: никаких звуков, даже птицы прекратили свое бесконечное щебетание.

Постучал еще раз и только тогда услышал тихий шорох под ногами.

Люк сдвинулся чуть-чуть, замер на миг и после этого открылся. На поляну выглянул заспанный Муха.

Юрко сел, снял автомат, бросил его небрежно рядом, но так, чтобы можно было дотянуться. Сказал, вздохнув:

– Спите... Будите, друг сотник, радиста, пан Харитон зовут.

Муха недовольно захлопал глазами:

– Что случилось?

– А ничего. Радиста, говорю, зовут.

– Где Харитон?

– В лесу остался.

– Как так? – У сотника проявилась врожденная осторожность. Опасливо огляделся вокруг и, не заметив ничего подозрительного, успокоился. Но приказал: – Давай в схрон.

Юрко надулся.

– Вам хорошо, всю ночь спали, а тут мотайся туда-сюда... – Однако схватил автомат и полез в схрон.

Муха зажег свечу. Стоял перед Юрком босой, в расстегнутой нижней рубашке и чесал грудь.

– Так что тебе? – спросил, будто только сейчас сообразил, что Юрко вернулся.

Парень, не отвечая, растолкал радиста, который сладко посапывал, будто спал дома на мягкой постели. Михаил сел на нарах, свесив босые ноги и протирая глаза.

– Что случилось? – спросил он. Вдруг соскочил с нар – сон с него как рукой сняло, – метнулся к Юрку, схватил его за грудки: – Где Харитон?

Парень отшатнулся.

– Вас зовет, – объяснил.

– Где он?

– В лесу остался, версты за четыре отсюда.

– Почему сам не пришел?

– А у него и спрашивайте. Я что – приказывать ему могу? Говорит: позови Михаила с рацией. А мне что? Я и пошел звать.

Радист посмотрел недоверчиво.

– А почему он в лесу остался? – спросил он.

– Устали они. Говорят: зачем мне возвращаться, если потом опять от схрона надо отходить. Легли в кустах поспать, а меня послали. Я так думаю, – усмехнулся ехидно, – пан Харитон набаловались с той мельничихой, всю ночь не спали, ну, и решили отдохнуть.

Упоминание о мельничихе оказалось кстати – Муха засмеялся и сказал с завистью:

– Я вам скажу: от такой женщины и я бы не отказался. Хороша мельничиха, с ней не соскучишься, она из тебя все вытянет, даже душу...

Радист зевнул, сел и стал обуваться. Юрко пристроился напротив него, попросил Муху:

– Дайте, друг сотник, чего-нибудь поесть, а то кое-кто и развлекался, и ужинал, а других – на сеновал спать...

– Начальство! – не то похвалил, не то обругал Муха. – Начальство, оно всегда выше, и ему надо угождать. – Он отрезал хлеба, придвинул Юрку полкольца колбасы. – А мне идти или нет? – спросил он.

Юрко успел обсудить с Бобренком и эту проблему. Выход Мухи из схрона осложнял ситуацию. Не потому, что разведчики боялись упустить кого-нибудь из двоих – были уверены в своих силах и знали, что справятся с двумя. Но радиста нужно было взять живым, обязательно живым и желательно раненым. Сотник же, собственно, не очень интересовал контрразведку: лишний бандеровец, которые, к сожалению, еще не перевелись в лесах. Естественно, бандитов надо вылавливать, но куда ж он денется: схрон окружен, и выход у Мухи один – либо сдаться, либо пулю в лоб...

– А как хотите, друг сотник, – ответил Юрко и принялся за колбасу. – О вас речи не было.

Муха довольно потянулся.

– Тогда мы еще отдохнем. – Полез на верхние нары, лег, свесив грязные ноги. – Люк задвиньте, а то я что-то не выспался.

Наконец радист оделся. Сел к столу и тоже позавтракал хлебом и колбасой. Лениво встал, взял мешок с рацией. Сунул пистолет в карман брюк, произнес:

– Пошли!

Он полез первым, а Юрко, захватив шмайсер, – за ним. Думал: как удачно все обошлось! Вылез, задвинул люк, выпрямился, вдохнул свежего, ароматного воздуха, и голова чуть не пошла кругом. Чувствовал себя как-то напряженно, неестественно, пошел к тропинке, слушая голос какой-то птички, верещавшей на березе.

«Не к добру верещит», – подумал Юрко.

Солнце еще не поднялось над деревьями, небо прояснилось, а в лесу стояли сумерки, пахло травой и грибами. До конца поляны оставалось несколько шагов.

Прошли поляну, и Юрко зацепился шмайсером за ветку молодой осины. Отпустил, и она хлестнула радиста по лицу, тот сердито выругался и отступил на шаг, а они уже подходили к дубу, за которым притаился Толкунов.

Прошли дуб, и ничего не случилось, во всяком случае так подумал Юрко, но тут услышал за спиной крик и тяжелое сопение – обернулся и увидел, что радист уже лежит на траве и капитан навалился на него.

Радист оказался не из трусливых, ему удалось вывернуться, сунул руку в карман за пистолетом, но Толкунов перехватил ее, попытался прижать к земле – это ему не удавалось. А Юрко, словно замороженный, смотрел и видел, как радист скребет ногтями траву.

Вероятно, прошла секунда или две, Юрко все стоял и смотрел. Но вот налетел Бобренок – они вдвоем положили радиста лицом к земле, майор сел ему на голову, а Толкунов, вывернув агенту руки, связал их ремнем. Вытащил из кармана радиста пистолет. Бобренок схватил радиста за воротник. Вырезал ампулу, поднял его голову и заглянул в полные страха глаза.

Капитан перевернул радиста лицом вверх.

– Отвечай, и быстро! – приказал он. – Кто забросил вас! «Цеппелин»?

– Да.

– Задание?

– Отыскать и подготовить площадку для посадки самолета.

– Нашли?

– Вчера.

– С «Цеппелином» связывались?

– Дважды. Сообщили о приземлении, а затем о том, что приступили к выполнению задания.

– Когда сеанс связи?

– Сегодня.

– Хочешь жить?

Радист на мгновение закрыл глаза, словно не веря, раскрыл их и произнес, глядя преданно:

– Еще бы!

– Будешь работать на нас?

– Я сделаю все, что прикажете.

– То-то же! – Толкунов встал. – Лежи тихо, а то...

Бобренок благодарно сжал локоть капитана: Толкунов сделал все правильно и профессионально. Сейчас нужно было как можно быстрее доставить радиста в штаб армии, по крайней мере сообщить полковнику Карему об аресте. Рация осталась в «виллисе», а «виллис» стоял на дороге километрах в четырех.

Но оставался же еще схрон с Мухой. Можно было бы переложить это дело на районных чекистов, но Бобренок решил задержаться. Вышел на край поляны и свистнул. Метрах в ста отозвался старший группы – лейтенант госбезопасности. Вдвоем они направились к березе, не спуская глаз с люка. Вернее, с места, где он был – отлично замаскировали, можно было наступить на него и не заметить.

Их догнали два автоматчика, еще двое бойцов засели в овраге, где мог быть запасный выход.

Подошли к березе. Лейтенант, нащупав люк, произнес:

– Я считаю, рисковать не стоит. Все равно этому Мухе конец: знаете, сколько на нем крови?! Сдастся – пусть выходит, а нет – забросаем гранатами.

Лейтенант был прав. Честно говоря, и майору не хотелось рисковать жизнью из-за бандита, и он кивнул. Лейтенант отодвинул люк, крикнул:

– Сотник Муха, вы слышите меня? Сдавайтесь!

Тишина, наконец из схрона послышалось какое-то шуршание – и внезапно ударила автоматная очередь.

– Слышу и отвечаю! – крикнул Муха.

Лейтенант отодвинулся на шаг, сейчас пули были не страшны ему.

– Сдавайтесь, Муха, – повторил, – у вас нет другого выхода.

Снова ударил автомат и замолчал. Лейтенант добавил:

– Ну расстреляешь несколько рожков, а дальше что? Мы хоть сейчас можем забросать тебя гранатами. И знай, запасный выход в овраг тоже заблокирован.

Автомат дал опять длинную очередь, и тогда лейтенант швырнул гранату в схрон. Взрывная волна вырвалась из отверстия, с березы посыпались листья – и наступила тишина...

– Все... – сказал лейтенант. Повернулся к автоматчикам: – Давайте, ребята, пошуруйте там... – А сам присел, прислонясь спиной к березовому стволу.

Глава 18

Полковник Карий разговаривал по телефону с генералом Рубцовым.

– Ваши разведчики поработали прекрасно, – сказал генерал, – и мы представляем их к наградам. Я поздравляю вас, Вадим Федотович, все пока идет нормально, и ваш план связи с «Цеппелином» одобряю. Однако учтите вот что. Два часа назад получено сообщение от Седого. Немцы планируют на вашем участке фронта какую-то акцию, которой придается очень большое значение. Агент или агенты – из Берлина, фамилий и примет Седому установить не удалось. Акция запланирована и осуществляется под непосредственным контролем главного управления имперской безопасности – считайте, обергруппенфюрера Кальтенбруннера. Непосредственно отвечает за нее штурмбанфюрер Краусс.

– Не густо, – пробубнил в трубку Карий.

– Не спешите, – остановил его Рубцов. – По некоторым данным, которыми располагает Центр, для одного из агентов «Цеппелина» фирмой «Мессершмитт» создан самолет. Представляете, специальный самолет.

– Ого! – воскликнул Карий.

– Еще один интересный факт, – произнес Рубцов. – Этот агент был на приеме у Скорцени. Если его принимают на таком уровне, то действительно немцы задумали нечто экстраординарное. Скорцени подарил агенту талисман, брелок для ключей – бронзовый чертик с цапапиной. Кажется, поцарапал его, освобождая Муссолини.

– Что-то в этом есть, – проворчал Карий.

– Да-да!.. Итак, мы знаем: группа агентов, которую нам удалось обезвредить, имела задание найти и подготовить место для посадки самолета. На помощь этой группе был брошен почти весь бандеровский отряд. Это о чем-то говорит?

– Еще бы!

– Вот я и думаю, что задержанные нами агенты искали место для посадки самолета с диверсантом, о котором сообщает Седой.

– Два звена одной цепи.

– Точно. И сейчас от того, как вы проведете сеанс связи с «Цеппелином», зависит, возьмем мы их агента или нет. Может быть, одного, а может, и целую группу. Хотя бы одного с талисманом Скорцени.

– Мы сделаем все, Василий Семенович. Радиста, как я докладывал, Бобренок с Толкуновым уже везут сюда, с минуты на минуту должны быть, и я сам займусь им.

– Очень прошу, Вадим Федотович, я бы тоже подскочил, но за вами как за каменной стеной.

Генерал положил трубку, а Карий сидел еще несколько минут, раздумывая. Дело принимало неожиданный оборот.

Вышел в приемную, где разложил бумаги на столе его помощник лейтенант Щеглов.

– Ну где же они? – спросил нетерпеливо.

– Будут через три-четыре минуты.

Лейтенант ошибся только на минуту: «виллис» остановился возле домика контрразведки через пять минут. Виктор затормозил у самого входа, и розыскники провели радиста в кабинет Карего. Юрку Бобренок приказал подождать в комнате Щеглова.

Радисту развязали руки, он стоял в центре кабинета, разминал их, и довольная улыбка блуждала на его губах.

Полковник обошел вокруг стола, внимательно разглядывая агента, будто в кабинете стоял не обычный диверсант с погонами лейтенанта Красной Армии, а какое-то заморское чудо. Под

этим взглядом агент сник и опустил руки, глядел на Карего со страхом и надеждой, кажется, уяснил, что от этого человека с седыми висками зависит его судьба.

Наконец полковник остановился.

– Ваша настоящая фамилия? – спросил он.

Агент подтянулся, стал по стойке «смирно», ответил четко:

– Младший лейтенант Гапон Иван Алексеевич.

– Часть?

– Тридцать девятый стрелковый полк девятнадцатой дивизии.

– Попали в плен или сдались сами?

– Был ранен в сорок втором под Харьковом, находился в лагере военнопленных.

– И там тебя завербовали?

– Виноват...

– Виноват, говоришь? – повысил голос Карий. – Продал Родину, товарищей своих, к врагу переметнулся!

Агент стоял опустив голову. Полковник сел на стул, спросил:

– Тебе сказали, что сейчас должен будешь сделать?

– Да, – поднял голову с надеждой.

– Это твой последний шанс, – сказал полковник веско. – Мы подготовили радиogramму, и ты передашь ее в эфир. Только без фокусов. Знаем мы ваши условные обозначения и передачу радиogramмы проконтролируем до последней точки. И от того, как будет развиваться операция, будет зависеть твоя судьба. Это тебе ясно?

Радист вытянулся и даже щелкнул каблуками.

– Я готов хоть немного искупить свою вину... – Вдруг запнулся, наверное, хотел добавить «товарищ полковник», но не осмелился.

– Давайте сюда второго! – распорядился Карий.

Агент непонимающе пожал плечами, но почти сразу ввели Степана Олексюка, доставленного заранее. Радист отступил удивленно, кривая улыбка промелькнула на его лице, наверное, подумал, что именно Олексюк выдал их.

Полковник сказал:

– Наконец-то теплая компания собралась вместе. Третьего – и главного – уже не будет никогда. Понятно?

Агенты закивали, переглядываясь не очень-то приветливо.

Полковник махнул рукой, и их вывели.

Карий предложил Бобренку и Толкунову сесть. Майор с удовольствием опустился на мягкий диван, а Толкунов отказался:

– После «виллиса», товарищ полковник, разрешите постоять.

– Должен сообщить вам, товарищи, что управление контрразведки фронта представило вас к ордену Красного Знамени.

Бобренок расплылся в радостной улыбке, а Толкунов не поверил.

– К Красному Знамени?.. – переспросил он.

– Начальство ценит вас.

– Не вижу.

– Как это понять?

– Вы, товарищ полковник, приказали бы выдать нам сейчас по сто пятьдесят и отпустили бы спать...

Полковник засмеялся:

– Неужели думаешь, что я совсем зачерствел? Идите к старшине Яковлеву, он знает и все, что пожелаете... По мере возможности, конечно.

Толкунов удовлетворенно хмыкнул в кулак:

- Спасибо, товарищ полковник.
- Как быть с парнем? – спросил Бобренко.
- С каким?
- Который помог нам взять радиста.
- Юным бандеровцем? – пошутил Карий.
- Не такой он уж и юный, – вмешался Толкунов.
- Хороший парень, – сказал Бобренко уверенно. – И сделал все, что смог.

Полковник подумал и распорядился:

– Скажите Щеглову, чтобы связался с городским отделом госбезопасности. Как его? Юрий Штунь, если не ошибаюсь? Пусть выпишут ему документы и отпустят.

– Он хочет учиться.

– Наученный уже... и так умный, – сказал Толкунов.

– Это ты, Алексей, напрасно! – горячо возразил Бобренко. – Кто лез в схрон, рискуя жизнью? А кто положил их старшего? Неизвестно, взяли бы мы без него радиста живым. Я бы ему даже рекомендацию дал – пусть учится, польза будет. Пойдет в армию, повоюет, а потом за учебу...

– Ну давай-давай... – примирительно проворчал Толкунов.

Розыскники ушли, а Карий набросал текст радиogramмы и приказал позвать агентов.

– Познакомься, – показал ее радисту, – все правильно?

«Площадка для приземления самолета в шести километрах на юг от села Квасова. Подготовлена для посадки. Ждем указаний. Тридцать седьмой».

– Все правильно, – подтвердил радист. – Когда передавать?

– Ваш график выхода в эфир?

– С шести часов утра до восемнадцати. Поэтому, – улыбнулся мрачно, – я ничего не заподозрил, когда тот бандера вызвал меня из схрона.

– Скажи ему спасибо, – посоветовал Карий. Но радист только нахмурился и ничего не ответил.

– Можете не сомневаться, – вставил Олексюк, – мы все сделаем как надо.

Полковник смерил его безразличным взглядом: от Олексюка, собственно, ничего не зависело, и вообще в запланированной радиоигре он был лишней спицей в колесе. Карий только на всякий случай держал его под боком, и, как выяснилось позже, весьма предусмотрительно.

А сейчас полковник приказал проводить агентов в комнату, где была подготовлена для выхода в эфир рация, захваченная у диверсантов.

Радист натянул наушники и застучал ключом. «Цеппелин» отозвался почти сразу, следовательно, их ждали и агент сказал правду. Радист передал в эфир зашифрованную радиogramму и получил подтверждение, что сообщение принято и ответ будет через десять минут.

Карий нетерпеливо ходил по комнате. Наконец «Цеппелин» вышел в эфир, на бумагу легли цифры, и полковнику дали расшифрованный текст:

«Немедленно сообщите, где старший группы Вячеслав Горохов провел вечер перед вылетом на задание».

Ясно, это была проверка. Но старший группы убит, и, если не ответить на вопрос, «Цеппелин» прервет связь.

Карий почувствовал холодок под сердцем: неужели удачно начатая операция закончится так безрезультатно?

Полковник положил радиogramму перед агентами. Радист только покачал головой, а Олексюк наморщил лоб и предостерегающе поднял руку.

– Подождите, – сказал нерешительно, – подождите, Горохов хвалился... дай бог памяти...

Полковник нетерпеливо уставился на него – неужели не вспомнит?

– Да, – вдруг решительно произнес Олексюк, – точно! Он говорил, что весь вечер сидел с оберштурмфюрером Телле. Тот инструктировал его в последний раз.

Лоб у Карего разгладился.

– Пишите! – приказал и продиктовал ответ: – «Последний вечер перед вылетом на задание Горохов провел с инструктором школы Телле. Прошу учесть, если вы нам не доверяете, то мы без вас обойдемся легче, чем вы без нас. Тридцать седьмой».

И снова потянулись минуты ожидания. Наконец пришел ответ:

«Ждите самолет через трое суток. В двадцать два часа послезавтра выходите на связь – получите подтверждение. «Цеппелин».

Полковник вытер аккуратно сложенным платочком лоб. Жестом приказал вывести агентов. Минуты две сидел, обдумывая сообщение, затем направился звонить генералу Рубцову.

Глава 19

После обеда у Маркова было еще полчаса свободного времени, и он воспользовался этим, чтобы прочитать газету. Даже от чтения геббельсовских газет иногда получал удовольствие, особенно когда речь шла об очередном сокращении линии фронта и об оставлении немецкими войсками разных городов.

Читал и размышлял: скоро, самое большое через месяц-два, ну через три, Красная Армия освободит их город, «Цеппелин» снова передислоцируется дальше в тыл, потом еще раз – и тогда до Берлина рукой подать.

Кто-то сел рядом с Марковым, тот недовольно скосил взгляд, но, увидев Сидоренко, забыл о газете. Сидоренко работал на аэродроме – опытный инженер, после скитания по лагерям был зачислен в обслуживающий персонал аэродрома. Уже год, как Сидоренко работал с Седым.

– Ну? – спросил кратко Марков, не откладывая газеты.

– Такие дела, Григорий Григорьевич: вчера к нам на аэродром прибыл самолет. Называется «Арадо-332». Высокая скорость и большой потолок полета, точно не знаю сколько, но до черта. Только одних пулеметов девять. И любопытно вот что: самолет оснащен совершенно новым шасси – двенадцать резиновых катков, сядет где угодно. И откидной трап, по которому прямо из самолета можно выехать на мотоцикле. Я сам не видел – меня и близко не подпускают, – но немцы-технари хвастались.

Марков на мгновение закрыл глаза: вот оно, последнее звено цепи. Спросил:

– Когда планируется вылет?

– Говорили, дня через три. Может, раньше.

– Спасибо, дружище, – поблагодарил Марков Сидоренко. – Если будет что-нибудь новенькое, не медли. Все, что связано с «арадо», очень важно.

Встал и, помахивая газетой, направился к школе. Итак, оставался резервный вариант. Марков мог пойти на него только в случае крайней необходимости, но, вероятно, такая потребность и возникла.

И все же...

Марков немного подумал и решил, что, возможно, не следует идти на крайности. Все зависело от того, удастся ли обвести вокруг пальца начальника школы.

Выждав с полчаса, Марков зашел к начальнику школы гауптштурмфюреру СС Людвигу Кранке. Тот разговаривал по телефону. Помахал Маркову рукой, предлагая сесть, и закончил разговор.

– Что случилось? – спросил.

– Возможно, я ошибаюсь, – начал Марков осторожно, – но лучше ошибиться мне, нежели потом пострадает дело. Короче, не нравится мне курсант Бакуменко.

– Чем? – заинтересованно вытянул голову Кранке.

– Перепуганный какой-то. Группу запланировано выбросить завтра, сегодня я провожу последний инструктаж, а он ничего не слышит, и глаза бегают. С таким настроением забрасывать человека...

Кранке слушал внимательно. Собственно, все, что говорил Марков, могло быть и плодом его воображения, но сигнал оставался сигналом, и Кранке должен прислушаться к нему. И так в последнее время значительно возросло число провалов агентов, а если этот прохвост Бакуменко на самом деле провалит группу, кому грозят неприятности? Ему, Кранке, поскольку был предупрежден Марковым.

Гауптштурмфюрер не долго раздумывал. Спросил:

– Кого можете порекомендовать вместо Бакуменко?

- Курсанта Подгорного.
 - Почему?
 - Надежный и учится прилично.
- Кранке задвигался на стуле.

– Хорошо, – согласился, – пусть готовят вашего Подгорного. – Он снял трубку и отдал соответствующее распоряжение. – Благодарю вас, Марков, за бдительность, прошу и в дальнейшем докладывать обо всем подозрительном. А курсантом Бакуменко мы займемся.

Марков вышел из кабинета начальника школы с чувством выполненного долга. Во-первых, уже послезавтра советская разведка будет знать об «арадо» и подготовится к его приему. Во-вторых, этот Бакуменко – на самом деле мерзавец: служил карателем, руки в крови, да и вообще законченный подлец.

Приказал вызвать к себе Подгорного. Тот появился через несколько минут, вытянулся на пороге, как и полагалось курсанту, но Марков, выглянув в коридор и убедившись, что вокруг никого нет, прикрыл двери и обнял Подгорного за плечи.

– Завтра, – произнес быстро, – завтра, Борис, полетишь к своим. Запомни, что должен будешь сделать. Сразу после приземления найдешь ближайшую воинскую часть. Скажешь, что тебе нужен какой-нибудь работник Смерша. Передашь ему: ты от Седого. Он должен будет немедленно связать тебя с контрразведкой армии или фронта. Там скажешь: немцы примерно через три дня готовят высадку важного агента. Специальный самолет «Арадо-332», оборудованный дополнительными шасси и откидным трапом для выезда мотоцикла. К сожалению, это все.

Подгорный беззвучно шевелил губами, запоминая сказанное.

– Иди, Борис, – слегка подтолкнул его к двери Марков. – Может, больше не увидимся.

Он ошибся – Кранке ввел его в состав группы, провожавшей агентов. На следующий вечер гауптштурмфюрер в сопровождении Маркова и еще одного инструктора школы прибыл на аэродром. Трое курсантов, переодетые в форму офицеров Красной Армии, уже стояли возле самолетов. В середине – Борис Подгорный. Сосредоточенный и даже суровый, как и надлежит быть человеку перед серьезным делом. Встретившись с Марковым глазами, Борис чуть-чуть опустил веки: мол, все помнит и все выполнит.

Инструктор проверил парашюты и снаряжение агентов, и они поднялись в самолет. Заревели моторы, «юнкерс» поднялся в воздух. Марков долго смотрел ему вслед. Прекрасная погода, звездное небо, и ничто не предвещает беды. Марков вернулся домой в хорошем расположении духа.

А «юнкерс» набирал высоту, и моторы натужно ревели. Подгорный сидел на металлической скамье, опершись парашютом о борт самолета. Думал: через полтора часа он снова будет дома. Думал именно так: дома, хотя родился и жил за сотни километров от предполагаемого места приземления, потому что считал своим домом любое село или хутор, где свои.

Борис Подгорный попал в плен в сорок втором под Харьковом. Пехотный лейтенант, он командовал вначале взводом, потом ротой, а в тяжелых боях под Изюмом должен был принять даже батальон. Правда, от батальона тогда осталось не больше роты, но Подгорный поднимал его в контратаки как батальонный командир – в одной из них его контузило, так и лежал на поле боя, пока не подобрала немцы.

Вначале лагерь под Киевом, потом Заксенхаузен – чего только не насмотрелся Борис за два года мытарств! Весной сорок четвертого дошел, как говорят, до ручки. В это время и приехал в лагерь гауптштурмфюрер Кранке. Военнопленных построили на лагерной площадке, и гауптштурмфюрер предложил тем, кто желает попасть в специальное учебное заведение, сделать шаг вперед.

Немного поколебавшись, Борис шагнул: собственно, терять ему было нечего. Чувствовал, что уходят последние силы, и пусть будет что будет – лучше он, когда перебросят через

линию фронта, сдастся своим и сдаст остальных диверсантов, чем так погибнуть. Все-таки будет какая-то польза, в конце концов, если ему даже и не поверят, то примет смерть как надлежит.

А в школе встретил Маркова. Инструктор долго присматривался к нему. Подгорный не мог скрыть свою ненависть к фашистскому холую – она независимо от его воли проявлялась в чем-то, в каких-то неуловимых деталях, – и Марков понял его. У них состоялся откровенный разговор, который привел к тому, что лейтенант Борис Подгорный поднялся на борт «юнкерса» с важным заданием.

Подгорный попробовал посмотреть на себя со стороны. Два года прошло, и словно ничего не случилось. Сидит на металлической скамейке человек с лейтенантскими погонами, правда, тогда он носил два кубика в петлицах, привык к ним, а погоны давили на плечи. Но документы у него почти настоящие – инструктор Валбицын говорил, что выдержат любую экспертизу, – вооружен он офицерским пистолетом ТТ, на ногах не новые, но удобные, разношенные яловые сапоги, и даже медаль «За отвагу» на груди.

Все предусмотрели немцы: старший группы у них, бывший каратель из Белоруссии, Слипцевич, сам хвастался, что расстреливал и партизан, и мирных жителей, принимал участие в акциях, жег села. У него один выход: верно служить гитлеровцам – ему попадать в руки чекистов никак нельзя, он знает это. Но ведь и Подгорный с сержантом Колядой, третьим членом их диверсионной группы, радистом, знают это; вон Коляда как затуманенно смотрит на Слипцевича, вероятно, одни и те же мысли бродят в их головах, и, если он, Подгорный, не ошибается, они сдадут Слипцевича контрразведке в первый же день, вернее, в первый же час пребывания на своей земле.

Подгорный поправил парашют и удобнее вытянул ноги, сделал вид, что дремлет, но время от времени раскрывал глаза и встречался с задумчивым и вопросительным взглядом Коляды. «Дурак он, что ли, так и Слипцевич может понять сержанта – палец в рот ему не клади, хитрый, стервец». И Подгорный демонстративно отвернулся от Коляды и поправил свой шлем.

«Юнкерс» дернуло, и он сразу лег на крыло, входя в крутой вираж. Внезапно кабина самолета осветилась ярким светом, и Подгорный сообразил, что они перелетают линию фронта и прожекторы уже вцепились в них. И зенитки стреляют по самолету, свои же парни посылают в них снаряды, один из них разорвался совсем близко.

Самолет клюнул носом, может, пилот бросил его в пике, стараясь обмануть прожектористов, однако это ему не удалось, так как свет заливал кабину и рядом слышались разрывы снарядов.

Но Подгорному почему-то не было страшно. Хотя зенитчики и стреляли именно по нему, Борису Подгорному, он не чувствовал к ним зла и не боялся. Хорошо бьют ребята, и, наверное, снаряды ложатся каждый раз все ближе!

Самолет снова бросило в сторону, Подгорный слетел со своей скамейки и больно ударился рукой об пол. В то же время что-то тяжелое упало на него, вывернулся и увидел полные страха глаза Слипцевича, усмехнулся зло, хотел что-то сказать, но не успел: ослепительный свет затопил мозг, тело пронизала боль. Протянул руки, чтобы удержаться, но ничего не подвернулось...

Снаряд разорвался, может, в метре от «юнкерса», а может, попал в него – самолет развалился на куски, и они, оставляя огненный след, упали в лес километрах в пятнадцати от линии фронта.

Глава 20

Ипполитов проверил мотоцикл и остался доволен: мощная машина с безупречным мотором, легко заводится, в коляске оборудованы тайники для оружия, приторочены чемоданы с одеждой, документами, разным снаряжением.

Мотоцикл надежно крепился в самолете, никакие виражи не смогли бы сдвинуть его с места. Ипполитов попросил выбросить специальный трап, сам освободил мотоцикл от креплений, одним движением ноги завел его и выехал из самолета. Дал газ и проехал по аэродрому. Мотоцикл слушался малейшего движения, мгновенно набирал скорость.

Ипполитов похлопал по бензобаку ладонью и спросил:

– А номера? Соответствуют ли номера воинской части, обозначенной в документах?

Валбицын, допущенный на аэродром, заверил:

– Все в порядке.

– Когда Горохов выходит на связь?

– Сегодня.

– Еще раз предупредите: завтра в два часа ночи должны зажечь костры.

Ипполитов с сожалением отошел от мотоцикла.

– Сегодня последний вечер, – сказал сокрушенно, – последний вечер в вашей компании, господа. Мне жаль...

– Должны отпраздновать его! – предложил Краусс тоном, не допускающим возражения.

– Да, – согласился Ипполитов, – но завтра у меня уже не будет ни настроения, ни желания проверить содержимое чемоданов.

– Я проверил все лично, – заверил Кранке.

– Полагаюсь на вас, гауптштурмфюрер, – склонил голову Ипполитов, – но хотел бы знать, в каком чемодане что лежит и как мне удобнее расположить необходимое.

В барак принесли вынутые из мотоцикла два небольших чемодана. Ипполитов стал проверять их. Вначале наклонился над чемоданом с оружием: все сложено аккуратно, с немецкой педантичностью. «Панцеркнакке» и комплект снарядов-ракет к нему, портфель с миной. Ипполитов подозрительно покосился на него: он всегда немного с предубеждением относился к взрывчатке. Конечно, знал, что без детонатора взрыв, невозможен, но все же соседство с миной действовало угнетающе. Ипполитову показалось, что Краусс заметил его нерешительность – этого только не хватало, – он переложил портфель поудобнее. Но Краусс, кажется, и не смотрел на него. Проклятая подозрительность, когда он только избавится от нее?

Ипполитов дотронулся до кобуры на ремне. Да, у него несколько пистолетов: те, что в чемодане, и вальтер, никелированный офицерский вальтер – безотказное и красивое оружие. Ипполитов знал, что у некоторых советских офицеров есть трофейные пистолеты, иметь такой считалось в какой-то мере шиком.

Наклонился над вторым чемоданом, перебрал его содержимое уже не так старательно, хотя в глубине души понимал, что этот чемодан имеет не меньшее значение. Радиостанция, комплект незаполненных бланков различных советских учреждений, паспорта, дипломы, удостоверения... Около полумиллиона рублей советских денег. «Молодец Валбицын, – подумал Ипполитов, – знает дело».

Кажется, только подумал о Валбицыне, а тот уже, оттерев Кранке, тоже склонился над чемоданом. Стал объяснять, будто Ипполитов никогда не видел таких приспособлений:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.